

JAK SLOVENIAN
BOOK
AGENCY

Sample
translation

VITOMIL
ZUPAN

Playing with the Devil's Tail

Novel

Vitomil Zupan – Playing with the Devil's Tail
Novel

Sample translation

Uredili / Edited by

Tanja Petrič, Katja Stergar

Prevodi v angleščino / English translations by

Jason Blake

Založila in izdala Javna agencija za knjigo Republike Slovenije, Metelkova 2b, 1000 Ljubljana
Zanjo Aleš Novak, direktor

Issued and published by Slovenian Book Agency, Metelkova 2b, 1000 Ljubljana

Aleš Novak, Director

Grafično oblikovanje in prelom / Technical editing and layout

Nenad Cizl

Tisk / Print

R-tisk

Naklada / Print run

300 izvodov / 300 copies

Darilna publikacija / Gift edition

© Nosilci avtorskih pravic so avtorji/prevajalci sami, če ni navedeno drugače.

© The authors/translators are the copyright holders of the text unless stated otherwise.

Ljubljana, 2014

CIP - Kataložni zapis o publikaciji

Narodna in univerzitetna knjižnica, Ljubljana

821.163.6(048.4)

ZUPAN, Vitomil

Playing with the devil's tail : novel : sample translation / Vitomil Zupan. - Ljubljana:
Javna agencija za knjigo Republike Slovenije = Slovenian Book Agency, 2014

ISBN 978-961-93270-6-7

275678976

TABLE OF CONTENTS

Vitomil Zupan: About the author and his work	2
<i>Igra s hudičevim repom</i> (excerpt in Slovenian)	4
Translations	
Bulgarian (Translated by Ljudmil Dimitrov)	10
English (Translated by Timothy Pogačar)	16
French (Translated by Florence Gacoin-Marks and Grégoire Labbé)	22
German (Translated by Karin Almasy and Ann Catrin Apstein-Müller)	36
Lithuanian (Translated by Kristina Tamulevičiūtė)	50
Macedonian (Translated by Darko Spasov)	56
Polish (Translated by Regina Wojtoń)	62
Russian (Translated by Marianna Bershadszkaya, Aleksandra Krasovets, Nadežda Starikova and Tatiana Zharova)	68
Serbian (Translated by Nemanja Sićević)	94
Slovak (Translated by Kristína Potočníáková)	99
Spanish (Translated by María Estefanía Quiroga)	105
List of Translators	112
Co-financing Publications of Slovenian Authors in Foreign Languages	118

Vitomil Zupan

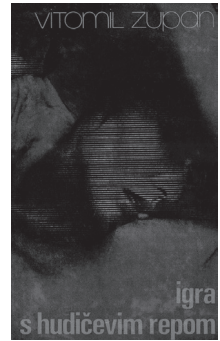
The Slovenian writer, poet, playwright and essayist Vitomil Zupan was born in 1914 in Ljubljana, where he later attended high school and studied civil engineering. Considered something of a bohemian, in his younger years he travelled extensively and worked at a variety of jobs, including as a professional boxer and a constructor of lightning rods.

On returning to Slovenia, he allied himself with the leftists in the student movement and joined the Liberation Front as a member of the Sokol association. In 1942 the Italian occupiers interned him in the Čiginj and the Gonars concentration camps, though he escaped and joined the partisans.

After the war he was editor of the cultural program on Radio Ljubljana. In 1947 he received the Prešeren Prize for his 1945 play *Rojstvo v nevihti* (Birth in a storm). A year later, however, he was

imprisoned and forbidden to write – having been accused of immorality, of revealing state secrets, and of producing hostile propaganda. While in prison he wrote the novel *Levitán* (Leviathan; 1982). He was released in 1954. In prison he also wrote a number of poems that were published some 20 years after his death in the 2006 collection *Pesmi iz zapora* (Prison poems).

After he was released from prison, Zupan worked as a freelance writer. Many of his short prose works were published in newspapers under pseudonyms. Though he also wrote several radio and television plays and film scripts, it would be many years before his works were published. Not until forty years after their creation were his plays performed. In 1984 he received the Prešeren Prize for his literary oeuvre. In 1987 he died in Ljubljana, where he is buried in Žale Cemetery.

Playing with the Devil's Tail
book cover

Zupan and His Literary Oeuvre

In the 1970s Zupan published seven works of fiction, while four of his plays saw print, along with the book-length essay on design in contemporary theatre *Sholion* (1972), and the 1973 poetry collection *Polnočno vino* (Midnight wine). It was at this time that he finally gained widespread recognition. Zupan wrote in a variety of styles: initially social-realist, his writing later became more modernist in style. In his modernist novels he shows the “problematic” heroes of war time. His novels, which were published more than three decades after they were written, make for a particularly rewarding discovery: the Župančič-Award-winning *Potovanje na konec pomladi* (Journey to the end of spring; 1972), *Klement* (1974), *Zasledovalec samega sebe* (The self-pursuer; 1975) and *Mrtva mlaka* (Dead water; 1976). *Potovanje na konec pomladi* and *Zasledovalec samega sebe* fell outside

the prevailing trends in Slovenian prose of the time and were more within the contemporary European movements, surpassing late modernist prose in Slovenia.

Zupan's writing is highly autobiographical: *Komedija človeškega tkiva* (A human tissue comedy; 1980) covers his pre-war life, *Menuet za kitaro* (*Minuet for Guitar*; 1975; English translation published by Dalkey Archive Press 2011) his life during World War II, the Župančič-Award-winning *Levitana* (Leviathan; 1982) his life in prison, and *Igra s hudičevim repom* (*Playing with the Devil's Tail*; 1978) his post-war life. His unfinished novel *Apokalipsa sedanjosti* (Apocalypse of the present; 1988), meanwhile, covers the 1980s or the final years of his life. The director Živojin Pavlovič based his feature film *Nasvidenje v naslednji vojni* (*See You in the Next War*) on *Minuet for Guitar*.

Contact

Avtorska agencija za Slovenijo (AAS): aas@as.si, martina.zakrajsek@as.si

Igra s hudičevim repom

(*Playing with the Devil's Tail*; novel)

This work takes us into the very controversial area of the painful-pleasurable sadomasochistic sensibility of an individual who may be the victim of his own deviation without being entirely aware of it. [...] The use of an underground mode brings the text closer to the reader, facilitating reception, while on the other hand of course increasing scruples. All similar works, around the world, must assume such a risk.

The most unexplored area of man's physical and psychological make-up is the experience of pain and pleasure, pleasure and pain, or even one in the other, but (in terms of what is observable in practice) with no entirely clear leap from quality to lack of disquality, or vice-versa; here the observers are rather confused.

From an interview with the author

On Zupan's Work

This is the most radical "sexually oriented" Slovenian prose text. But by no means is it pornography; on the contrary – it is near to Henry Miller in creating an aversion to, a disgust for, sex. And yet, it is so extraordinarily honest when it comes to describing sex that it is a pioneering act in Slovenia... The text is truly an important breakthrough.

TARAS KERMAUNER

Zupan's *Playing with the Devil's Tail* asserts itself especially at the level of language, as a real-time, sometimes quite blasphemous, linguistic product. First of all, Zupan does not believe in objectivity, that antiquated criterion, that illusion of novelists and critics of the "golden age of the novel." His text is intentionally biased, intolerant, "manly," which can be intrusively suggestive, intentionally "wrongful," but what of it, if all these words incriminate the author himself and his work?

Playing with the Devil's Tail is a book of human anguish, over-excitement, emptiness, and also naïvely wanton debauchery. This is not a next for the unripe. Never will this be a pornographic book. A book from which nothing can be gleaned. [] A book "with an open blouse."

BRANKO MADŽAREVIČ

Igra s hudičevim repom

(odlomek)

Zelo težko je začeti. Človek bi rad naenkrat povedal preveč, tako rekoč vse v enem stavku. Na srečo ne ve, kje bi začel, mora se zamisliti in poiskali v metežu klopka tisto, čemur pravijo nit. Ni mogoče začeti pri Abrahamu. Ne molim pred jedjo, kolnem samo kot avtomobilski vozač, cele vrste navad sodobnikov nimam, čeprav pripadam srednjemu sloju v socialističnem sistemu.

Mislil sem najprej samemu sebi opisati samega sebe.

K vragu tako početje! Imam najboljše in najslabše mnenje o sebi, s katerim naj začnem?

Zapisal bom tisto, kar mi ne gre iz glave, kar se mi kar naprej vrti po glavi, kakor bi bilo zabeleženo na zvočni trak, tisto, kar mi je rekla sinoči, preden je odvihrala spat: da sem navaden izpridenec, človek brez značaja, kreature brez sposobnosti za čustvo, nizka duša, pošast, slabič, nekulturna podgana, primitivec in idiot. In da naj se enkrat pogledam v ogledalo. Tu lahko začnem, oziroma – tu moram začeti, saj bi mi sicer zvenelo in zvenelo po glavi tako, da bi preglasilo vse druge misli in spomine. Spolno sem izpriden, saj me sicer ne bi tako zanimala ženska rit. Brez značaja sem, ker bi se sicer nekoliko bolj zanimal za svojo ubogo rodbino in bi bolj skrbel za otroka. Čustva nimam nobenega; če bi bilo kaj v meni, bi videl, kako ona trpi. Nizka duša sem, neznosen sadist. Nemogoč človek, saj me tudi prijatelji in znanci dobro poznajo, nihče me ne mara, in videl bom, kako bom nehal. Vsa moja mladost je bila zavožena, kako pa zdaj živim? Kot zajedalska podgana. Tudi otrok je že ves živčen od mene. Vse to je še dobro utemeljila med vrati, preden je pljunila proti meni, vzkliknila »fej!« in – ker sem začel počasi vstajati – pobegnila v svojo sobo, kjer je potem do štirih zjutraj brala kriminalko za tri dinarje, tisto broširano, ki ima spredaj barvno sliko napadalca Z revolverjem v roki (meri na razgaljeno lepolaso žensko), zadaj pa napis »Oslobodeno plačanja poreza na promet mišljenjem Republičkega sekretariata za prosvjeto, kulturo i fizičku kulturo SRH broj 2935/2-1973 od 26. XI. 1973.« Jaz pa sem pri tem gledal v televizijski zaslon, nič ne vem, kaj. Potem sem hodil gor in dol po dnevni sobi in kadil cigareto za cigareto. To je bilo sinoči, v soboto zvečer. Požrl sem dva apaurina, ki sta delovala počasi ali pa sploh ne. Z nejevoljo sem se ujel, da se hodim gledat v ogledalo v predsobo. Vse se je čisto nalahno treslo v meni, drobovje, živčna mreža, še pljuča se mi zdi, glava me je topo bolela, bil sem izgubljen v bivanju brez smisla in možnosti, ko ni možno spanje, ne ležanje, ne hoja, ne pobeg iz stanovanja, ne delo, ne branje, čisto nič na vsem svetu me ni zanimalo, vse je postalo tuje, bivše, neresnično, daljnje, nerazumljivo. V glavi topa praznost, slama, prah, ki se razsipa pri vsakem premiku, in raznaša majhno, cvrketajočo bolečino brez obstanka na enem kraju; zdaj boli bolj zatilnik, zdaj blizu senca, potem teme, kmalu zaboli uho, pa celo oko, nevralgija. V želodcu nevelika, a neprijetna slabost, zaradi katere ni mogoče ne piti ne jesti. V udih utrujenost. Mala, a splošna stiska vsega, kar sem. Ni položaja, v katerem bi lahko za

trenutek odpočil telo. Poizkušal sem sestiti, ulegel sem se na kavč, naslonil sem se na odprta vrata, ki gledajo na cvetoči vrt, a vselej me je vzdignilo in me nosilo gor in dol po sobi. Čeprav so me od nikotina že pekla usta, sem si prižigal cigareto za cigareto, čisto samodejno in z gnusom.

Ko mi je pred nekaj leti prvič rekla kreten, je kar nekaj planilo v meni in brez premisleka sem ji pritisnil eno okrog ušes, kar krepko in zvočno. Nekaj dni sva kuhala mulo, potem pa sva se na lepem objela in jaz sem ji nekaj šepetal na uho, ona pa je nekaj odgovarjala, kar sem razumel samo napol in vse se je poravnalo, bilo je celo, ko da se razumeva bolje od prej. Ko mi je drugič rekla nekaj podobnega, sem ji napravil črno oko, stepla sva se, ogrebla in ogrizla me je in bila sva dalj časa skregana, sovražna, grdogleda. Prišli so prijatelji na obisk, in – nenavadno, oba sva se čudila, s kakšno lahkoto sva govorila o najini bikoborbi. Ko je obisk odšel, je za njim ostala v zraku dobra volja, ki naju je zblížala. Kdaj se je začelo to uničujoče obdobje? In kako da sem lahko poslušal cele litanije zmerjanj in žalitev? Ali se temu človek lahko celo privadi? In kam to še vodi?

Pred več kot mesecem dni mi je izjavila, da je vložila tožbo za ločitev. Prav, sem rekel, kakor hočeš. Ali bi se kaj pomenila, preden greva na sodišče, je vprašala. Ne, zakaj, vse se bova pogovorila tam. Potem pa ni bilo nič. Moj odvetnik mi je sporočil, da na sodišču ni nobene podobne vloge. Vprašal sem jo, kako in kaj. Če še ni, pa še bo, je odvrnila.

Prihajal mi je na misel njen divji pogled, njen spačeni obraz, ko je pljunila, to je bilo čisto pristno smrtno sovraštvo. Njen hripavi in nosljavi glas. In to je moj človek, moja žena, mati mojega otroka, moja mila in draga ljubica, kos mojega življenja, trije stebri našega doma. V resnici pa je moj najhujši, smrtni sovražnik, hujšega sovražnika v življenju nisem imel. Opravlja me vse naokrog. Vse račune plačujem sam, ona pa pripoveduje, kakšen skopuh sem. Pobira okoli različna obrekovanja in jih nosi domov. Pri znancih, v službi, pri sosedih pripoveduje, kako siten, tečen, zloben, nasilen in skop sem, kako slab oče sem in nemogoč zakonski mož, kako uničujem njeno življenje. Šepeta, govori, kriči, kako slab sem, na vsako mojo besedo odgovarja z največjo jezo in cinično zlobo, v vsaki njeni najmanjši pripombi se skriva strupena bodica. Ne kuha, ne pospravlja, samo o tem sanjari, kako je nočem peljati v Grčijo ali v Španijo; šla bi tudi na Kanarske otoke ali na Bahamas – jaz, svinja, pa čepim doma in ji onemogočam življenje. V noči se v spominu povračajo njene jezne, divje, očitajoče, podtikajoče besede, vse izgovorjene kot dokončna obsodba ničvredneža, ki sem jaz. »Uničil si najlepša leta mojega življenja,« to je še najnežnejša obtožba. Tako izpridenega človeka ni na vsem svetu več. Kreten, idiot, propalica. Tudi pri delu v službi sem neodgovoren, malomaren, in kaj si dovoljujem reči o šefu, zajedalec, sramna uš, navadna človeška ničla. Vohlja za mano, poizveduje, preiskuje mi žepe, krade mi denar, odpira pisma, počne vse, kar lahko zrahlja najmočnejše živce. Sprva sem jo skušal pogovoriti, potem sem ji pisal liste papirja, da bi nehala s temi rečmi vsaj zaradi otroka, ali vsaj pred očmi in ušesi otroka, potem sva se spet hrupno stepla,

vse je letelo pa zraku, oba sva šla k zdravniku po spričevala o poškodbah, oba sva se zaletela vsak k svojemu odvetniku, oba sva vložila za ločitev, vsaj pri odvetnikih, – ki so pa potrebovali še neka pojasnila, »neke informacije, ki so pravno relevantne«. Obema se je zdelo čudno, da še živiva skupaj.

Imel sem nekaj manjših sporov v življenju – kdo jih pa ni imel – a do takih (ali vsaj podobnih) žalitev ni prišlo. Nihče na svetu me še ni zmerjal, nihče me ni tako bridko izzival, saj nisem brez moči in tudi kožo imam dovolj občutljivo. Kako sem torej zagazil v to močvaro, v kateri sem zoprn sam sebi. Kreten! Idiot! Izpridenec! Uš! Svinja! Kdo pa mirno žre tako hrano? Samo kdor ne spoštuje samega sebe. Rada bi me izzvala v kakšno dovolj nepremišljeno dejanje, da bi imela boljši povod za ločitev po moji krivdi, mi je zaupala njena »dobra« prijateljica. Odvetnik pa mi je mirno in stvarno svetoval, naj se izselim. Kam? Kupim naj si stanovanje. Fino. Gospod odvetnik, ali mi lahko posodite trideset do petdeset milijonov? Da zapustim hišico, ki sem si jo s težavo pridobil in jo bom odplačeval še vrsto let? Namreč, je rekel, te reči so take: zelo majhna verjetnost je, da bi dobili otroka vi; kdor obdrži otroka, ostane tudi v stanovanju. In še leto žena je. Verjetno vse to ve tudi ona, sicer ne bi s tako lahkotnostjo govorila: Ti zapokaj in se poberi, pa je, če ti ni všeč. Ona ni vložila niti dinarja v to naše gospodinjstvo; pohištvo in gospodinjske stroje, vse sem kupil sam, sam sem najel posojilo za hišico, sam odplačujem. Ona je vložila »svoja najlepša leta« in tako velja pravilo »v zakonu pridobljeno gre pol na pol«.

Igra je brez pravil, dobitok pa enostranski, dobi lahko namreč samo ona. Igra je naporna, vprašanje je le, čigavi živci bodo zdržali. Če jo udarim, bo šla na telefon, zahtevala bo zaščito. Če se hudo ujemim, me bo skušala spraviti v norišnico. Prepričana je, da je ubil ne bom. Kako naj torej izgubi to igro? V letu žena? Zakaj ljudje ne prihajajo več v hišo, pravi: zaradi tebe! Veš, kaj mi je rekel nekdo, ki te zelo dobro pozna, celo zelo zelo dobro? Hočeš izvedeti? In spet litanije, ponovitev znanih psovok, pa še ena nova, zmeraj se pojavi še kakšna nova (v vojni eskalaciji, kakor se reče): da si norec, je rekel, da spadaš v norišnico. Pravi tudi, da bi me z veseljem ubila, zabodla z nožem, zastрупila, ustrelila, a ne bi šla rada zaradi take svinje v ječo. Desetletni Tomaž pa vse to posluša in včasih bridko zajoka.

Treba je nekaj storiti, treba je nekaj storiti, si prigovarjam, ko hodim gor in dol. Otrok je žrtev. Midva z Lido pa sva oba žrtev in rabelj v eni osebi, oba sva se do kraja razčlovečila, oba sva se izkoreninila iz rodbinske enote, razdejala sva se. Ločitev zdaj nemara le bo – a bistveno ne bo spremenila ničesar. Bajе se bova lahko ti potem kar naprej tožarila zaradi žalitev in omejevanja pravic. Živčna vojna bo trajala v nedogled, dokler eden ne bo izgubil živcev in napravil kakšno večjo neumnost.

Vražja sobotna noč. Če imajo ljudje v nekoga zaupanje in mu pripovedujejo, da je dober, postaja čedalje boljši. Če pa komu pripovedujejo dolgo, da je slab in slab, postaja čedalje slabši. Tako postajam nekaj, kar nisem nikoli bil in nikoli ne bom, nekaj, kar ni več človeku podobno, ni še svinja, ne idiot, ne sramna uš, je pa že nekaj neprijetnega, ogroženega in napadalnega. Kaj napravi iz občutljivega človeka

izrazoslovje drhali, če se zopni izrazi kar naprej ponavljajo, sugestivno, glasno, nezadržno, in se vse to stopnjuje tudi tedaj, ko ni vidna nobena slabša možnost več. Pomešal si se z otrobi – in svinje te bodo požrle.

Nekega sobotnega večera boš obstal na pljunku, od nekod izpod stropa pa bo prihajal glas: nič nisi vreden, malopridnež, zaman si mislil, da si se zgradil v značaj, vsa tvoja preteklost je utonila v majhnem pljunku; ta pljunek je tvoj planet. Če bi to ne bilo res, bi se bojeval, dokazoval bi, kaj je res, razburjal bi se. Za vraga, navsezadnje živiš v pravno urejeni državi. Kje?

Tista, ki me je razčlovečila, razdušila in razzemljila, leži v udobni francoski postelji na kvadrat, v pernica, ki si jih kupil, da bi ji bilo lepo, in pri tvoji lučki bere: »Čula je kako ulazi u auto, kako zatvara vrata. Čula je kako je otvorio okno. Čula je škripu metala i hrapav glas: – Zbogom, Maura. Zatim pucanj, svetlo, i drugi pucanj. Potom hroptaj ...« Leži v mehki beli pižami, v eni roki drži drobno knjižico, v kateri se pobijajo ljudje, drugo roko pa drži bogve kje. To bitje je nekje visoko na tako imenovani moralni višini, s katere nagrajuje sebi koristne ljudi z nazivi dobrih, sebi škodljive pa kaznuje z gnusom. In nihče ne more nič zoper njene ocenitve. Hišo odplačuje nek kreten, isti plačuje vsak mesec centralno kurjavo, elektriko in vse račune po spisku. Če kretena ni doma, ko pride inkasant, reče to svetlo bitje: Moža ni doma, pridite drugič. Sama zelo rada kupuje dobre blagove za obleke in si daje krojiti kostime in plašče pri najdražjih krojačih. Njeni popolni sreči in svobodi manjka samo, da bi se jaz-idiot naselil raje v kakšnem hotelu in kar pošiljal za račune po pošti, malo zaokroženo navzgor, pa še nekaj sto jurjev za otroka. Jaz, nesramna sramna uš pa tega nočem razumeti. Trava raste do svoje višine, leska do svoje, smreka do svoje. Moja ljuba pa raste čez vse možne norme, preko vseh človeških višin, in tudi čez meje svojega časa, ta ima res svoj socializem in je na poti v raj na Zemlji. Za španjelko Doris kupujem hrano jaz, Lida jo pa hrani, pes ima seveda veliko nežnejšo ljubezen do Lide ko do mene. Če odidem stanovat v hotel, bom seveda moral pošiljati domov hrano za ubogega kužo, da ne bom tudi po tej plati grda svinja.

Izgubljam se v drobnih mislih in predstavah, izgubljam se v nesmiselnih besednih zvezah, hodim, sedam, vstajam, hodim. Če ležem, da bi šel spat, me bo čez čas spet vzdignilo, spet bom prižgal neko gnusno pekočo cigareto, in vse se bo ponovilo. Spet me bo prežemala jeza, prešinjal me bo obup, tresel se bom od nemoči, spet si bom prigovarjal: Hja, nekaj je pa le treba ukreniti? Prav naravno je, da jo sovražim. A sovraštvo vodi v dejavnost, v napad ali obrambo. Kaj pa počnem jaz? Jadikujem sam zase. In tu pa tam potožim Franciju ali Primožu. Zadnjič je bil Franci pri nas na obisku, poslušal je, kako se pogovarjava z Lido, in vzdihnil: O, ubogi ljudje... o, ubogi ljudje. V njegovih očeh sem prebral, kako globoko resno to misli. Imamo vojsko, imamo policijo, imamo sodišča, imamo urad za pritožbe. A ne za reševanje zakonskih »nesporazumov«. Imamo ideje pravičnosti, humanosti, napredka, izboljška, teorije o človeških odnosih, zavode za planiranje rodbine, vse imamo, kar spada v neko omiko. A ne za urejanje notranjih zadev v familijah. imamo celo besede, a te so gluhe. Zoper

besedo »premisli vendar« plane beseda »idiot«! Imamo knjige, a teh ne beremo. Glasbo poslušamo samo lahko in zabavno. V gledališče hodimo bolj malo. Socialna delavka se za »boljše« familije ne meni. Psihiatri so prezaposleni z važnejšimi primeri, ki jim tako in tako bežijo med prsti; saj še alkoholikov in narkomanov ne morejo obvladati. Beremo pač horoskope, listamo po revijah, hodimo v kino. Včasih gremo v naravo, da jo nekoliko zasvinjamo. Bogovi so odšli s tega planeta, hudič žanje bogato žetev. Sodni dan prihaja. Vesoljni potop? Ne, ne, nič ne prihaja, to je. Vsak dan nekaj odhaja, in ne vemo, kaj? Morda res nisem nič prida. Sicer bi premislil tale hip, spomnil bi se nekaj, morda bi malo telefoniral, nekje bi mi odgovoril smejav glas in me povabil, naj kar takoj pridem. Mene pa ne vleče nikamor. In ne vem za človeka, ki bi se me razveselil in rekel: Seveda, strela, takoj sedi v avto in pridi; nimaš pojma, kako se zabavamo!

Zadnjič sem bral, da so v Šekspirju srečni samo rokodelci, kmetiči in neimoviti mali ljudje. Verjamem piscu o dramatiku. Ne verjamem pa, da bi bila sreča v tem, da pripadaš neimovitemu sloju. Rokodelca bije davek, kmeta slaba prodaja pridelkov, neimovitega pa hrepenenje po izboljšavi položaja. Jaz imam ravno prav, da ničesar ne pogrešamo, a da vendar venomer gledamo navzgor, beremo in govorimo o ljudeh, ki živijo veliko bolj na široko, pa pravimo: zakaj pa mi ne? Lida pravi, da je nesrečna. Njene nesreče sem kriv jaz. Če ji dam deset jurjev, je nesrečna, ker ji nisem dal dvajset, če ji dam petdeset, je jezna, ker ji nisem dal sto, in tako naprej do Onassisovega otoka Skorprios. Sicer so pa to same besedne formule, v katere sem ujel svoje jezno premišljevanje, v bistvu prav ničvredne formule, predvsem pa nepotrebne, oziroma: komu pa koristijo? So ljudje, ki en dan zaslužijo toliko ko jaz celo življenje. Ali so srečni zaradi tega? Kakšno bebasto vprašanje. Denar ni nič drugega kakor nekaj motor, velik ali majhen – prav uporabljen nosi dobre sadove, slabo razmetan – slabe. To mi je navsezadnje le postalo jasno. Ni veliko, nekaj pa je.

Ne. Tole vse skupaj ni nič, nič – zmešan iz nervoznosti in bega pred vsakdanjostjo. Glavno je nekaj čisto drugega, a ne vem, kaj. Nima imena. Ni kašipota. Nihče ne spregovori o tem. Slutim, a ne vem.

Ali sploh iščem? Ne vem. Hodim in gledam predse, delam se, ko da mislim. A kaj je to? Kaj pa če ima Lida nekje čisto nagonsko prav; da sem le bedak, zlobnež, da, celo norec? Morda ne čisto tak, kakor me vidi ona. A normalni ljudje se ne zapletajo v take hudičeve zanke, da ne morejo ne živeti ne umreti, ne bdeti ne spati, ne sedeti, ne ležati, ne misliti ne biti brez misli, ne sovražiti do dna ne ljubiti, ne moči naprej – ne znati biti tukaj in zdaj – in ne vedeti, kam? Ne znati kleti ne moliti, nezmožni za kakšno posvetovanje, nič, nič, nič.

Vitomil Zupan: *Igra s hudičevim repom*. Pomurska založba. Ljubljana 1978.

Copyright © Vitomil Zupan, 1978

Игра с опашката на дявола

Translated by Ljudmil Dimitrov

Contact of the translator: [ljdiv@abv.bg](mailto:ljudiv@abv.bg)

Много е трудно да се започне. На човек му се иска наведнъж да изговори много неща, така да се каже, да събере всичко в едно изречение. За радост, не знае откъде да започне, трябва да се замисли и в цялата плетеница да потърси и хване онова, на което му викат края. Не, не съм чукнал петдесетака. Не се моля преди ядене – по-често псувам като каруцар, нямам почти нито един от навиците на съвременниците си, тъй като принадлежа към средния слой на социалистическата система.

Мислех първо да опиша самия себе си на самия себе си.

По дяволите такова начало! Мнението ми за мен самия е и най-добро, и най-лошо. С кое да започна?

Да пробам с това, което не ми излиза от ума, не престава да ми се върти из главата, сякаш че е записано на звукова лента, това, което тя ми изломоти снощи, преди с гръм и трясък да отиде да си легне: че съм пълен перверзник, човек без характер, същество, неспособно да чувства, дребна душица, чудовище, нищожество, невъзпитан плъх, примитив и идиот. И да се огледам в огледалото. С това мога да започна, по-скоро с това трябва да започна, защото в противен случай ще продължава да ми звучи в главата и да заглушава всичките ми останали мисли и спомени. Наистина съм полово извратен, иначе съвсем не би ме интересувал женският гъз. Безхарактерен съм, защото ако не бях, щях повече да обръщам внимание на нещастните си роднини и да се грижа по-добре за сина си. Не изпитвам никакво чувство; ако изпитвах, щях да видя колко страда тя. Дребна душица съм, непоносим садист. Невъзможен човек, приятелите и познатите добре си ме знаят, никой не може да ме понася и аз представа нямам как ще свърши всичко. Цялата ми младост беше за окайване, та как въобще живея сега? Като паразитен плъх. Дори детето не може да ме понася. Всичко това тя най-подробно ми изясни при вратата, преди да ме заплуе, възкликна: „Не те е срам!“ и – понеже взех бавно да се оправям – избяга в стаята си, където до четири сутринта чете евтина кримка от онези брошурки с цветна рисунка на корицата на гангстер с пистолет в ръка (насочен към пищна блондинка), а отзад пише: „Освободено от данък с постановление на Републиканския секретариат за просвета, култура и физическа култура на Съюзна република Хърватия, № 2935/2 – 1973 от 26. XI. 1973“. Аз първо взех да зяпам нещо – не знам какво – в телевизионния екран. После снових нагоре-надолу из хола и пуших цигара след цигара. Това беше снощи, в събота вечер. Изпих две приспивателни, които или действаха бавно, или изобщо не действаха. С неохота ходих да се оглеждам в огледалото в антрето. Всичко се

тресеше по мен, дробовете, мрежата от нерви, и белия дроб като че ли, изпитвах тъпа болка в главата, бях напълно изгубен в живеене без смисъл и възможности, когато не можеш нито да спиш, нито да лежиш, нито да ходиш, нито да избягаш от апартамента, нито работа, нито четене, абсолютно нищо не ме интересуваше, всичко ми стана чуждо, бивше, нереално, далечно, неясно. В главата – тъпа празнота, слама, прах, разнасящи се при всяко движение и усилващи малката, остра болка, която не се съсредоточава на едно място; един път ме боли повече вратът, после минава в слепоочията, после темето, после заболи ухото, дори окото, невралгия. В стомаха лека, но неприятна болка, заради която нито мога да пия, нито да ям. Умора в крайниците. Слаба, но обща преса навсякъде по мен. Няма положение, при което да мога за миг да отпусна тялото си. Опитвах се да седна, излегнах се на дивана, облегнах се на отворената врата, която гледа към цветната градина, но ме вдигаше и ме носеше нагоре-надолу из стаята. От никотина вече ми изпръхваха устните, но продължавах да паля машинално и с погнуса цигара след цигара.

Когато преди няколко години за първи път ме нарече кретен, нещо пламна у мен и без да му мисля ѝ пернах един як и звучен през ухото. Два-три дни се пушихме, после се прегърнахме за сдобряване, аз ѝ шепнех на ухото, тя нещо ми отговаряше, от което вдявах половината, но всичко се оправи и почнахме да се разбираме едва ли не по-добре от преди. Когато втори път ми каза нещо подобно, ѝ посиних окото, сбихме се, изподра ме и ме изпохапа и останахме скарани, мразещи се, гледащи се под око по-дълго. Дойдоха ни на гости приятели и – не шеш ли, и двамата се учудихме с каква лекота разказахме за нашата корида. Когато гостите си отидоха, из въздуха остана да се носи доброто настроение, което ни сближи. Кога започна този унищожителен период? И как съм могъл да слушам конско, пълно с обиди и грубости? Дали човек привиква към нещо такова? И до какво довежда то?

Преди повече от месец ми заяви, че е подала молба за развод. Добре, казах ѝ, както искаш. Ще се споразумеем ли преди да отидем в съда, ме попита. Не, откъде накъде, за всичко ще говорим там. Но всъщност нищо подобно нямаше. Моят адвокат ми каза, че в съда не е постъпвала такава молба. Питам я по въпроса. Ако още не е постъпила, ще постъпи, ми отговори тя.

Представях си дивия ѝ поглед, озвереното ѝ лице, когато плю, беше си чиста проба смъртна омраза. Хрипящия ѝ носов глас. И това е мой близък човек, съпругата ми, майката на детето ми, милата ми и скъпа любима, част от живота ми, трите стълба на нашия дом. А в действителност е най-заклетият ми смъртен враг, по-опасен враг в живота си не съм имал. Непрекъснато за всичко има претенции. Сметките аз плащам, а тя разправя какъв скъперник съм бил. Събира откъде ли не най-различни клевети за мен и ми ги изсипва у дома. На познати, в службата, на съседни разказва колко дребнав, досаден, злобен, зъл и стиснат съм, колко лош баща и непоносим съпруг съм, как съсипвам живота ѝ.

Шепне, говори, крещи колко съм лош, на всяка моя дума отговаря с изключителен бяс и цинична злоба, и в най-малката ѝ забележка се крие отровно жило. Не готви, не оправя, само дрънка как не съм искал да я заведа в Гърция или в Испания; можело и на Канарските или на Бахамските острови, а аз, свинята, само кисна у дома и ѝ троявя живота. Нощем в паметта ми изплуват нейните зловни, диви, упрекващи, нападателни думи към мен като крайно осъдителен негодник. – Унищожи най-хубавите години от живота ми – това е най-нежното ѝ обвинение. Друг толкова долен човек не може да се намери на света. Кретен, идиот, пропаднал тип. И в службата съм безотговорен, небрежен, и какво си позволявам да говоря за шефа, зайдливец, срамна въшка, обикновена човешка нула. Сумти зад мен, дебне, претърсва ми джобовете, краде ми парите, отваря писмата ми, прави всичко, което ме кара да излизам от кожата си. Отначало се опитвах да ѝ говоря, после почнах да ѝ пиша бележки да спре с тези думи поне заради детето, или поне пред очите и ушите на детето, после отново шумно се сбихме, всичко хвърчеше из въздуха, и двамата си извадихме медицинско за нанесени телесни повреди, и двамата спонтанно потърсихме личните си адвокати, и двамата подадохме молби за развод, поне пред адвокатите – те пък изискваха още някои пояснения, „информация, която е правно съвместима“. И на двамата ни се струваше странно, че все още живеем заедно.

В живота си съм имал някои малки пререкания – кой не ги е имал – но чак до такива (или поне до подобни) ексцесии не се е стигало. Никой не ме е обиждал по този начин, никой не ме е предизвиквал толкова остро, пък и не съм съвсем безпомощен, а и доста лесно кипвам. Как тогава загазих в това тресавище, та сам не мога да се понасям? Кретен! Идиот! Извратеняк! Въшка! Свиня! Кой спокойно ще преглътне всичко това? Единствено този, който не изпитва уважение към себе си. Много искала да ме предизвика да направя някое доста непремислено деяние, за да има по-сериозен повод за развод по моя вина, сподели ми една нейна „добра“ приятелка. А адвокатът ми спокойно и честно ме посъветва да се изнеса. Къде? Да си купя жилище. Чудесно. Господин адвокат, ще ми заемете ли между трийсет и петдесет милиона? Да напусна къщицата си, с която толкова трудно успях да се сдобия и имам да я изплащам още сума ти години? Тоест, каза ми, нещата стоят така: вероятността детето да остане при Вас, е много малка; на когото присъдят детето, той ще остане в жилището. А освен това е годината на жената. Навярно това всичкото го знае и тя, иначе нямаше да говори с такава алчност: събери си партакешите и се разкарай, все ми е тая, че не ти харесва. Тя не е вложила и един динар в нашето домакинство; мебелите и домашните уреди, всичко купих сам, сам теглих заем за къщицата, сам го изплащам. Тя вложи „най-хубавите си години“ и по този начин важи правилото „всичко, придобито след брака, се дели на половина“.

Играта е без правила, печалбата е едностранна, тоест, печели само тя. Играта е напрегната, въпросът е на кого ще му издържат нервите. Ако я ударя, ще вдигне телефона, ще поиска защита. Ако страшно се разбеснея, ще се опита да ме вкара в лудницата. Уверена е, че няма да я убия. Как тогава ще изгуби играта? Жена на години? Защо у нас вече не идва никои, пита: заради тебе! Знаеш ли какво ми каза един, който те познава много добре, много, много добре? Искаш ли да разбереш? И отново тиради, повтаряне на известните ругатни и една нова, винаги се появява и една нова (когато, така да се каже, войната ескалира): че си луд ми каза, че си луд за връзване. Твърди, че с удоволствие би ме убила, би ме заклала, отровила, застреляла, но заради свиня като мене не ѝ се лежи в затвора. А десетгодишният Томаж слуша всичко това и по някое време тъжно заплаче.

Трябва да направя нещо, трябва да направя нещо, повтарям си, докато ходя нагоре-надолу. Детето е жертва. А ние с Лида сме жертва и палач в една личност, и двамата сме изгубили всичко човешко, и двамата сме се изтръгнали от родовата клетка, погубили сме се. Развод сега по всяка вероятност ще има – но в същността си няма да промени нищо. Вероятно щяхме да продължим и занапред да се съдим поради оплакване и ограничаване на правата. Играта на нерви ще трае до безкрайност, докато единият не издържи и не направи някоя още по-голяма глупост.

Дяволска съботна нощ. Ако хората вярват на някого и му казват, че е добър, той става по-добър. Но ако дълго уверяваш някого, че е лош, той става по-лош. Аз се превръщам в нещо, което никога не съм бил и никога няма да бъда, нещо, което вече не е човекоподобно, нито е свиня, нито идиот, нито срамна въшка, но е нещо неприятно, застрашено и нападателно. В какво превръща човека езикът на тълпата, ако отвратителните изрази се повтарят преднамерено, високо, невъздържано, и всичко това се преувеличава дори когато вече не е останала никаква лоша възможност. Омесиш ли се с триците, свинете ще те изядат.

Някоя съботна вечер ще се превърнеш в плюнка, а някъде изпод тавана ще чуеш глас: с нищо не си ценен, негоднико, напразно си мислеше, че си изграден характер, но цялото ти минало потъна в една малка плюнка; тази плюнка е твоята планета. Ако това не беше вярно, би воювал, би доказвал каква е истината, би се настървил. По дяволите, в края на краищата живееш в правова държава. Къде?

Онази, която ми отне всичко човешко, погуби душата ми и ме откъсна от земята, лежи в удобната спалня с пухено юрганче, което ѝ купи, за да се чувства добре, и на твоята нощна лампа чете: „Тя чу как той влиза в колата, как затваря вратата. Чу как отвори прозореца. Чу скърцане на метал и хрипящ глас: – Сбогом, Маура. – После изстрел, светлина и втори изстрел. После предсмъртен стон...“. Лежи с мека бяла пижама, в едната си ръка държи малка книжка, в

която се убиват хора, а другата си ръка държи Бог знае къде. Това същество е дотолкова издигнало се на така наречената морална висота, че оттам награждава полезните за себе си хора с квалификацията добри, а вредните наказва с погнуса. И нищо не може да промени нейните оценки. Къщата изплаща някакъв кретен, същият всеки месец погасява централно парно, ток и всички сметки по списък. Ако кретенът не е у дома, когато дойде инкасаторът, това светло същество казва: Мъжът ми не е у дома, минете друг път. Сама много обича да си купува твърде скъпи платове за дрехи и дава на най-скъпите шивачи да ѝ шият костюми и палта. За пълното ѝ щастие и свобода липсва само това аз, идиотът, да се изнеса в някой хотел и за сметките да пращам пари по пощата, леко закръглено нагоре и още около стотина хиляди за детето. А аз, безсрамна срамна въшка, не искам да разбера това. Тревата расте до своята височина, лeskата до своята, смърчът до своята. Моята любима обаче се издига над всички възможни норми, над всички човешки височини, че и над границите на своето време, тя наистина е постигнала свой социализъм и е на път да постигне и рая на земята. За шпаньола Дорис храната купувам аз, но го храни Лида и кучката много по-нежно обича Лида, отколкото мен. Ако отида да живея на хотел, ще трябва, естествено, да пращам у дома храна за бедното псе, за да не бъда наречен мръсна свиня.

Изгубвам се в дребнави мисли и представи, изгубвам се в несвързани словосъчетания, ходя, сядам, ставам, ходя. Ако си легна и искам да заспя, не след дълго отново ще стана, отново ще запаля някоя гадна люта цигара и всичко ще се повтори. Пак ще ме хване яд, ще се поддам на отчаяние, ще се затреса от безсилие и ще си повтарям, хм, дали не трябва вече да реша? Напълно разбираемо е, че я мразя. А омразата води до действие, до нападение или отбрана. Какво да правя аз? Ядосвам се на себе си. И от време на време обвинявам Франци или Примож. Неотдавна Франци ни беше на гости, чу ни как си говорим с Лида и въздъхна: О, жалки хора... о, жалки хора. В очите му прочетох, че го мисли наистина. Имаме армия, имаме полиция, имаме съд, имаме служба за оплаквания. Но не и за разрешаване на семейни „разногласия“. Имаме идея за справедливост, за хуманност, за напредък, за усъвършенстване, теория за човешките отношения, институти за семейно планиране, всичко имаме, което се отнася до някакво просвещение. Но не и за уреждане на вътрешните работи в едно семейство. Дори думи имаме, но кой ли ги чува. Срещу фразата: „премисли все пак“ пламва думата „идиот“! Имаме книги, но не ги четем. Музика слушаме само небрежно и за забава. На театър ходим все по-рядко. Нито една социална работничка не я е грижа за „добрите“ семейства. Психиатрите са затрупани от много важни случаи, на които гледат през пръсти; още с алкохолиците и с наркоманите не могат да се справят. Но четем хороскопи, разглеждаме списания, ходим на кино. Понякога излизаме сред природата, за да я осерем. Боговете напуснаха тази планета, дяволът събира

богата жетва. Страшният съд приближава. Вселенският потоп? Не, не, нищо не се задава, то е дошло. Всеки ден нещо си отива и не знаем какво. Може би наистина не съм от полза на никого. Иначе ще помисля върху този момент, ще си припомня някои неща, може няколко телефона да звънна, все някъде ще ми отговори жизнерадостен глас и ще ме покани колкото се може по-бързо да дойда. Но на мен никъде не ми се ходи. А и не се сещам за някой, който да се зарадва, че ме чува и да ми каже: разбира се, не губи време, сядай в колата и идвай веднага; бедна ти е фантазията колко е весело при нас!

Преди време четох, че у Шекспир щастливи са само занаятчиите, селяните и бедните малки хора. Вярвам на шекспироведа. Но не вярвам, че щастието се изразява в това да принадлежиш към бедния слой. Занаятчията го удря данък, селянинът трудно си продава произведеното, а бедният мечтае да подобри положението си. Аз имам пълното право нищо да не ни липсва, а за да гледаме винаги нагоре, четем и говорим за хора, които живеят нашироко и си казваме: защо ние не живеем така? Лида твърди, че е нещастна. За нейното нещастие съм виновен аз. Ако ѝ дам десет хиляди, е нещастна, задето не съм ѝ дал двайсет, ако ѝ дам петдесет, я е яд, че не съм ѝ дал сто и така нататък все до остров Скорпиос на Онасис. Всъщност това са само словесни формули, в които напъхах ядовитите си размисли, на практика абсолютно безполезни формули, напълно ненужни, в смисъл: на кого му трябват? Има хора, които за един ден изкарват толкова, колкото аз за цял живот. Това прави ли ги щастливи? Колко глупав въпрос. Парите не са нищо повече от един мотор – голям или малък – който, ако е добре употребяван, носи добри плодове, ако лошо – лоши. Това най-накрая ми се изясни. Не е Бог знае какво, но е все нещо.

Не. Всичко дотук е едно голямо нищо – съставено от нерви и бягство от действителността. Главното е нещо съвсем друго, но какво – не знам. Няма име, нито пътеводител. Никой не говори за това. Усещам го, но не знам.

Търся ли въобще? Не знам. Ходя и гледам пред себе си, правя се, че мисля. Какво е това? Какво, като Лида има някакво чисто нагонно право; че съм един нещастник, злобар, да, дори ненормалник? Може би не точно по начина, по който ме вижда тя. Но нормални хора не се заплитат в такива дяволски истории, за да стигнат дотам да не могат нито да живеят, нито да умрат, нито да будуват, нито да спят, да не седят, да не лежат, да не мислят, че ще останат без мисли, да не мразят до крайност, да не обичат, да не могат да продължат – да не умеят да бъдат тук и сега – и да не знаят накъде? Да не умеят нито да проклинат, нито да се молят, неспособни да приемат какъвто и да било съвет, нищо, нищо, нищо.

Playing with the Devil's Tail

Translated by Timothy Pogačar

Contact of the translator: pogacar@bgsu.edu

ENGLISH

It is very difficult to begin. You want to say too much at once, like everything in one sentence. You cast about for where to start, you ponder it and search for what is the end of the thread in a snarled ball. You can't go back to Abraham. I don't say grace before meals, I curse like a taxi driver, I'm devoid of an array of my contemporaries' virtues, although I belong to the middle class in a socialist system.

I thought I would first describe myself to me.

To hell with such an exercise! I have the best and the worst opinion of myself. With which should I begin?

I'll say what I can't get off of my mind, what keeps running through my head like a recording, what she said to me tonight before storming off to bed: that I'm a common degenerate, a man without character, a creature incapable of feeling, a low being, a monster, an uncultured rat, a primitive idiot. And that I should for once take a look in the mirror. I can begin here—that is, I have to begin here, otherwise the ringing in my head will continue and drown out all other thoughts and memories. I'm a sexual degenerate, otherwise I wouldn't be so interested women's asses. I'm without character, otherwise I would take a greater interest in my poor family and take more care of my child. I have no feelings; if I had any, I would see how she suffers. I'm a low being, an unbearable sadist. An impossible person—after all, my friends and acquaintances know me well, no one can stand me, and I'll see how I end. All my youth was a waste, so how am I to live now? Like a parasitical rat. Even the child is now a nervous wreck because of me. She was still in the doorway making a good case for all this before she spat at me, yelled Yuck! and—since I was starting to get up—ran into her room, where she read a cheap detective novel until four in the morning, the paperback kind with a color picture of the attacker, pistol in his hand (aiming at a scantily clad blonde woman), and on the back a notice, “Sales tax exempt by order of the Socialist Republic Croatia's Secretariat for Enlightenment, Culture, and Physical Education number 2935/2-1973, 11/26/1973.” Meanwhile I was looking at the television screen, at what I don't know. Then I paced the living room, chain smoking. That was last night, Saturday evening. I swallowed a sedative, which worked slowly if at all. With displeasure I caught myself going to look in the hallway mirror. Everything inside me was trembling very slightly—my guts, nervous system, even my lungs it seemed, my head ached dully, I was lost in the apartment without sense or possibility, as when you can't sleep, and absolutely nothing in the whole world interested me—not lying down, not walking, not escaping from the apartment, not work, not reading—everything was alien, past, frivolous, distant, incomprehensible. A dull emptiness, hay, dust in my head that was

stirred up with every move and radiated in a small, squeaking, persistent throbs to different places—now the back of my head hurt more, then the temple, then the crown, next my ear started to hurt, an entire eye, my whole nervous system. There was a small but unpleasant weakness in my stomach because of which I couldn't drink or eat. Fatigued limbs. A small but general sense of oppression. There was no position for my body to rest for a moment. I tried sitting down, laid down on the couch, leaned on the open door that looks out onto the garden in bloom, but I repeatedly had to get up and pace the room. Even though my mouth was already burning from the nicotine, I automatically lit cigarette after cigarette with disgust.

When she called me a cretin the first time a few years ago, something inside me snapped and I unthinkingly gave her a whack on the side of the head, a pretty hard and loud one. For a few days we had it in for one another, then all of a sudden we hugged, and I whispered something in her ear, and she answered something that I only half understood, and everything settled down, it was even like we got along better than before. When the next time she said something like that, I gave her a black eye, we hit each other, she scratched and bit me, and for a long time we were at odds, enemies, glaring at each other. Friends came to visit, and it was strange, we both were surprised at how easily we spoke about our bullfight. When the visitors left, the atmosphere was amicable, which brought us together. When did that destructive period begin? And how was it I stood for whole litanies of put downs and insults? Can a person really get used to it? And where does it lead?

Over a month ago she announced that she had filed for a divorce. Right, I said, whatever you want. She asked if we should come to an agreement before going to court. No, why, we'll talk about everything there. But then there was nothing. My lawyer informed me that there is no such necessity in court. I asked her how it works. If it hasn't, it'll come out, she replied.

Her wild look, her contorted face when she spit kept coming to mind—it was a totally pure, mortal hatred. Her hoarse, nasal voice. And this is my partner, my wife, the mother of my child, my tender and dear lover, a piece of my life, three pillars of our home. In reality, though, she is my worst, mortal enemy. She talks about me all over. I pay all the bills myself, and she tells people what a tightwad I am. She picks up all kinds of slander and brings it home. Among our acquaintances, at work, and with the neighbors she tells how bothersome, vexing, mean, violent, and cheap I am, what a bad father I am and an impossible spouse, how I am ruining her life. She whispers, talks, and yells how bad I am, and answers everything I say with extreme anger and cynical malice. Her every remark contains a poisonous jab. She doesn't cook or pick up, but only dreams about how I don't want to take her to Greece or Spain; she would also like to go to the Canary Islands or the Bahamas—I'm a pig stuck at home making her life impossible. At night I recall her angry, wild, accusing, insinuating, words, all uttered as final judgments on a worthless me. "You ruined the best years of my life," is the mildest accusation. There's not a more degenerate man

in the world. A cretin, idiot, loser. And at work I'm irresponsible, careless, and what I don't allow myself to say about the boss, I'm a parasite, a little louse, a common human zero. She spies on me, searches my pockets, steals money from me, opens my letters—all kinds of things that would frazzle the strongest nerves. At first I tried to talk to her, then I wrote on pieces of paper for her to stop those things at least for the child's sake, or at least in front of the child. Then we had another loud fight, everything flying through the air, we both went to the doctor for certificates of wounds, we rushed off to our lawyers, each filing for divorce, at least we told the lawyers that, and they needed some explanations, "some legally relevant information." They both thought it strange that we were still living together.

I had had some minor arguments in my life—who hasn't?—but they didn't come to such (or similar) insults. No one in the world had disdained me, no one had so bitterly baited me—after all, I'm not powerless and I'm sensitive enough. So then how did I get stuck in this quagmire, in which I repulse even myself? Cretin! Idiot! Degenerate! Louse! Pig! Who can calmly swallow that? Only someone that doesn't respect himself. She would have liked to bait me into some sufficiently thoughtless act so as to have greater grounds for divorce through my fault, her "good" friend confided to me. My lawyer calmly and rationally advised me to move out. Where to? I should buy a house. Great. Mr. lawyer, can you loan me thirty to fifty million? I was supposed to leave the little house that it was so hard to come by and that I would be paying on for many years to come? The way things stand, he said: there's very little chance that you will get the child; whoever has custody, stays in the house. And it's the year of the woman. She probably knows all this, too, otherwise she wouldn't say so easily: You can stick it and get out if you don't like it, and that'll be that. She didn't put even a dime into this household of ours; the furniture and appliances, everything I bought myself, I took the mortgage out on the house, I'm paying it myself. She invested "her best years" and so there's the rule that "what is acquired during a marriage is split fifty-fifty."

The game has no rules, the profit is one-sided—that is, she is the only one to profit. The game is intense, the only question is whose nerves will hold out. If I hit her, she will go to the phone and demand protection. If I really lose my temper, she'll try to have me committed. She's convinced that I won't kill her. So how can she lose the game? In the year of the woman? Why don't people come to the house anymore? Because of you! she says. You know what someone told me who knows you really, really well? You want to know? And again litanies, repeated, familiar curses, and then a new one, a new one always comes up (what they call in a war an escalation): that I'm mad, she said, that I belong in an asylum. She also says that she'd gladly kill me, stick me with a knife, poison, or shoot me, but she wouldn't want to go to jail because of such a pig. And ten-year old Tomáš listens to all this and sometimes cries bitterly.

Something has to be done, something has to be done, I mumble to myself, walking back and forth. The child is a victim. Lida and I are victim and torturer in one

person, we've both been dehumanized to the extreme, we've both been uprooted from the family group, we've destroyed ourselves. Probably only the divorce is left, but it won't change the essence of things. Later we'll supposedly still be able to sue for harm and deprivation of rights. The war of nerves will last into the foreseeable future, until one of us breaks down and commits some large blunder.

Damn Saturday night. If people trust someone and tell him that he's good, he becomes better yet. But if they tell him over and over that he's nothing but bad, he becomes even worse. So I'm becoming something that I never was and never will be, something that no longer resembles a person—not quite a pig, an idiot, a lowly louse—but something unpleasant, threatened, and aggressive. It's what the jeering mob turns a person into when its hurtful words are repeated over and over, insinuatingly, loudly, liberally, and all of this intensifies when you can't see the slightest chance of escape. You're mixed with slop and fed to the pigs.

One Saturday evening you'll step on a hawker, and from somewhere upstairs you'll hear a voice: you're worthless, good for nothing, you mistakenly thought that you had character—your whole past drowned in a little hawker; that hawker is your world. If it weren't true, you would resist, explain the way it is, get worked up. Hell, in the end you live in a state with laws. Where?

The person who dehumanized, dispirited, and obliterated me is lying on a comfortable, square French bed, in a comforter I bought for her to enjoy, and she's reading by your lamp: "She heard him get into the car and close the door. She heard him open the window. She heard a metallic scrape and a hoarse voice: 'Good-bye, Maura.' Then a guy, a light, another guy. Then a commotion." She's lying in soft white pajamas, in one hand she's holding the tiny book in which they're killing people, the other hand she has God knows where. This being is somewhere way up on the so-called moral high ground on which "good" people of use to her are rewarded, and those who are harmful are punished with disdain. And no one can say anything against here evaluations. Some cretin is paying off the house, the same one that pays the heating bill, electricity, and all the bills on the list every month. If the cretin isn't at home when the meter reader comes, this bright being says: My husband isn't home, come another time. She likes to buy good material for clothes and has the most expensive tailors sew her suits and raincoats. The only thing preventing complete happiness and freedom is for me, the idiot to move into some hotel and just receive the bills by mail, rounded up a little and with a few hundred thousand extra for the child. But I, a shameless shameful louse, don't want to get it. Grass grows to its proper height, the same as a hazelnut or pine. But my dear one exceeds all possible norms, breaching all human heights, and beyond all the bounds of her time; she indeed has her own socialism and is on the path to paradise on Earth. I buy the food for our spaniel Doris, Lida feeds him, and of course the dog loves Lida more warmly than me. If I go away to live in a hotel, I'll of course have to send food home for the poor pooch, so that I'm not a dirty pig on that account as well.

I'm getting lost in minute thoughts and imaginings, I'm losing myself in senseless word combinations, walking, sitting down, getting up, walking. If I go to bed, I'll be roused again in an hour, once more I'll light up some repulsive, burning cigarette, and everything will repeat itself. Anger will again overcome me, despair will overwhelm me, I will tremble in helplessness. And again I will mumble: Huh, but something's got to be done? It's quite natural that I hate her. And hatred leads to action, to attack or defense. But what am I going to do? I lament to myself. And now and then I complain to Franci or Primož. Last time Franci was visiting our place, he listened to how Lida and I talk, and he sighed: Oh, you poor people... oh, you poor people. I saw in his eyes with what deep seriousness he meant this. We have an army, we have police, we have criminal and civil courts. But nothing to solve marital "misunderstandings." We have ideas of right, humanity, progress, development, and theories of human relations, and institutions for family planning; we have everything for cultural advancement. But not for straightening out families' internal affairs. We even have words, but they are hollow. You say, "Think it over," and you get the word "idiot!" in response. We have books but we don't read them. We only listen to light, entertaining music. We go to the theater less and less. The social worker doesn't give a thought to "bettering" families. Psychiatrists are plenty busy with the more important cases that keep coming at them; after all, they can't handle all the alcoholics and drug addicts. We do read horoscopes, flip through magazines, go to the movies. Sometimes we go out in nature so as to trash it a little. The gods have left this world, the devil has a rich harvest. Judgment Day is coming. A world flood? No, no, nothing is coming, that's the thing. Every day something goes missing, and we don't know what. Maybe I'm indeed worthless. I should really think that point over, remember something, maybe make a few calls, somewhere a jolly voice would answer and invite me to come right over. But I don't feel like going anywhere. And I don't know anyone who would be glad to hear from me and say: right now, of course, just get in the car and come over; you don't know how much fun it will be!

Not long ago I read that in Shakespeare only craftsmen, small farmers, and common small people are happy. I believe the writer as far as drama goes. But I don't believe that there is happiness in belonging to the non-noble class. Taxes crush the craftsman, the peasant's produce sells poorly, and the commoner yearns to improve his station. I'm quite right that we have everything, yet constantly look up, read about people who live much better, and say: why not us? Lida says that she is unhappy because I didn't give her twenty; if I give her fifty, she's angry that I didn't give her a hundred, and so on up to Onassis's island of Scorpio. However, those are only verbal formulas for my angry thinking, in fact worthless formulas, and wholly unnecessary—that is, who are they of use to? There are people that earn as much in a day as I will in my whole life. Are they happy for that? What a dumb question. Money is nothing more than some motor, be it large or small—used well, it gives

good results; run poorly, it gives bad results. This finally became clear to me. There's not a lot, but there's enough.

No. All this adds up to absolutely nothing—I'm confused because I'm nervous and escaping everyday reality. The main thing is something else entirely, but I don't know what. It doesn't have a name. There's no directions. No one will mention it. I suspect it but don't know.

Am I really searching? I don't know. I pace and stare in front of me, pretending to think. And what's that? What if Lida is somehow right on an emotional level? That I'm just a miserable dope, if not plain nuts? I'm probably not exactly like she sees me. But normal people don't get trapped in such damned corners, unable to live or die, stay awake or sleep, sit, lay, think, stop thinking, hate or love to the fullest, too tired to go on—not knowing how to be here and now—and not knowing where to go? Not knowing how to curse or pray, unfit for counseling or anything else at all.

Jeu avec la queue du diable

Translated by Florence Gacoin-Marks

Contact of the translator: florence.gacoin-marks@guest.arnes.si

FRENCH

Il est très difficile de commencer. On voudrait en dire trop en une fois, pour ainsi dire tout en une seule phrase. Heureusement, on ne sait pas par où commencer, on doit réfléchir et chercher dans l'enchevêtrement de la pelote ce que l'on appelle un fil. On ne peut pas remonter au déluge. Je ne prie pas avant le repas, je ne dis des jurons qu'au volant, il y a de nombreuses habitudes caractérisant mes contemporains que je n'aies pas, bien que j'appartienne à la classe moyenne d'un système socialiste.

Je pensais commencer par me décrire à moi-même.

Au diable une telle entreprise ! J'ai la meilleure et la pire opinion de moi-même, par laquelle dois-je commencer ?

Je noterai ce qui ne me sort pas de la tête, ce qui tourne sans arrêt dans ma tête comme si c'était enregistré sur une bande magnétique, ce qu'elle m'a dit hier soir avant de tourner les talons et d'aller se coucher : que je suis un pervers minable, un homme dépourvu de caractère, une créature incapable d'éprouver le moindre sentiment, une âme vile, un monstre, un lâche, un rat sans manières, un grossier personnage et un idiot. Et que je devrais me regarder à nouveau dans la glace. Je peux commencer ici, plus exactement je dois commencer ici, sinon cela va résonner encore et encore dans ma tête au point de couvrir les autres pensées et souvenirs. Je suis sexuellement détraqué, sinon je ne m'intéresserais pas autant au cul des femmes. Je suis dépourvu de caractère, sinon je m'intéresserais davantage à ma pauvre famille et m'occuperais plus de mon enfant. Je n'ai aucun sentiment ; s'il y avait quelque chose en moi, je verrais combien elle souffre. Je suis une âme vile, un insupportable sadique. Un homme impossible, d'ailleurs mes amis et relations aussi me connaissent bien, personne ne m'aime, et je verrai bien quelle sera mon existence. Toute ma jeunesse a été gâchée, alors comment vivre maintenant ? Comme un rat parasite ? Même mon enfant devient vite nerveux en ma compagnie. Elle avait encore très bien étayé tout cela dans l'embrasement de la porte avant de cracher dans ma direction en s'écriant « beurk ! » et, comme je m'étais levé lentement, elle s'était enfuie dans sa chambre où elle avait ensuite lu jusqu'à quatre heures du matin un roman policier à trois dinars, ce livre broché dont la couverture porte sur le devant une image en couleurs représentant un agresseur révoquer à la main (il pointe son arme sur une femme nue à la belle chevelure) et sur le derrière l'inscription « *Exonéré de T.V.A. sur la décision du Secrétariat national de l'enseignement, de la culture et de la culture physique de la République socialiste de Croatie n° 2935/2-1973 du 26.6.1973* »¹. De mon côté, j'avais regardé l'écran de télévision, sans savoir quoi. Ensuite, j'avais arpenté la salle de

¹ En croate dans le texte.

séjour en fumant cigarette sur cigarette. C'était hier soir, samedi soir. J'avais avalé deux cachets de valium qui avaient agi lentement ou même pas du tout. Avec déplaisir, je m'étais surpris aller et venir devant la glace, dans le vestibule. Tout en moi tremblait légèrement, les entrailles, le système nerveux, même les poumons, me semble-t-il ; dans ma tête, une douleur sourde m'assommait ; j'étais perdu, dans une existence insensée et n'offrant aucune possibilité, où il était impossible de dormir, de s'allonger, de marcher, de s'enfuir de l'appartement, de travailler, de lire; plus rien au monde ne m'intéressait, tout m'était devenu étranger, passé, irréel, éloigné, incompréhensible. Dans ma tête, un vide pesant, de la paille, de la poudre qui se déverse à chaque mouvement, répandant sans arrêt d'un endroit à l'autre une petite douleur stridente ; tantôt c'est la nuque qui fait le plus souffrir, tantôt la tempe, tantôt le haut de la tête, puis c'est l'oreille qui devient douloureuse, et même l'œil, la névralgie. À l'estomac, une nausée peu intense mais désagréable qui m'empêche de boire ou de manger. Dans les membres, une grande fatigue. Une crispation légère mais générale de tout ce que je suis. Il n'y a pas de position dans laquelle je puisse reposer mon corps ne fut-ce qu'un instant. J'ai essayé de m'asseoir, de m'allonger sur le canapé, je me suis appuyé sur la porte ouverte donnant sur le jardin en fleurs, mais quelque chose me forçait à me relever et me portait d'un bout à l'autre de la pièce. La nicotine m'avait mis la bouche en feu, et pourtant j'allumais cigarette sur cigarette, machinalement et avec dégoût.

Quand elle m'avait traité de crétin pour la première fois, il y a quelques années, quelque chose avait bondi en moi et, sans réfléchir, je lui avais balancé une gifle, bien forte et sonore. Nous avons boudé pendant quelques jours, puis, nous étions tombés dans les bras l'un de l'autre comme si de rien n'était, et moi je lui avais murmuré quelque chose à l'oreille, ce à quoi elle m'avait répondu quelque chose que je n'avais compris qu'à demi et tout était rentré dans l'ordre, nous semblions même nous entendre mieux qu'avant. Quand elle m'avait dit quelque chose de semblable pour la deuxième fois, je lui avais collé un œil au beurre noir, nous nous étions battus, elle m'avait griffé et mordu et nous étions restés assez longtemps fâchés, hostiles et sombres. Des amis étaient venus nous rendre visite, et... c'est incroyable, nous avons été nous-mêmes très étonnés de la légèreté avec laquelle nous leur avons raconté notre corrida. Quand nos invités étaient partis, il était resté dans l'air une certaine bonne humeur qui nous avait rapprochés. Quand cette période destructrice avait-elle commencé ? Et comment avais-je pu écouter des litanies de reproches et d'injures ? Est-ce qu'on finit même par s'y habituer ? Et où cela mène-t-il ?

Il y a plus d'un mois elle m'a annoncé qu'elle avait déposé une demande de divorce. Bien, ai-je dit, comme tu veux. Pourrions-nous discuter un peu avant d'aller au tribunal, m'a-t-elle demandé. Non, pour quoi faire, nous parlerons de tout cela sur place. Après, il ne s'est rien passé. Mon avocat m'a fait savoir que le tribunal n'avait reçu aucune demande de ce genre. Je lui ai demandé ce qu'il en était. Cela ne saurait tarder, a-t-elle répondu.

J'avais sans cesse à l'esprit son regard farouche, son visage déformé quand elle crachait, c'était une véritable haine mortelle. Sa voix rauque et nasillard. Et c'est mon être, ma femme, la mère de mon enfant, ma chère et tendre, un morceau de ma vie, les trois piliers de notre foyer. En réalité, c'est mon pire ennemi, mon ennemi mortel, je n'en ai jamais eu de pire dans ma vie. Elle dit du mal de moi partout. C'est moi qui paie toutes les factures, et elle raconte à quel point je suis radin. Elle ramasse toutes sortes de calomnies qu'elle rapporte ensuite à la maison. Chez nos connaissances, au travail, chez les voisins, elle raconte que je suis assommant, emmerdant, méchant, violent et avare, que je suis un mauvais père et un mari impossible, que je lui gâche la vie. Elle chuchote, parle, crie à quel point je suis mauvais, répond à chacun de mes mots avec une colère extrême et une méchanceté cynique, la moindre de ses remarques cache une pique empoisonnée. Elle ne fait pas la cuisine, ne range pas, passe son temps à rêvasser en se plaignant que je ne veuille pas l'emmener en Grèce ou en Espagne ; elle aimerait bien aussi aller aux îles Canaries ou aux Bahamas – et moi, en vrai porc, je reste à la maison et lui pourrit l'existence. Dans la nuit me reviennent en mémoire ses colères, pleines de rage et de reproches, les mots qu'elle m'attribuait, tous prononcés comme un jugement définitif à l'encontre du vaurien que j'étais. « Tu as gâché les plus belles années de ma vie », tel était le jugement le plus tendre. Il n'y avait pas d'homme plus pervers dans le monde entier. Un crétin, un idiot, un minable. Au travail aussi, j'étais irresponsable, négligeant, et qu'osais-je dire de mon chef, moi qui étais un parasite, un morpion, une vulgaire nullité humaine. Elle m'espionne, interroge les gens sur mon compte, fouille mes poches, me vole de l'argent, ouvre mon courrier, fait tout ce qui peut ronger même les nerfs les plus solides. Dans un premier temps, j'ai essayé de la raisonner, mais ensuite je me suis mis à lui écrire sur des feuilles de papier pour qu'elle arrête de faire tout ça (à cause de l'enfant ou, du moins, en sa présence), puis nous avons recommencé à nous taper dessus, tout a volé en éclats, nous sommes allés chez nos médecins respectifs pour obtenir un certificat médical, nous nous sommes tous deux réfugiés chez nos avocats, avons tous deux déposé une demande de divorce, au moins chez nos avocats (qui, de leur côté, nous ont demandé quelques explications, « des renseignements pertinents sur le plan juridique »). Tous deux s'étonnaient de voir que nous vivions toujours ensemble.

J'ai eu quelques petits désaccords dans ma vie – qui n'en a pas eu ? – mais jamais ils n'ont abouti à des injures pareilles (ou du moins similaires). Personne au monde ne m'a jamais admonesté, personne ne m'a provoqué avec autant de fiel, car je ne suis pas dépourvu de force et j'ai la peau assez sensible. Comment me suis-je donc enfoncé dans ce borborygme où je m'agace moi-même ! Crétin ! Idiot ! Dépravé ! Vermine ! Porc ! Qui peut manger tranquillement une telle nourriture ? Seul quelqu'un qui ne se respecte pas lui-même peut le faire. Elle aimerait bien me pousser à commettre un acte suffisamment insensé pour avoir une meilleure raison de demander le divorce à mes torts, c'est ce que sa « bonne » amie m'a confié.

Calmement et réellement, mon avocat m'a donc conseillé de déménager. Mais où ? Je n'avais qu'à m'acheter un appartement. Formidable. Maître, pourriez-vous me prêter entre trente et cinquante millions ? Pour que je puisse quitter la petite maison que j'ai acquise après tant d'efforts et que je vais mettre encore plusieurs années à rembourser ? Car, m'a-t-il dit, les choses sont ainsi : il y a très peu de chances pour que vous obteniez la garde de l'enfant ; et celui qui garde l'enfant se maintient aussi dans les lieux. En plus, c'est l'année de la femme. Elle doit savoir tout cela elle aussi, sinon elle ne me dirait pas avec une telle légèreté : Toi, prends tes cliques et tes claques, et dégage, que cela te plaise ou non. Elle, elle n'a pas investi un sou dans notre intérieur ; les meubles et l'électroménager, c'est moi et moi seul qui ai tout acheté, c'est moi qui ai souscrit un prêt pour la petite maison, c'est moi qui le rembourse. Elle, elle a investi « ses plus belles années », et ainsi il faut s'en tenir à la règle stipulant que « ce qui a été acquis durant le mariage doit être partagé par moitié ».

C'est un jeu sans règles, à gain unilatéral, car elle est la seule à pouvoir gagner. Ce jeu est éprouvant, la seule question est de savoir qui de nous deux aura les nerfs assez solides pour résister. Si je la frappe, elle décrochera le téléphone et demandera une protection. Si je laisse trop éclater ma colère, elle s'efforcera de me faire enfermer chez les fous. Elle est persuadée que je ne le la tuera pas. Comment donc peut-elle perdre à ce jeu ? Durant l'année de la femme ? Pourquoi personne ne vient plus nous voir, dit-elle : à cause de toi. Tu veux savoir ce que m'a dit quelqu'un que te connaît très bien, très très bien même ? Tu veux le savoir ? Et s'ensuivent à nouveau les mêmes litanies, la répétition des injures bien connues, puis une nouvelle injure, il y en a toujours une nouvelle qui fait son apparition (dans l'escalade militaire, comme on dit) : que tu es cinglé, a-t-elle dit, que ta place est chez les fous. Elle dit aussi qu'elle aimerait bien me tuer, qu'elle me poignarderait avec un couteau, m'empoisonnerait, abattrait, mais qu'elle ne voudrait pas aller en prison à cause d'un pareil porc. Du haut de ses dix ans, Tomaž écoute tout cela et parfois éclate en sanglots.

Il faut faire quelque chose, il faut faire quelque chose, je me le dis en faisant des allers et retours dans les escaliers. Notre enfant en est victime. Quant à Lida et moi, nous sommes tous deux à la fois victimes et bourreaux, nous nous sommes complètement déshumanisés, nous nous sommes déracinés de la cellule familiale et avons tout saccagé. Maintenant, nous allons probablement finir par divorcer, mais cela ne changera rien d'essentiel. Il paraît qu'on pourra ensuite continuer à déposer plainte l'un contre l'autre à cause des insultes et de la restriction des droits. La guerre des nerfs durera indéfiniment jusqu'au jour où l'un d'entre nous aura les nerfs qui lâcheront et fera quelque grosse bêtise.

Quelle nuit de samedi infernale. Quand on a confiance en une personne et qu'on lui dit qu'elle est quelqu'un de bien, elle s'améliore encore. Mais si on ne cesse de

répéter à quelqu'un qu'il est mauvais, il ne fait qu'empirer. Ainsi, je suis en train de devenir quelque chose que je n'ai jamais été et que je ne serai jamais, quelque chose qui ne ressemble plus à un être humain ; pas encore un porc, ni un idiot, ni une vermine, mais déjà quelque chose de désagréable, de menacé et d'agressif. On n'a pas idée à quel point la terminologie du vulgaire peut transformer un homme sensible, quand les expressions désobligeantes ne cessent de se répéter, de façon suggestive, à voix haute et sans aucune retenue, et que tout cela continue à empirer même quand on a l'impression d'avoir touché le fond. On se retrouve dans l'auge, mélangé à la bouillie, prêt à être dévoré par les cochons.

Un samedi, tu te retrouveras sur un crachat, et une voix venue de dessous le plafond retentira : tu ne vaux rien, minable, tu pensais à tort t'être construit une personnalité, tout ton passé a sombré dans un petit crachat ; ce crachat est ta planète. S'il en était autrement, tu te battrais, tu chercherais à prouver ce qui est vrai, tu sortirais de tes gonds. Bon sang, quand même, tu vis bien dans un État de droit. Mais où est-il donc ?

En ce moment, celle qui m'a déshumanisé, m'a ôté mon âme et m'a arraché à la terre est allongée dans le confortable lit conjugal, enroulée dans les édredons que tu lui as achetés pour qu'elle se sente bien et, à la lumière de ta lampe, elle lit : « *Elle l'entendit monter dans la voiture, claquer la portière. Elle l'entendit ouvrir la fenêtre. Elle entendit le grincement du métal et une voix rauque : Adieu, Maura. Après cela, un coup de feu, éclatant, et un second coup de feu. Puis un râle...* »² Elle est allongée, vêtue d'un pyjama blanc moelleux, tenant dans une main le petit livre où des gens s'entretuent tandis que son autre main repose on ne sait où. Cet être siège bien haut, au sommet de ce qu'on appelle la grandeur morale ; de là, elle récompense ceux qui lui sont utiles en les proclamant bons et châtie ceux qui lui nuisent en leur infligeant son dégoût. Et personne ne peut rien à l'encontre de ses jugements. Les remboursements de la maison son payés par un crétin, le même qui paie tous les mois le chauffage central, l'électricité et toutes les factures de la liste. Si le crétin n'est pas là et qu'un caissier se présente, cet être lumineux lui dit : mon mari n'est pas là, repassez une autre fois. De son côté, elle se plait à acheter des vêtements de marque et se fait faire des tailleurs et des manteaux chez les tailleurs les plus chers. Pour parfaire son bonheur et sa liberté, il faudrait juste que moi, l'idiot, j'aie à vivre à l'hôtel et lui envoie par la poste de quoi payer les factures, en arrondissant un peu la somme, et puis quelques milliers pour l'enfant. Et moi, vermine, je ne veux pas le comprendre. L'herbe pousse jusqu'à sa taille, le noisetier aussi, le sapin de même. Mais ma bien-aimée, elle, dépasse en taille toutes les normes possibles, en passant par toutes les tailles humaines, et même au-delà des mesures de son temps ; elle a véritablement son propre socialisme et se dirige tout droit vers le paradis sur terre. C'est moi qui achète la nourriture pour Doris, l'épagneul, et c'est Lida qui la lui donne ;

² En croate dans le texte.

naturellement, le chien éprouve beaucoup plus de tendresse pour Lida que pour moi. Si je vais vivre à l'hôtel, bien sûr, il me faudra envoyer à la maison de la nourriture pour la pauvre bête, pour ne pas être un sal porc aussi de ce point de vue.

Je me perds dans les pensées et représentations insignifiantes, je me perds dans des associations de mots dénuées de toute signification, je marche, m'assieds, me lève, marche. Si je m'allonge pour m'endormir, je ne vais pas tarder à me relever, j'allumerais à nouveau l'une de ces infâmes cigarettes âcres, et tout recommencera. La colère me pétrira à nouveau, le désespoir me traversera, je tremblerai d'impuissance, recommencerais à me monter la tête : oui, il va bien falloir faire quelque chose, non ? Il est bien naturel que je la déteste. Mais la haine conduit à l'action, à l'attaque ou à la défense. Et qu'est-ce que je fais, moi ? Je me lamente dans mon coin. Et, de temps à autre, je me plains un peu auprès de Franci ou Primož. La dernière fois, Franci nous a rendu visite ; après avoir écouté comment nous nous parlions, Lida et moi, il avit soupiré : Oh, les malheureux... oh, les malheureux. Je lisais dans ses yeux que ces mots venaient du plus profond du cœur. Nous avons l'armée, nous avons la police, nous avons des tribunaux, nous avons un bureau des doléances. Mais pas pour résoudre les « malentendus » conjugaux. Nous avons des idées de justice, d'humanité, de progrès, d'amélioration, des théories sur les relations humaines, des services chargés du planning familial, nous avons tout ce qui s'apparente à une société policée. Mais rien pour gérer les affaires internes au sein des familles. Nous avons même des mots, mais ils restent sans écho. Contre les mots « réfléchis donc un peu » surgit le mot « idiot » Nous avons des livres, mais nous ne les lisons pas. Nous n'écoutons que de la musique légère et distrayante. Nous fréquentons assez peu les théâtres. L'assistante sociale ne s'intéresse pas aux « bonnes familles ». Les psychiatres sont trop occupés par des cas autrement plus graves qui, de toute façon, leur glissent entre les doigts ; ils ne peuvent déjà pas maîtriser les alcooliques et les drogués. Alors, nous lisons les horoscopes, feuilletons les revues, fréquentons les cinémas. De temps en temps, nous allons dans la nature pour la salir un peu. Les dieux ont abandonné cette planète, le diable fait une excellente moisson. Le jugement dernier approche. Le déluge ? Non, non, rien n'approche, c'est là. Tous les jours, quelque chose s'en va, et nous ne savons pas quoi ? Je ne suis peut-être qu'un bon à rien. Sinon, je réfléchirais sur le champ et je trouverais bien quelque chose, je pourrais passer un coup de fil ; quelque part, une voix rieuse me répondrait et m'inviterait à venir immédiatement. Mais moi, je n'ai envie d'aller nulle part. Et je ne connais personne que ma vue réjouisse au point de me dire : Naturellement, nom d'une pipe, monte tout de suite dans ta voiture et viens : tu n'as pas idée à quel point nous nous amusons !

L'autre fois, j'ai lu que, chez Shakespeare, seuls les artisans, les petits paysans et les pauvres bougres sont heureux. Je veux bien croire ce que l'auteur écrit sur l'homme de théâtre. Mais je ne peux pas croire que le bonheur se trouve dans le fait d'appartenir à une classe qui ne possède rien. L'artisan est assommé par les impôts, le

paysan par la mauvaise vente de ses produits, et celui qui n'a rien, lui, par le désir de voir sa situation s'améliorer. Moi, je possède juste suffisamment pour ne manquer de rien et pour, malgré tout, toujours regarder vers le haut ; dans nos lectures comme dans nos conversations, il y a des gens qui vivent beaucoup plus largement, alors nous nous disons : pourquoi pas nous ? Lida dit qu'elle est malheureuse. Je suis responsable de son malheur. Si je lui donne mille balles, elle est malheureuse que je ne lui en aie pas donné deux mille ; si je lui en donne cinq mille, elle est fâchée que je ne lui en aie pas donné dix, et ainsi de suite jusqu'à l'île Skorpios d'Onassis. Du reste, ce ne sont là que des formules dans lesquelles j'ai canalisé mes réflexions exaspérées, en fait des formules qui ne valent rien et, surtout, inutiles, plus exactement : à qui servent-elles ? Il y a des gens qui gagnent en une journée ce que je mettrai toute ma vie à gagner. Sont-ils heureux pour autant ? Quelle question stupide ! L'argent n'est rien d'autre qu'une sorte de moteur, grand ou petit ; bien utilisé, il porte de bons fruits, gaspillé à tout va, de mauvais. J'ai fini par le réaliser clairement. Ce n'est pas grand-chose, mais, malgré tout, c'est quelque chose.

Non. Tout cela n'est rien, rien, la nervosité et la fuite en avant m'ont rendu fou. L'essentiel réside dans quelque chose de tout à fait différent, mais je ne sais pas quoi. Cela n'a pas de nom. Il n'y a aucun panneau signalétique. Personne n'en parle. Je le sens, mais je ne sais pas.

Mais est-ce que je le cherche ? Je ne sais pas. Je marche et je regarde devant moi, je fais semblant de penser. Mais qu'en est-il ? Et si quelque part, tout à fait intuitivement, Lida avait raison ; si je n'étais qu'un idiot, un méchant, oui, et même un fou ? Peut-être pas tout à fait comme elle me voit. Mais les gens normaux ne se laissent pas prendre dans de tels pièges diaboliques où ils ne peuvent ni vivre, ni mourir, ni veiller ni dormir, ni s'asseoir, ni s'allonger, ni penser, ni se débarrasser de toutes pensées, ni haïr profondément, ni aimer, ni continuer – ils sont dans l'incapacité d'être ici et maintenant. Ils ne savent pas où aller, ni jurer ni prier, ils ne sont aptes à aucune discussion, rien, rien, rien.

Jeu avec la queue du diable

Translated by Grégoire Labbé

Contact of the translator: g.lab85@gmail.com

Il est très dur de commencer. On aimerait trop en dire d'un coup, tout caser dans une phrase. Heureusement on ne sait pas par où par où prendre les choses, on doit se concentrer et chercher dans une pelote emmêlée le début d'un fil. Impossible de remonter à Mathusalem. Je ne prie pas avant le repas, je ne jure qu'en conduisant ma voiture, je n'ai pas tout cet éventail d'habitudes contemporaines, bien que j'appartienne à la classe moyenne dans le système socialiste.

J'ai d'abord pensé me décrire moi-même.

Au diable de telles intentions ! J'ai de moi la meilleure comme la pire des opinions, laquelle devrais-je d'abord privilégier ?

J'écrirai ce qui me viendra en tête, ce qui me préoccupe principalement, comme si c'était enregistré sur une cassette. Il s'agit de ce qu'elle m'a dit hier soir, avant qu'elle ne parte en toute hâte se coucher : que je ne suis qu'un pervers, un homme sans caractère, une créature sans capacité à s'émouvoir, un esprit bas, un monstre, un faible, un rat inculte, primitif et idiot... Et aussi qu'il faudrait que je me regarde au moins une fois dans le miroir. Je peux commencer ici, ou plutôt je dois commencer ici, puisque ça m'obsède de telle façon, que ça domine toutes mes autres pensées et souvenirs. Je suis sexuellement corrompu, car sinon je ne m'intéresserais pas autant aux culs des femmes. Je suis sans personnalité, car sinon je me préoccuperais davantage de ma pauvre famille, de mon enfant. Je n'ai aucun sentiment, si j'en avais, je verrais combien elle souffre. Je suis bas d'esprit, un sadique insupportable. Un homme pas possible, car de tous ceux qui me connaissent bien, amis y compris, personne ne me supporte... Et je verrai bien comment je vais finir. Toute ma jeunesse a été un échec, comment puis-je maintenant vivre ? Comme un rat, un parasite. D'ailleurs notre fils lui-même ne m'apprécie pas. Tout cela elle l'a lancé depuis la porte, avant de me cracher dessus, puis de crier "pouah !" Alors que je me levai sans hâte, elle courut vers sa chambre, où elle lut jusqu'à quatre heures du matin un polar à trois dinars, un de ces brochés dont la couverture porte à l'avant une image de gangster, un revolver à la main (sous lequel on peut voir une femme dénudée aux beaux cheveux), et à l'arrière l'inscription "exonéré de taxe sur la circulation d'oeuvres de l'esprit par le secrétaire pour l'éducation, la culture et le sport de la République Socialiste de Croatie, numéro 2935/2 - 1973 du 26/11/1973."³ Quant à moi, je regardais pendant ce temps je ne sais quoi sur l'écran de la télé, avant de faire les cent pas dans le salon en fumant cigarette sur cigarette. C'était hier soir, samedi soir. J'ai avalé deux valiums, qui n'ont agi que lentement, voire pas du tout. Je me

³ En serbo-croate dans le texte.

suis résigné à me laisser piéger, en allant me regarder dans le miroir dans l'entrée. Tout s'est doucement dispersé en moi, les tripes, les nerfs, et encore les poumons je crois. Ma tête me faisait mal, j'étais perdu dans un état second, sans pensée ni possibilité, dans lequel je ne pouvais ni dormir, ni m'allonger, ni marcher, ni fuir de l'appartement, ni travailler ou lire. Rien de ce monde ne m'intéressait, tout était devenu étranger, ancien, faux, éloigné, incompréhensible. Dans mon crâne, un mélange de vide, de paille, de poussière, qui se dispersait à chaque mouvement, et diffusait une petite douleur lancinante et mobile, qui me taquinait d'abord la nuque, puis de la tempe, avant que l'obscurité ne m'envahît, mon oreille s'endolorît, qu'on en arrivât à l'oeil entier, à la névralgie. Une nausée désagréable se manifesta, à cause de laquelle il me fut impossible de boire ou de manger. Mes membres étaient épuisés. Cette crise se généralisait à tout ce que je suis. Aucune possibilité pour moi de reposer mon corps ne serait-ce qu'un instant. J'ai essayé de m'asseoir, de m'allonger sur le canapé, de m'appuyer contre la porte ouverte, qui donne sur le jardin fleuri, mais toujours j'ai été comme ballotté à travers la pièce. Bien que ma bouche fut déjà brûlée de nicotine, je me suis allumé cigarette sur cigarette, tout à fait automatiquement et avec dégoût.

Lorsqu'elle me dit, pour la première fois il y a quelques années, que j'étais un crétin, j'ai été comme saisi, et lui ai sans hésitation flanqué une gifle forte et sifflante. Nous nous sommes boudés pendant quelques jours, mais cela s'est conclu par une embrassade. Je lui ai chuchoté des mots à l'oreille, elle a répondu quelque chose que je n'ai compris qu'à moitié, et tout était réglé, comme si nous nous entendions mieux qu'avant. Lorsqu'elle réitéra ce genre de chose, elle obtint un oeil au beurre noir, nous nous sommes battus, elle m'a griffé et mordu et nous nous avons été brouillés, haineux et malveillants pendant un long moment. Il a fallu que des amis nous rendent visite pour qu'étrangement, nous nous étonnions tous deux de la facilité avec laquelle nous parlions de notre corrida. Une fois les visiteurs partis flottait dans l'air une bonne humeur qui nous rapprocha. Quand donc cette période dévastatrice se serait-elle entamée ? Et comment ai-je pu écouter toute cette tirade d'insultes et d'humiliations ? Est-il possible que l'on puisse s'y habituer ? Et où tout cela nous mènera-t-il ?

Elle m'informa, il y a de cela plus d'un mois, qu'elle avait entamé une procédure de divorce.

« Bon, ai-je dit, qu'il en soit ainsi.

— Veux-tu que nous discussions, avant d'aller au tribunal ? m'a-t-elle demandé.

— Non, pourquoi ? nous nous parlerons là-bas. »

Ensuite, silence.

« Mon avocat m'a fait savoir qu'au tribunal, on joue tous des rôles différents. »

Je lui ai demandé le pourquoi du comment.

« Tu verras en temps voulu. »

Son regard noir, son visage déformé quand elle a craché, manifestation de la haine la plus pure, sa voix rauque et nasale me revinrent à l'esprit. Il s'agit pourtant de ma moitié, de ma femme, de la mère de mon enfant, ma bien aimée et mon cher amour, un pan entier de ma vie, le pilier de notre maison. Elle est en vérité mon ennemi mortel, le pire que j'ai eu dans ma vie. Il s'active autour de moi. Je paye toutes les factures seul, et elle dit que je suis avare. Elle récolte çà et là toutes sortes de diffamations et les rapporte chez nous. Aux proches, au travail, chez les voisins, elle raconte comme je suis importun, assommant, mauvais, violent et pingre, comme je suis un mauvais père et un mari impossible, comme j'ai anéanti sa vie. Elle chuchote, elle parle, elle crie que je suis vil, elle oppose à chacun de mes mots la plus grande des colères et sa méchanceté cynique, dans chacune de ses plus petites remarques se cache une épine empoisonnée. Elle ne cuisine ni ne fait le ménage, elle songe seulement au fait que je ne veux pas l'emmener en Grèce ou en Espagne; elle irait bien aussi sur les îles Canaries ou aux Bahamas. Mais moi, le porc, je reste à la maison et lui rends la vie impossible. La nuit me reviennent à l'esprit ses colères, ses mots cruels, pleins de reproches, d'accusations, tous assenés comme une condamnation absolue du moins que rien que je suis. « Tu as anéanti les plus belles années de ma vie » est encore la plus clémente de ses invectives. Des hommes aussi imbuables, il n'y en a plus dans tout le monde. Crétin, idiot, connard. Même au travail je suis irresponsable, indigne de confiance, et ce que je me permet de dire à propos du patron, moi le parasite, le pou, abaisse l'homme au niveau de la nullité. Elle m'espionne derrière mon dos, se renseigne, fouille mes poches, vole mon argent, ouvre mon courrier, fait tout ce qui peut irriter les nerfs les plus robustes. J'ai d'abord essayé de lui parler, je lui ai ensuite adressé quelques lettres, pour qu'elle cesse cela au moins pour l'enfant, ne serait-ce que lorsqu'il peut nous voir ou nous entendre... ce qui déclencha un nouvel affrontement bruyant, tout vola dans l'air, nous dûmes nous rendre tous deux chez le médecin pour faire certifier nos blessures, puis nous nous précipitâmes chez nos avocats respectifs pour demander le divorce, mais ceux-ci avaient encore besoin de quelques clarifications, « quelques informations juridiquement pertinentes ». Il leur semblait à l'un comme à l'autre étrange que nous vivions encore ensemble.

J'ai connu quelques conflits mineurs dans ma vie - qui n'en a pas eu - mais jamais les choses n'avaient atteint (ni même approché) de telles humiliations. Personne dans le monde ne m'avait encore grondé, personne ne m'avait aussi cruellement provoqué, car je ne suis pas sans force et je suis de nature plutôt irritable. Comment me suis-je donc égaré dans ce marécage, dans lequel je me suis embourbé moi-même ? Crétin, idiot, connard ! Pou ! Porc ! Qui pourrait ingurgiter calmement une telle nourriture ? A part quelqu'un qui ne se respecte pas lui-même. D'après ce que m'a confié sa « bonne » amie, elle me provoque dans l'espoir que je commette une faute grave. Mon avocat m'a calmement et objectivement conseillé de déménager. Où ? Que je m'achète un appartement. Super. Monsieur l'avocat, pourriez-vous me prêter entre trente et

cinquante millions ? Que je quitte ma maison, que j'ai obtenu avec difficulté et que je vais encore payer pendant pas mal d'années ? En fait, m'expliqua-t-il, la situation est la suivante : il n'y a qu'une très mince probabilité pour que vous obteniez la garde de l'enfant; qui garde l'enfant reste aussi dans l'appartement. Et c'est l'année de la femme... Probablement sait-elle également ces choses, sinon elle ne parlerait pas avec tant de facilité : tu peux te casser si ça ne te plaît pas. Elle n'a jamais investi ne serait-ce qu'un dinar dans notre ménage; j'ai tout acheté seul, aménagement comme électroménager, c'est moi qui ai souscrit le prêt pour la maison seul, et seul je le rembourse. Elle, elle a investi « ses plus belles années » et donc la règle qui veut que « dans le couple, tous les apports se fassent à parts égales » est respectée.

Ce jeu n'a pas de règle, le gain est quant à lui unilatéral, seule elle peut l'obtenir. Le jeu est éreintant, la seule question est de savoir qui va tenir le plus longtemps. Si je la frappais, elle téléphonerait pour demander qu'on la protège. Si je me mettais vraiment en colère, elle essaierait de me placer en hôpital psychiatrique. Elle est convaincue que je ne la tuerais pas. Comment donc pourrait-elle perdre la partie ? Pendant l'année de la femme ? La raison pour laquelle plus personne ne vient nous voir est claire : « A cause de toi ! » dit-elle. « Tu sais ce que m'a rapporté quelqu'un qui te connaît très bien, voire très très bien ? Tu veux savoir ? » Et encore sa tirade, répétition des jurons connus, puis apparition d'un nouveau, il finit toujours par en arriver un nouveau (l'escalade du pire, comme on dit) : « Il a dit que tu es fou, que tu devrais être interné. Il a ajouté que tu me tuerais avec plaisir, que tu me poignarderais, m'empoisonnerais, me tirerais dessus, mais je n'aimerais pas aller en prison à cause d'un tel porc. » Le petit Tomaž de dix ans, lui, écoute tout cela, et parfois, il en pleure amèrement.

Il faut agir, il faut agir, me dis-je quand je fais les cent pas. Notre enfant est une victime. Lida et moi sommes tous deux des victimes et des bourreaux à la fois, nous en sommes arrivés à nous déshumaniser, nous nous sommes tous deux déracinés de l'unité familiale, nous nous sommes détruits. La séparation aura désormais lieu, mais au fond rien ne changera. Nous continuerons probablement à nous accuser mutuellement, à cause des offenses et des restrictions de droits. Cette guerre de nerfs durera indéfiniment, jusqu'à ce que l'un perde son calme et commette l'irréparable.

Satané samedi soir. S'il arrive que l'on fasse preuve de confiance envers quelqu'un et lui assurons qu'il est un homme de bien, alors il deviendra encore meilleur. Mais si on lui répète toujours qu'il est mauvais et mauvais, il devient alors encore pire. Ainsi je mute en quelque chose que je n'ai encore jamais été et que je ne serai jamais, quelque chose qui n'a plus rien d'humain, ni de porcine, ni d'idiote, ni de pou, mais quelque chose de désagréable, de menaçant et d'agressif. Quel effet a sur un homme sensible le champ lexical ordurier, quand des mots écoeurants se répètent sans cesse, s'affirment à haute voix, ne se retiennent pas, et que tout cela continue à s'intensifier, quand bien même on penserait en avoir atteint le sommet ? On est comme mélangé à de la farine de son, et les porcs vont nous dévorer.

Un samedi soir on se fera cracher dessus, et depuis quelque part sous le plafond arrivera une voix : tu ne vaux rien, moins que rien, tu as cru t'être construit une personnalité, et voila tout ton passé submergé par un petit crachat; ce crachat est ta planète. Si ça n'était pas vrai, tu te battrais, tu montrerais ce que tu vaux, tu t'énerverais. Par malheur, après tout, tu vis dans un pays bien réglementé. Mais où ?

Celle qui m'a déshumanisé, a corrompu mon âme et l'a placé plus bas que terre est désormais couchée dans le confortable lit conjugal, dans un édredon que j'ai acheté pour son confort. A la lueur de la lampe de chevet, elle lit : « Elle l'entendit sortir de la voiture, refermer la portière, puis ouvrir la fenêtre. Elle perçut un bruit métallique, et une voix robuste, la sienne : Adieu, Maura. Sur ce, coup de feu, éclair, et deuxième coup de feu. Crève » *. Elle est couchée, dans son pyjamas blanc léger, elle tient d'une main le livre de poche dans lequel se tuent les gens, l'autre main se trouve quant à elle dieu sait où. Cette créature flotte quelque part au-dessus, dans les hautes sphères de la morale, depuis lesquelles elle récompense elle-même les personnes dignes avec des mots cléments, tout comme elle peut blesser et punir avec dégoût. Et personne ne peut rien contre ses jugements. C'est un idiot qui rembourse la maison et qui règle chaque mois le chauffage central, l'électricité et toutes les factures à la suite. Si ce con n'est pas à la maison quand vient un créancier, cette être lumineux lui lance : « mon mari n'est pas à la maison, revenez une autre fois. » Elle aime s'acheter de beaux vêtements et se donner à tailler des costumes et des manteaux sur mesure chez les plus chers des tailleurs. La seule ombre vis-à-vis de sa chance parfaite et de sa liberté, c'est que moi-l'imbécile, je devrais, pour bien, emménager dans un hôtel et lui faire parvenir le règlement des factures par la poste, un peu arrondi au-dessus, et encore mille balles supplémentaires pour notre fils. Mais moi, le sale pou, je ne veux pas comprendre cela. Toute chose pousse à sa propre hauteur, l'herbe, le noisetier, l'épicéa. Ma bien aimée quant à elle croît au-dessus de tout, au-delà de toute taille humaine, sans se soucier des contraintes de son temps, elle dispose de son propre socialisme et est sur le chemin du paradis sur terre. C'est moi qui fournit la nourriture de notre épagneule Doris, et Lida la nourrit. Le chien lui voue naturellement un amour bien plus beau qu'envers ma personne. Si d'aventure je m'installais à l'hôtel, il me faudrait évidemment faire livrer à la maison la nourriture pour le pauvre chiot, afin de ne pas être, de ce point de vue également, un horrible porc.

Je me perds dans mes basses pensées et mes problèmes, je m'é gare dans des enchaînements de mots insensés, je marche, je m'assieds, je me lève, je remarque. Si je m'allongeais dans le but de dormir, je sentirais assez rapidement le besoin de me lever, je m'allumerais alors une cigarette brûlante et dégoûtante, et tout recommencerait. Une fois de plus monterait la colère, me pénétrerait le désespoir, je tremblerais de ma faiblesse, et me dirais, encore une fois : Bon, il va falloir agir. Il est naturellement vrai que je la déteste. Et la haine provoque l'action, l'attaque ou la défense. Et que fais-je, moi ? Je me lamente tout seul. De temps à autres également,

je me plains au près de Franci ou de Primož. Dernièrement, Franci nous a rendu visite, il a écouté comment on se parle avec Lida, et a soupiré : « Oh, pauvres gens... oh, pauvres gens . J'ai pu lire dans ses yeux comme il pensait cela réellement. Nous avons une armée, une police, nous avons des tribunaux, nous avons un bureau des plaintes. Mais rien pour résoudre les « incompatibilités » conjugales. Nous avons des idées du droit, de l'humanité, du progrès, de l'amélioration, une théorie sur les relations humaines, un planning familial, nous avons tout ce qu'un pays civilisé doit avoir. Mais nous ne disposons de rien pour régler les conflits au sein des familles. Nous avons des mots, nous y sommes sourds. A la place de dire « mais pense-donc » nous assaille le mot « idiot » ! Nous possédons des livres, mais on ne les lit pas. Nous écoutons seulement de la musique légère et festive. On ne va que peu au théâtre. L'assistante sociale ne semble pas croire que nous puissions former une « meilleure » famille. Les psychiatres sont trop occupés avec des cas plus importants, qui leurs filent d'une façon ou d'une autre entre les doigts; car ils ne peuvent pas encore maîtriser les cas d'alcoolisme et de toxicomanie. On lit nos horoscopes, on feuillette des revues, on va au cinéma. Parfois nous allons dans la nature, afin de la salir un peu. Les dieux sont partis de cette planète, le diable fauche une riche moisson. Le jour du jugement arrive. Le Déluge ? Non, le fait est que rien ne vient. Les jours passent, et nous n'en savons pas plus. Peut-être ne suis-je d'aucune utilité. J'aurais pu un peu réfléchir, me souvenir de quelque chose, puis ensuite téléphoner, pour que me réponde quelque part une voix souriante m'invitant à les rejoindre sans tarder. Mais on ne me traîne nulle part. Personne, à ma connaissance, ne pourrait se réjouir en me proposant : Bien sûr, vite, prends le volant et viens ! Tu n'as pas idée comme on s'amuse ici !

Dernièrement, j'ai lu que dans l'oeuvre de Shakespeare ne sont heureux que les artisans, les fermiers et les petites gens sans le sou. Je pense qu'il y a un fond de vérité dans ses drames. Par contre je ne crois pas que nous serions heureux d'appartenir à la classe infortunée. L'artisan est frappé par les impôts, le fermier vend mal ses produits, le pauvre souhaite quant à lui ardemment que s'améliore sa situation. Je fais en sorte que nous ne manquions de rien, et malgré tout l'on regarde continuellement vers le haut, on lit et parle des gens qui vivent plus largement, et on se plaint : « pourquoi pas nous ? » Lida dit qu'elle est malchanceuse, car je ne lui ai pas donné vingt, et si je lui donne cinquante, elle est en colère que je ne lui aie pas donné cent, et ainsi de suite jusqu'à Skorpios, l'île privée d'Onassis. En fait ce ne sont là que des mots, dans lesquels s'embourbe ma pensée coléreuse, des formules vides de sens, et surtout inutiles... En effet, comment pourraient-elles être bénéfiques ? Il y a des gens qui, en un jour, gagnent autant que moi en toute une vie. Cela les rend-ils heureux ? Quelle question débile. L'argent n'est rien qu'un moteur, petit ou grand. En réalité il permet de sélectionner de bons fruits, et de jeter les mauvais - puisqu'ils sont mauvais. C'est ce que j'ai fini par comprendre. Ce n'est pas grand chose, mais ça reste quelque chose.

Non, tout cela n'est rien. Mais ce rien est mêlé de nervosité et de fuite devant le quotidien. Le principal est quelque chose de tout à fait différent, et je ne sais pas quoi. Il n'a pas de nom. Aucun panneau n'en indique la direction. Personne n'en parle. Je peux le pressentir, mais je ne parviens pas à le savoir.

Est-ce que je cherche vraiment ? Je ne sais pas. Je marche et je regarde devant moi, je fais comme si je réfléchissais. Et qu'est-ce que c'est en fait ? Et si Lida avait quelque part instinctivement raison; que je ne suis qu'un imbécile, un vaurien, voire même un fou ? Peut-être n'est-ce pas vraiment ainsi qu'elle me voit. Les gens normaux ne s'emmêlent-ils pas eux-aussi dans de tels casse-têtes, à se dire qu'ils ne peuvent ni vivre ni mourir, ni veiller ni dormir, ni s'asseoir, ni s'allonger, ni réfléchir, ni rester là, sans penser, ni détester jusqu'au fond, ni aimer, ni continuer, à ne pas savoir être ici et maintenant et à ne pas savoir vers où aller ? Ne pas savoir jurer ni s'adoucir, ne trouver nulle part de conseil, rien, rien, rien.

Spiel mit dem Teufelsschweif

Translated by Karin Almasy

Contact of the translator: karin@almasy.at

Es ist sehr schwer zu beginnen. Man würde gerne auf einmal zu viel erzählen, sozusagen alles in einem Satz. Zum Glück weiß man nicht, wo man anfangen soll, man muss in Gedanken versinken und im Gewirre des Knäuels das suchen, was man Faden nennt. Man kann nicht bei Abraham beginnen. Ich bete nicht vor dem Essen, fluche nur als Fahrzeuglenker, eine ganze Reihe von Angewohnheiten meiner Zeitgenossen habe ich nicht, obwohl ich der Mittelschicht des sozialistischen Systems angehöre.

Ich dachte daran, zuerst mich selbst mir selbst zu beschreiben.

Zum Teufel damit! Ich habe die beste und die schlechteste Meinung über mich selbst, womit soll ich nun beginnen?

Ich werde das aufschreiben, was mir nicht aus dem Kopf geht, was mir weiterhin im Kopf rumschwirrt, als wäre es auf einem Tonband festgehalten, das, was sie mir heute Nacht gesagt hat, bevor sie wieder zum Schlafen davon gestürzt ist: dass ich ein übler Strolch sei, eine charakterlose Person, eine gefühllose Kreatur, ein niederer Geist, ein Ungeheuer, ein Schlappschwanz, eine kulturlose Ratte, ein Primitivling und Idiot. Und dass ich einmal in den Spiegel schauen solle. Hier kann ich beginnen, beziehungsweise – hier muss ich beginnen, weil es mir sonst so im Kopf schallen und rauschen würde, dass es alle anderen Gedanken und Erinnerungen übertönt. Sexuell sei ich verdorben, weil mich sonst ein weiblicher Hintern nicht so sehr interessieren würde. Charakterlos sei ich, weil ich mich sonst irgendwie mehr für meine arme Familie interessieren und besser für mein Kind sorgen würde. Gefühle hätte ich keine; denn wenn ich welche in mir hätte, würde ich sehen, wie sehr sie leidet. Ein niederer Geist sei ich, ein unerträglicher Sadist. Ein unmöglicher Mensch, eben auch Freunde und Bekannte würden das schon wissen, niemand mag mich, und ich würde schon noch sehen, wo ich enden würde. Meine ganze Jugend sei verfahren gewesen, und wie lebe ich jetzt? Als schmarotzerhafte Ratte. Auch das Kind sei schon ganz genervt von mir. All das begründete sie noch gut zwischen Tür und Angel, bevor sie in meine Richtung spuckte und „Pfui!“ rief und – weil ich langsam begann aufzustehen, in ihr Zimmer flüchtete, wo sie dann bis vier Uhr morgens einen Kriminalroman für drei Dinare las, diesen broschierten, der vorne ein Farbbild eines Angreifers mit Revolver in der Hand hatte, (er zielt auf eine entblößte Frau mit schönem Haar), und hinten die Aufschrift „Umsatzsteuerbefreit, für das Republiksekretariat für Bildung, Kultur und Sport der Sozialistischen Republik Kroatien Nr. 2935/2-1973 ab 26. XI. 1973“. Ich schaute dabei auf den Fernsehbildschirm, ich weiß nicht, was lief. Dann lief ich im Wohnzimmer auf und ab

und rauchte eine Zigarette nach der anderen. Das war gestern Abend gewesen, Samstagabend. Ich schluckte zwei Apaurin, die langsam oder gar nicht wirkten. Mit Widerwillen ertappte ich mich dabei, immer wieder ins Vorzimmer zu gehen um in den Spiegel zu schauen. Alles in mir zitterte ganz leicht, die Eingeweide, die Nerven, auch die Lungen kamen mir vor, der Kopf schmerzte mich dumpf, ich war verloren in einem Sein ohne Sinn und Möglichkeiten, wo weder Schlafen, noch Liegen noch Gehen möglich ist, keine Flucht aus der Wohnung, keine Arbeit, kein Lesen, einfach nichts auf der Welt interessierte mich, alles war mir fremd geworden, vergangen, unwahr, fern, unverständlich. Im Kopf eine stumpfe Leere, Stroh, Staub, der sich bei jeder Bewegung verstreut, und einen kleinen, schrillen Schmerz ohne auf nur einer Stelle zu verweilen; bald schmerzte es mehr im Nacken, bald in Schläfennähe, dann der Scheitel, bald begann das Ohr zu schmerzen, dann sogar das Auge, Neuralgie. Im Magen eine nicht zu große, aber unangenehme Übelkeit, wegen der ich weder trinken noch essen konnte. Müdigkeit in den Gliedern. Eine kleine doch allgemeine Not all dessen, was ich bin. Keine Position, in der sich mein Körper nur für einen Augenblick erholen konnte. Ich versuchte mich hinzusetzen, zog mich auf die Couch, lehnte an der offenen Tür, die in den blühenden Garten schaute, aber immer wieder zog es mich hoch und trieb mich auf und ab durchs Zimmer. Obwohl mir vom Nikotin schon der Mund brannte, zündete ich mir Zigarette nach Zigarette an, ganz automatisch und mit Ekel.

Als sie mich vor einigen Jahren zum ersten Mal einen Idioten hieß, ging es irgendwie mit mir durch und ohne zu Überlegen schmierte ich ihr eine um die Ohren, ziemlich kräftig und saftig. Einige Tage schwiegen und schmolten wir uns an, dann umarmten wir uns auf einmal, und ich flüsterte ihr etwas ins Ohr, sie antwortete mir etwas, das ich nur zur Hälfte verstand und alles war wieder zurechtgerückt, es war sogar so, als verstünden wir uns besser als zuvor. Als sie mich zum zweiten Mal so etwas Ähnliches hieß, verpasste ich ihr ein blaues Auge, wir wurden handgreiflich, sie kratzte und biss mich und für längere Zeit waren wir auf Kriegsfuß miteinander, waren gehässig und warfen uns gegenseitig böse Blicke zu. Es kamen dann Freunde zu Besuch, und – ungewöhnlich, beide wunderten wir uns, mit welcher Leichtigkeit wir über unsere Stierkämpfe sprachen. Als der Besuch abgereist war, blieb hinter ihm eine gute Stimmung in der Luft, die sich uns näherte. Wann begann dann diese verheerende Zeit? Und wie konnte ich mir die ganzen Litaneien, Beschimpfungen und Beleidigungen anhören? Oder kann sich der Mensch sogar an so etwas gewöhnen? Und wo führt das noch hin?

Vor mehr als einem Monat hatte sie mir dann erklärt, dass sie die Scheidung eingereicht hätte. Gut, sagte ich, wie du willst. Sollten wir uns noch aussprechen, bevor wir zu Gericht gehen, fragte sie. Nein, warum, alles würden wir dann dort besprechen. Dann aber war gar nichts. Mein Anwalt berichtete mir, dass am Gericht

kein solcher Antrag vorlag. Ich fragte sie, wie und warum. Wenn's noch nicht ist, wird's schon noch werden, antwortete sie mir.

Immer wieder fiel mir ihr wilder Blick ein, ihr verzerrtes Gesicht, als sie spuckte, das war wirklich ehrliche abgrundtiefe Verachtung. Ihre heißere und nasale Stimme. Und das ist mein Mensch, meine Frau, die Mutter meines Kindes, meine sanfte und liebe Geliebte, ein Stück meines Lebens, das Fundament unseres Heims. In Wirklichkeit aber ist sie mein allerschlimmster Todfeind, einen böseren Widersacher hatte ich im Leben nicht. Ständig lästert sie über mich herum. Alle Rechnungen bezahle ich, aber sie erzählt, welch ein Geizkragen ich sei. Rundherum sammelt sie verschiedene Verleumdungen über mich auf und bringt sie nach Hause. Bei Bekannten, in der Arbeit, bei Nachbarn erzählt sie herum, wie griesgrämig, nervig, gehässig, gewalttätig und geizig ich sei, was für ein schlechter Vater und was für ein unmöglicher Ehemann ich sei, wie ich ihr Leben zerstöre. Sie flüstert, spricht, schreit, wie schlecht ich sei, auf jedes meiner Worte antwortet sie mit allergrößtem Zorn und zynischer Boshaftigkeit, in jeder ihrer kleinsten Bemerkungen versteckt sich ein giftiger Stachel. Sie kocht nicht, räumt nicht auf, phantasiert nur davon, wie ich nicht mit ihr nach Griechenland oder nach Spanien reisen will; sie würde auch auf die Kanarischen Inseln oder die Bahamas fahren – aber ich, ich Schwein, hocke zu Hause herum und verunmögliche ihr das Leben. Nachts kehren in meiner Erinnerung ihre wütenden, wilden, vorwurfsvollen, unterstellenden Worte zurück, alle ausgesprochen wie eine endgültige Verurteilung zum Nichtsnutz, der ich nun mal bin. „Du hast die schönsten Jahre meines Lebens zugrunde gerichtet“, das ist noch ihre zärtlichste Anklage. Einen solch verdorbenen Menschen gäbe es auf dieser Welt kein zweites Mal. Kretin, Idiot, Verlierer. Auch bei der Arbeit im Beruf sei ich verantwortungslos, schlampig, und was ich mir erlauben würde, über den Chef zu sagen, ich Schmarotzer, Schamlaus, ich gewöhnliche menschliche Null. Sie schnüffelt mir nach, untersucht, durchsucht meine Hosentaschen, stiehlt mir Geld, öffnet meine Briefe, macht alles, was die härtesten Nerven zerreiben kann. Zunächst versuchte ich noch sie zu besänftigen, dann schrieb ich ihr Zettel, das sie mit diesen Dingen aufhören solle, zumindest wegen dem Kind, oder zumindest vor den Augen und Ohren des Kindes, dann schlugen wir uns wieder lautstark, alles flog durch die Luft, beide gingen wir zum Arzt für ein Attest über die Feststellung einer Körperverletzung, beide liefen wir flugs zu unseren Anwälten, beide reichten wir die Scheidung ein, zumindest bei den Anwälten, – die noch einige Erklärungen benötigten, „einige Informationen, die rechtlich relevant seien“. Beiden schien es höchst merkwürdig, dass wir noch immer zusammenlebten.

Ich hatte einige kleine Streitigkeiten im Leben – wer hat solche denn nicht – aber zu solchen (oder zumindest ähnlichen) Beschimpfungen ist es nie gekommen. Niemand auf der Welt hat mich schon mal beschimpft, niemand mich so bitterlich herausgefordert, schließlich bin ich nicht ganz kraft- oder machtlos und habe außerdem kein so dickes Fell. Wie bin ich also in diesen Sumpf geraten, in dem ich

mir selbst zuwider bin? Kreten! Idiot! Strolch! Laus! Schwein! Wer schluckt so was schon friedlich? Nur jemand, der sich selbst nicht respektiert. Gerne würde sie mich zu irgendeiner ausreichend unüberlegten Handlung provozieren, damit sie einen besseren Anlass für eine von mir verschuldete Scheidung hätte, vertraute mir ihre „gute“ Freundin an. Der Anwalt hingegen riet mir ruhig und sachlich, auszuziehen. Wohin? Ich solle mir eine Wohnung kaufen. Fein. Herr Anwalt, könnten Sie mir dreißig bis fünfzig Millionen leihen? Damit ich mein kleines Haus verlassen kann, das ich mir mit Mühe erarbeitet habe und noch zahlreiche Jahre lang abbezahlen werde? Nämlich, sagte er, seien diese Dinge folgendermaßen: Es bestünde nur eine sehr kleine Wahrscheinlichkeit, dass Sie das Kind zugesprochen bekommen; wer das Kind behält, bleibt auch in der Wohnung. Und noch dazu sei das Jahr der Frau. Wahrscheinlich weiß all diese Dinge auch sie, sonst würde sie nicht mit solcher Leichtigkeit sagen: Pack deine Sachen und verschwinde, wenn es dir nicht gefällt. Sie hat nicht mal einen Dinar für unseren Haushalt beigesteuert; die Möbel und Haushaltsgeräte, alles habe ich gekauft, für das Haus habe ich allein einen Kredit aufgenommen, zahle ihn allein ab. Sie habe „ihre besten Jahre“ hergegeben und so gelte das Gesetz „alles in der Ehe Erworbene wird halbe-halbe geteilt“.

Das Spiel hat keine Regeln, der Gewinn ist einseitig, gewinnen kann nämlich nur sie. Das Spiel ist aufreibend, die Frage ist nur, wessen Nerven halten werden. Wenn ich sie schlage, wird sie ans Telefon gehen, und Schutz anfordern. Wenn ich mich furchtbar aufrege, wird sie versuchen mich ins Irrenhaus einzuliefern. Sie ist überzeugt, dass ich sie schon nicht umbringen werde. Wie soll sie also dieses Spiel verlieren? Im Jahr der Frau? Wieso kommen die Leute nicht mehr zu uns nach Hause, sie sagt: wegen dir! Weißt du, was mir einer gesagt hat, der dich sehr gut kennt, sogar sehr, sehr gut? Willst du es wissen? Und wieder Litaneien, eine Wiederholung der bekannten Schimpfwörter, und noch ein neues, immer meldet sich noch irgendein neues Schimpfwort (in der krieglerischen Eskalation, wie man sagt): Dass du ein Irrer bist, sagte er, dass du ins Irrenhaus gehörst. Sie sagt auch, dass sie mich mit Freuden erschlagen würde, mit dem Messer erstechen, vergiften, erschießen, aber dass sie nicht wegen eines solchen Schweins in den Kerker wandern wolle. Der zehnjährige Tomáš hört dem allen zu und beginnt manchmal bitterlich zu weinen.

Man muss etwas unternehmen, man muss etwas unternehmen, rede ich mir zu, während ich auf und ab gehe. Das Kind ist das Opfer. Lida und ich, wir sind Opfer und Täter in einer Person, wir beide haben uns bis zum Äußersten entmenschlicht, wir beide haben die Wurzeln des familiären Stammes verloren, wir haben uns zerstört. Eine Scheidung mag letztendlich doch stattfinden – aber wesentlich ändern wird sich nichts. Wir werden uns dann angeblich noch weiter wegen Beleidigung und Einschränkung der Rechte verklagen können. Der Nervenkrieg wird unabsehbar lang dauern, bis einer die Nerven verlieren und eine größere Dummheit begehen wird.

Diese verteufelte Samstagnacht. Wenn die Menschen Vertrauen in jemanden haben und ihm sagen, dass er gut ist, wird dieser dann noch besser werden. Wenn sie

aber lange jemandem erzählen, er sei schlecht und furchtbar, wird er noch schlechter werden. So werde ich allmählich etwas, was ich nie war und nie sein werde, was keinem Menschen mehr ähnelt, aber auch noch kein Schwein ist, kein Idiot, keine Schamlaus, aber schon etwas Unangenehmes, Grauenhaftes, Aggressives. Etwas, das diese Terminologie des Abschaums aus einem gefühlsamen Menschen macht, wenn sich die widerwärtigen Ausdrücke stets wiederholen, suggestiv, laut, unaufhaltsam, und sich das alles auch dann steigert, wenn keine schlechte Möglichkeit mehr sichtbar ist. Man hat sich mit der Kleie vermischt – und die Schweine werden einen auffressen.

Eines Samstagabends wirst du auf der Spucke stehen bleiben, von irgendwo unter der Decke her wird immer wieder eine Stimme kommen: Nichts bist du wert, du Nichtsnutz, umsonst hast du gedacht, dass du dich zu einem Charakter entwickelt hättest, deine ganze Vergangenheit ist in dieser wenigen Spucke ertrunken; diese Spucke ist dein Planet. Wäre das nicht wahr, würdest du kämpfen, du würdest beweisen wollen, was wahr ist, du würdest dich aufregen. Zum Teufel, schließlich lebt man doch in einen Rechtsstaat. Wo?

Jene, die dich entmenschlicht, entseelt und enterdet hat, liegt im bequemen französischen Bett, in Daunendecken, die du gekauft hast, um es schön zu haben und liest bei deinem Licht: Sie hörte, wie er sich ins Auto setzt, wie er die Türen schließt. Sie hörte, wie er das Fenster öffnete. Sie hörte das Klirren von Metall und eine raue Stimme: – Lebewohl, Maura. – Danach ein Schuss, ein Lichtblitz, und ein zweiter Schuss. Dann ein Röcheln...“ Sie liegt in ihrem weichen Pyjama, in der einen Hand hält sie das kleine Büchlein, in dem sich die Leute totschielen, die andere Hand hält sie Gott weiß wo. Dieses Wesen schwebt irgendwo ganz oben in so genannten moralischen Höhen, von denen aus sie für sie nützliche Menschen mit den Würden der Guten auszeichnet, ihr hingegen schadsame Leute mit Abscheu straft. Und niemand kommt gegen ihre Bewertungen an. Das Haus zahlt irgendein Kretin ab, derselbe zahlt auch monatlich die Zentralheizung, den Strom und alle Rechnungen auf der Liste. Wenn der Kretin nicht zu Hause ist, wenn ein Inkassant kommt, sagt dieses helle Wesen: Mein Mann ist nicht zu Hause, kommen Sie ein andermal. Sie selbst kauft gerne gute Kleiderstoffe und lässt sich bei den teuersten Schneidern Kostüme und Mäntel schneiden. Zu ihrem vollkommenen Glück und ihrer Freiheit würde nur noch fehlen, dass ich, der Idiot, lieber in ein Hotel ziehen und für die Rechnungen gleich alles per Post schicken sollte, ein bisschen was Aufgerundetes noch obendrauf, und noch ein paar hundert Tausend für das Kind. Ich, unverschämte Schamlaus, aber wolle das nicht verstehen. Das Gras wächst soweit es kann, die Haselnuss-Staude auch nur bis zu ihrer Höhe und die Fichte bis zu ihrer. Meine liebe Gattin aber wächst über alle möglichen Normen hinaus, über alle menschlichen Höhen hinaus, und auch über die Grenzen ihrer Zeit, diese hat wirklich ihren Sozialismus und ist am Weg ins Paradies auf Erden. Für die Spanieldame Doris kaufe ich das Futter, Lida aber füttert sie, der Hund ist natürlich Lida viel zärtlicher

zugetan als mir. Wenn ich ins Hotel wohnen gehe, werde ich natürlich das Futter für das arme Hündchen nach Hause schicken müssen, damit ich nicht auch noch in dieser Beziehung ein mieses Schwein bin.

Ich verliere mich in kleinen Gedanken und Vorstellungen, verliere mich in sinnlosen Wortverbindungen, gehe herum, setze mich hin, stehe auf, gehe herum. Wenn ich mich hinlege, um zu schlafen, zieht es mich nach einer Zeit wieder hoch, wieder werde ich mir eine eklige brennende Zigarette anzünden, und alles wird sich wiederholen. Wieder wird mich der Zorn packen, die Verzweiflung wird mich überkommen, vor Ohnmacht werde ich erzittern, wieder werde ich mir zureden: Tja, etwas muss man aber unternehmen! Recht natürlich ist es, dass ich sie hasse. Aber Hass führt zu einer Handlung, zu Angriff oder Verteidigung. Was aber mache ich? Ich bemitleide mich selbst. Hie und da klage ich Franci oder Primož mein Leid. Letztens war Franci bei uns auf Besuch, hörte zu, wie Lida und ich uns unterhalten, und seufzte: Oh ihr armen Seelen...oh, ihr armen Seelen. In seinen Augen konnte ich lesen, wie tief und ernsthaft er das meinte. Wir haben die Armee, haben die Polizei, haben das Gericht, haben das Beschwerdeamt. Aber nichts für die Schlichtung ehelicher „Zwistigkeiten“. Wir haben die Ideen von Gerechtigkeit, Menschlichkeit, Fortschritt, Innovation, Theorien über die zwischenmenschlichen Beziehungen, Institute für Familienplanung, alles haben wir, was irgendwie in den Bereich Bildung und Kultur fällt. Aber nichts für die Schlichtung innerfamiliäre Angelegenheiten. Wir haben sogar Worte, aber die sind taub. Gegen das Wort „Überleg doch“ stürmt das Wort „Idiot!“ Wir haben auch Bücher, aber die lesen wir nicht. Musik hören wir nur seichte und unterhaltsame. Ins Theater gehen wir eher selten. Eine sozialistische Arbeiterin schert sich nicht um die „besseren“ Familien. Die Psychiater sind überbeschäftigt mit wichtigeren Fällen, die sie so oder so nicht bewältigen können; denn schon die Alkoholiker und Drogensüchtigen haben sie nicht im Griff. Wir lesen halt Horoskope, blättern durch Zeitschriften, gehen ins Kino. Manchmal gehen wir in die Natur, um sie ein wenig zu versauen. Die Götter haben diesen Planeten verlassen, der Teufel fährt eine reiche Ernte ein. Der Tag des Jüngsten Gerichts naht. Die Sintflut? Nein, nein, diese naht nicht, die ist schon da. Jeden Tag geht etwas weg, und wir wissen nicht, was? Vielleicht bin ich wirklich nichts wert. Wohl würde ich diesen Augenblick überdenken, mich an etwas erinnern, vielleicht ein bisschen telefonieren, irgendwo würde mir eine lachende Stimme antworten und mich einladen, ich solle sofort, sofort kommen. Es zieht mich aber nirgendwohin. Und ich weiß um keinen Menschen, der sich an mir erfreuen und sagen würde: Klar, Mensch, setz dich sofort ins Auto und komm, du hast ja keine Ahnung, wie viel Spaß wir haben!

Kürzlich habe ich gelesen, dass bei Shakespeare nur die Handwerker, Bauern und mittellosen kleinen Menschen glücklich sind. Ich glaube dem Schriftsteller in Sachen Dramatik. Ich glaube aber nicht, dass das Glück darin besteht, der mittellosen Schicht anzugehören. Den Handwerker erdrückt die Steuer, den Bauern der schlechte Verkauf seiner Ernte, den Mittellosen die Sehnsucht nach einer Verbesserung seiner

Situation. Ich habe gerade so viel, um nichts zu vermissen, aber auch so wenig, damit wir doch stets hinaufschauen, über Leute lesen und sprechen, die viel mehr auf breitem Fuß leben, und dann sagen wir: Warum nicht wir? Lida sagt, sie sei unglücklich. An ihrem Unglück sei ich schuld. Würde ich ihr zehntausend geben, wäre sie unglücklich, weil ich ihr nicht zwanzigtausend gegeben habe, würde ich ihr fünfzigtausend geben, wäre sie böse, weil ich ihr nicht hunderttausend gegeben habe und so weiter bis zu Onassis'schen Insel Skorprios. Zwar sind das nur Worthüllen, in denen ich meine zornigen Überlegungen eingefangen habe, im Wesentlichen nichtsnutzige Hüllen, vor allem unnötige, bzw.: Wem nützen sie? Das sind Leute, die an einem Tag so viel verdienen, wie ich mein ganzes Leben lang. Oder sind sie genau deshalb glücklich? Was für eine idiotische Frage. Geld ist nichts anderes als eine Art Motor, groß oder klein – richtig eingesetzt bringt es gute Früchte, schlecht verpulvert – schlechte. Das ist mir schließlich klar geworden. Es ist nicht viel, ist aber wenigstens etwas.

Nein. All das ist nichts, nichts – verrückt vor Nervosität und der Flucht vor der Alltäglichkeit. Wichtig ist etwas ganz anderes, aber ich weiß nicht, was. Es hat keinen Namen. Es gibt keinen Wegweiser. Niemand spricht darüber. Ich ahne etwas, weiß aber nicht.

Suche ich überhaupt? Ich weiß nicht. Ich gehe herum und sehe vor mich hin, und tue so, als ob ich denke. Aber was ist das? Was wenn Lida irgendwie ganz instinktiv recht hat; dass ich nur ein Schwachkopf bin, ein Bösewicht, ja sogar ein Irrer? Vielleicht nicht ganz so, wie sie mich sieht. Aber normale Leute verstricken sich nicht in solche teuflische Schlingen, dass sie weder leben noch sterben können, weder wachen noch schlafen, weder sitzen noch liegen, nicht denken und nicht ohne Gedanken sein, nicht abgrundtief hassen noch lieben, nicht weiter können – nicht im Hier und Jetzt sein können – und nicht wissen, wohin? Weder fluchen noch beten können, unfähig irgendeinen Rat anzunehmen, nichts, nichts, nichts.

Das Spiel mit dem Teufelsschwanz

Translated by Ann Catrin Apstein-Müller

Contact of the translator: ac-am@gmx.de

Anfangen ist verdammt schwer. Man will zu viel auf einmal erzählen, sozusagen alles in einem Satz. Zum Glück hat man keine Ahnung, wo man anfangen soll, man muss nachdenken und in dem ganzen Gewirr das suchen, was man einen Faden nennt. Man kann nicht bei Abraham anfangen. Ich bete nicht vor dem Essen, fluche nur als Autofahrer, mir fehlt eine ganze Reihe der Angewohnheiten meiner Zeitgenossen, obwohl ich im sozialistischen System zur Mittelschicht gehöre.

Ich dachte, ich beschreibe mich erst einmal mir selbst.

Zum Teufel mit diesem Rumgetue! Ich habe die beste und die schlechteste Meinung von mir, womit soll ich anfangen?

Ich werde das schreiben, was mir nicht aus dem Kopf geht, was mir weiter und weiter im Kopf herumgeistert, wie auf Tonband aufgezeichnet, das, was sie gestern Abend zu mir gesagt hat, bevor sie zum Schlafen davongerannt ist: dass ich ein gewöhnliches Schwein bin, ein Mensch ohne Charakter, eine Kreatur ohne Fähigkeit zu Gefühlen, eine niedere Seele, ein Ungeheuer, ein Schlappschwanz, eine kulturlose Ratte, ein Primitivling und ein Idiot. Und dass ich mich mal im Spiegel anschauen sollte. Hier kann ich anfangen, beziehungsweise – hier muss ich anfangen, sonst würde mir das immer weiter im Kopf nachhallen und alle anderen Gedanken und Erinnerungen übertönen. Sexuell gesehen bin ich verdorben, sonst würden mich Frauenärsche nicht so interessieren. Ich bin charakterlos, weil ich mich sonst ein wenig mehr für meine arme Familie interessieren und mich mehr um das Kind kümmern würde. Ich habe kein Gefühl; hätte ich jemals eins gehabt, würde ich sehen, wie sie leidet. Ich bin eine niedere Seele, ein unerträglicher Sadist. Ein unmöglicher Mensch, auch meine Freunde und Bekannten kennen mich ja gut, niemand mag mich, und ich werde schon sehen, wie ich enden werde. Meine gesamte Jugend war versaut, und wie lebe ich jetzt? Als schmarotzende Ratte. Auch das Kind ist schon ganz nervös meinetwegen. All das hat sie in der Tür noch gut begründet, bevor sie in meine Richtung gespuckt, „pfui!“ gerufen hat und – weil ich langsam aufgestanden bin – in ihr Zimmer geflüchtet ist, wo sie dann bis vier Uhr morgens einen Drei-Dinar-Krimi gelesen hat, eins von diesen Heftchen mit einem Farbbild von einem Angreifer mit einem Revolver in der Hand (den er auf eine nackte Frau mit schönen Haaren richtet) vorne drauf und hinten der Aufschrift „Mehrwertsteuerbefreit laut Urteil des Sekretariats für Bildung, Kultur und Körperkultur der SRH Nummer 2935/2–1973 vom 26. XI. 1973.“ Ich habe dabei auf den Fernsehbildschirm gestarrt, keine Ahnung, was. Dann bin ich im Wohnzimmer auf und ab gegangen und habe eine Zigarette nach der anderen geraucht. Das war gestern Abend, Samstagabend. Ich habe zwei Apaurin geschluckt, die langsam oder gar nicht gewirkt haben. Mich mit Widerwillen

dazu gebracht, ins Vorzimmer zu gehen und in den Spiegel zu sehen. Alles in mir hat ganz leicht gezittert, die Eingeweide, das Nervengeflecht, ich glaube, sogar die Lunge, im Kopf ein dumpfer Schmerz, ich war verloren in einem Dasein ohne Sinn und Möglichkeiten, in dem kein Schlaf möglich ist, kein Liegen, kein Gehen, keine Flucht aus der Wohnung, keine Arbeit, kein Lesen, rein gar nichts auf der Welt interessierte mich, alles war fremd geworden, ehemals, unwirklich, fern, unverständlich. Im Kopf eine stumpfe Leere, Stroh, Staub, der sich bei jeder Bewegung verteilt und einen kleinen, piepsenden Schmerz ruhelos an einem Ort herumträgt; jetzt schmerzt es mehr im Nacken, jetzt nahe der Schläfe, dann am Scheitel, bald tut das Ohr weh, dann sogar das Auge, eine Neuralgie. Im Magen eine nicht allzugroße, aber unangenehme Übelkeit, wegen der ich weder trinken noch essen kann. Müdigkeit in den Gliedern. Eine kleine, aber allgemeine Not all dessen, was ich bin. Es gibt keine Position, in der sich mein Körper für einen Moment ausruhen könnte, ich habe versucht zu sitzen, habe mich auf die Couch gelegt, mich an die offene Tür gelehnt, die zum blühenden Garten hinausgeht, doch jedes Mal hat es mich wieder hochgetrieben und mich auf und ab durchs Zimmer gehen lassen. Vom Nikotin hat mir schon der Mund gebrannt, trotzdem habe ich mir eine Zigarette nach der anderen angezündet, ganz automatisch und mit Ekel.

Als sie mich vor ein paar Jahren zum ersten Mal einen Trottel nannte, brauste etwas in mir einfach auf und ich knallte ihr blindlings eine um die Ohren, richtig fest und laut. Ein paar Tage schmolten wir, dann umarmten wir uns plötzlich und ich flüsterte ihr etwas ins Ohr, und sie antwortete etwas, was ich nur halb verstand und alles kam wieder in Ordnung, es war sogar, als verstünden wir uns besser als zuvor. Als sie zum zweiten Mal etwas Ähnliches zu mir sagte, verpasste ich ihr ein Veilchen, wir wurden handgreiflich, sie kratzte und biss mich und wir waren längere Zeit zerstritten, feindselig, hasserfüllt. Freunde kamen zu Besuch, und – seltsam, wir wunderten uns beide, mit welcher Leichtigkeit wir über unseren Stierkampf redeten. Als der Besuch gegangen war, blieb guter Wille in der Luft zurück, der uns einander wieder näherbrachte. Wann hat diese zerstörerische Phase begonnen? Und wie konnte ich mir ganze Litaneen von Beschimpfungen und Beleidigungen anhören? Kann man sich daran sogar gewöhnen? Und wo führt das noch hin?

Vor über einem Monat erklärte sie mir, dass sie die Scheidung eingereicht hätte. Gut, sagte ich, wie du willst. Ob wir uns aussprechen würden, bevor wir vor Gericht gingen, fragte sie. Nein, warum, wir werden alles dort besprechen. Und dann war nichts. Mein Anwalt teilte mir mit, bei Gericht liege kein entsprechender Antrag vor. Ich fragte sie, was los sei. Wenn jetzt noch nicht, dann kommt das aber noch, entgegnete sie.

Ihr wilder Blick kam mir in den Sinn, ihr verzerrtes Gesicht, als sie ausgespuckt hatte, und das war reiner, echter, tödlicher Hass. Ihre raue und näselnde Stimme. Und das ist mein Mensch, meine Frau, die Mutter meines Kindes, mein lieber sanfter

Schatz, ein Stück meines Lebens, drei Säulen unseres Hauses. In Wirklichkeit ist sie mein schlimmster Todfeind, einen schrecklicheren Feind habe ich in meinem ganzen Leben nicht gehabt. Sie zerreit sich überall das Maul über mich. Ich zahle alle Rechnungen allein, aber sie erzählt, was für ein Geizkragen ich bin. Sie sammelt rundum verschiedene Verleumdungen ein und bringt sie mit nach Hause. Bei Bekannten, in der Arbeit, bei den Nachbarn erzählt sie, wie nörgelig, lästig, boshaft, gewalttätig und geizig ich sei, was für ein schlechter Vater und unmöglicher Ehemann ich sei, wie ich ihr Leben zerstöre. Sie flüstert, spricht, schreit, wie schlecht ich sei, antwortet auf jedes meiner Worte mit größtem Zorn und zynischer Bosheit, in jeder ihrer kleinsten Bemerkungen verbirgt sich ein giftiger Stachel. Sie kocht nicht, sie räumt nicht auf, sie fantasiert nur darüber, dass ich nicht mit ihr nach Griechenland oder Spanien fahren will; sie würde auch auf die Kanaren fahren oder auf die Bahamas – aber ich, das Schwein, hocke zu Hause und mache ihr das Leben unmöglich. Nachts kommen ihre wütenden, wilden, vorwurfsvollen, unterstellenden Worte in der Erinnerung zurück, alle gesprochen als endgültige Verurteilung des Nichtswürdigen, der ich bin. „Du hast die schönsten Jahre meines Lebens zerstört“ ist noch ihre zärtlichste Anschuldigung. Einen so verdorbenen Menschen gibt es auf der ganzen Welt nicht mehr. Trottel, Idiot, Taugenichts. Auch bei der Arbeit bin ich unverantwortlich, schlampig, und was wage ich über den Chef zu sagen, ich Schmarotzer, Schamlaus, ordinäre menschliche Null. Sie spioniert mir hinterher, stellt Nachforschungen an, durchsucht meine Taschen, stiehlt mir Geld, öffnet meine Briefe, tut alles, was auch die stärksten Nerven aufreiben kann. Zuerst habe ich versucht, sie zu beschwichtigen, dann habe ich ihr Zettel geschrieben, sie solle wenigstens dem Kind zuliebe mit diesen Dingen aufhören, oder wenigstens vor den Augen und Ohren des Kindes, dann haben wir uns wieder lautstark gefetzt, alles flog durch die Luft, wir gingen beide zum Arzt für Atteste über die Verletzungen, rannten beide zu unseren Anwälten, reichten beide die Scheidung ein, wenigstens bei den Anwälten, – die aber noch Erklärungen brauchten, „irgendwelche Informationen, die juristisch relevant sind“. Beiden schien es seltsam, dass wir noch zusammenlebten.

Ich hatte ein paar kleinere Streits in meinem Leben gehabt – wer hat die nicht – aber zu solchen (oder zumindest ähnlichen) Beleidigungen war es nicht gekommen. Niemand auf der Welt hat mich je beschimpft, niemand hat mich so bitter provoziert, ich bin ja nicht kraftlos und meine Haut ist empfindsam genug. Wie bin ich also in diesen Sumpf geraten, in dem ich mir selbst zuwider bin. Trottel! Idiot! Wüstling! Laus! Schwein! Wer kann so was ruhig schlucken? Nur jemand, der keine Selbstachtung hat. Sie hätte mich gerne zu einer unbedachteren Handlung provoziert, um einen besseren Anlass zu einer von mir verschuldeten Scheidung zu haben, vertraute mir eine „gute“ Freundin von ihr an. Mein Anwalt riet mir ruhig und sachlich, auszuziehen. Wohin? Ich solle mir eine Wohnung kaufen. Prima. Herr Anwalt, können Sie mir so dreißig bis fünfzig Millionen leihen? Damit ich das Häuschen verlassen kann, das ich mir hart erarbeitet habe und das ich noch ein paar

Jahre lang abbezahlen werde? Nämlich, sagte er, die Sache ist die: Die Wahrscheinlichkeit, dass Sie das Kind bekommen, ist sehr gering; wer das Kind behält, bleibt auch in der Wohnung. Und es ist auch noch das Jahr der Frau. Wahrscheinlich weiß auch sie das alles, sonst würde sie nicht so leichthin sagen: Dann verzieh dich doch, mach dich vom Acker, aber los, wenn es dir nicht passt. Sie hat keinen Dinar in unseren Haushalt investiert; die Möbel und die Haushaltsgeräte, alles habe ich allein gekauft, ich allein habe den Kredit für unser Haus aufgenommen, ich allein zahle ihn ab. Sie hat „ihre schönsten Jahre“ investiert, und so gilt die Regel „das in der Ehe hinzugewonnene wird halb und halb geteilt“.

Das Spiel hat keine Regeln, der Gewinn ist einseitig, gewinnen kann nämlich nur sie. Das Spiel ist anstrengend, die Frage ist nur, wessen Nerven durchhalten werden. Wenn ich sie schlage, wird sie ans Telefon gehen und Schutz anfordern. Wenn ich sehr wütend werde, wird sie versuchen, mich ins Irrenhaus zu bringen. Sie ist davon überzeugt, dass ich sie nicht umbringen werde. Wie soll sie also dieses Spiel verlieren? Im Jahr der Frau? Warum kommen keine Leute mehr ins Haus, sagt sie: deinetwegen! Weißt du, was mir jemand gesagt hat, der dich sehr gut kennt, sogar sehr sehr gut? Willst du es wissen? Und wieder Litaneien, Wiederholungen der bekannten Schimpfwörter, und noch ein neues, immer kommt noch ein neues (in der Kriegseskalation, wie es heißt): dass du verrückt bist, hat er gesagt, dass du ins Irrenhaus gehörest. Sie sagt auch, dass sie mich mit Freuden umbringen würde, mit dem Messer erstechen, vergiften, erschießen, aber sie möchte nicht wegen eines solchen Schweines ins Gefängnis. Der zehnjährige Tomaž hört das alles und fängt manchmal bitterlich zu weinen an.

Du musst was tun, du musst was tun, rede ich mir zu, wenn ich auf und ab gehe. Das Kind ist das Opfer. Lida und ich sind beide Opfer und Henker in einer Person, wir haben uns beide bis zum Äußersten entmenschlicht, wir haben uns beide aus dem Familienverband entwurzelt, wir haben uns zerstört. Eine Scheidung wird es jetzt vielleicht geben – aber sie wird nichts Wesentliches ändern. Wir werden uns dabei wohl weiterhin wegen Beleidigungen und eingeschränkter Rechte verklagen. Der Nervenkrieg wird bis ins Unendliche dauern, bis einer von uns die Nerven verliert und irgendeine größere Dummheit macht.

Verfluchte Samstagnacht. Wenn die Menschen jemandem vertrauen und ihm erzählen, er sei gut, wird er immer besser. Wenn sie aber jemandem längere Zeit erzählen, er sei schwach und schlecht, wird er noch schlechter. So werde ich etwas, was ich nie gewesen bin und nie sein werde, etwas, was keinem Menschen mehr ähnelt und noch kein Schwein, kein Idiot, keine Schamlaus ist, aber schon etwas Unangenehmes, Gefährdetes und Aggressives. Was die Terminologie des Pöbels aus einem sensiblen Menschen macht, wenn sich die widerlichen Ausdrücke immer weiter wiederholen, suggestiv, laut, unaufhaltsam, und all das steigert sich auch jetzt, da keine schlimmere Möglichkeit mehr zu sehen ist. Du hast dich mitfangen lassen jetzt wirst du auch mithängen.

Eines Samstagabends wirst du auf der Spucke stehenbleiben und von irgendwo unter der Decke wird eine Stimme kommen: Du bist nichts wert, Nichtsnutz, du hast umsonst gedacht, du hättest dich zu einem Charakter aufgebaut, deine ganze Vergangenheit ist in einem bisschen Spucke versunken; diese Spucke ist dein Planet. Wenn das nicht wahr wäre, würdest du kämpfen, du würdest beweisen, was wahr ist, du würdest dich aufregen. Zum Teufel, schließlich lebst du in einem Rechtsstaat. Wo?

Die, die mich entmenschlicht, entseelt und enterdet hat, liegt in einem bequemen französischen Bett hoch zwei, in Federbetten, die du gekauft hast, damit sie es schön hat, und liest bei deinem Licht: „Sie hörte, wie ein Auto kam, wie er die Tür schloss. Sie hörte, wie er das Fenster öffnete. Sie hörte das Knirschen von Metall und eine raue Stimme: – Lebewohl, Maura. – Dann ein Schuss, Licht, ein zweiter Schuss. Dann ein Röcheln ...“ Sie liegt da in ihrem weichen weißen Pyjama, hält in der einen Hand das kleine Büchlein, in dem sich die Leute gegenseitig umbringen, die andere hat sie weiß Gott wo. Dieses Wesen ist irgendwo hoch oben auf der sogenannten moralischen Höhe, von der aus sie Menschen, die ihr selbst nützen, mit den Würden des Guten belohnt, und die, die ihr schaden, mit Abscheu bestraft. Und niemand kann etwas gegen ihr Urteil tun. Das Haus zahlt ein Trottel ab, selbiger zahlt auch jeden Monat die Zentralheizung, den Strom und alle Rechnungen der Reihe nach. Ist der Trottel nicht zu Hause, wenn der Eintreiber kommt, sagt diese Lichtgestalt: Mein Mann ist nicht zu Hause, kommen Sie ein anderes Mal. Sie selbst kauft sehr gerne gute Kleiderstoffe und lässt sich Kostüme und Mäntel bei den teuersten Schneidern anfertigen. Zu ihrem vollkommenen Glück und ihrer Freiheit fehlt nur, dass der Ich-Idiot lieber in ein Hotel umzieht und das Geld für die Rechnungen per Post schickt, etwas aufgerundet, und noch ein paar Hundert Riesen für das Kind. Ich, die schamlose Schamlaus, will das aber nicht verstehen. Das Gras wächst bis zu der ihm eigenen Höhe, der Haselnussstrauch bis zu seiner, die Fichte bis zu ihrer. Meine Liebste aber wächst über alle möglichen Normen hinaus, über alle menschliche Höhen hinweg, und auch über die Grenzen ihrer Zeit, sie hat wirklich ihren eigenen Sozialismus und ist auf dem Weg in ein Paradies auf Erden. Das Futter für den Spaniel Doris kaufe ich, aber Lida füttert sie, der Hund empfindet ihr gegenüber natürlich eine viel innigere Liebe als mir gegenüber. Wenn ich fortgehe, um im Hotel zu wohnen, werde ich natürlich Futter für das arme Schoßhündchen nach Hause schicken müssen, damit ich nicht auch noch in dieser Hinsicht ein hässliches Schwein bin.

Ich verliere mich in Detailgedanken und Vorstellungen, ich verliere mich in unsinnigen Wortverbindungen, ich gehe, setze mich, stehe auf, gehe. Wenn ich mich hinlege, um zu schlafen, wird es mich nach einer Weile wieder hochjagen, ich werde wieder eine widerlich brennende Zigarette anzünden und alles wird wieder von vorne anfangen. Wieder wird mich die Wut packen, Verzweiflung wird mich erfüllen, ich werde vor Ohnmacht zittern, wieder werde ich mir zureden: Tja, aber du musst doch was unternehmen? Es ist doch nur natürlich, dass ich sie hasse. Aber Hass führt zur

Tat, zum Angriff oder zur Verteidigung. Und was mache ich? Ich jammere mir selbst die Ohren voll. Und beschwere mich gelegentlich bei Franci oder Primož. Letztens war Franci bei uns zu Besuch, er hörte zu, wie ich mich mit Lida unterhielt, und seufzte: Oh, arme Menschen ... oh, arme Menschen. In seinen Augen las ich, wie tiefenst ihm dieser Gedanke war. Wir haben eine Armee, wir haben eine Polizei, wir haben Gerichte, wir haben eine Beschwerdestelle. Aber nicht zur Lösung ehelicher „Unstimmigkeiten“. Wir haben Ideen von Gerechtigkeit, Menschlichkeit, Fortschritt, Verbesserung, Theorien über menschliche Beziehungen, Institute für Familienplanung, wir haben alles, was zu irgendeiner Form von Bildung gehört. Aber nicht zur Regelung innerfamiliärer Angelegenheiten. Wir haben sogar Wörter, aber die sind taub. Auf das Wort „denk doch mal nach“ stürzt sich das Wort „Idiot!“ Wir haben Bücher, aber lesen sie nicht. Musik hören wir nur leichte und unterhaltsame. Ins Theater gehen wir weniger. Die Sozialarbeiterin kümmert sich nicht um „bessere“ Familien. Die Psychiater sind mit den wichtigeren Fällen überlastet, die ihnen so oder so durch die Finger gleiten; schließlich können sie nicht einmal Alkoholiker oder Drogensüchtige in den Griff kriegen. Wir lesen eben Horoskope, blättern in Zeitschriften, gehen ins Kino. Manchmal gehen wir in die Natur, um sie ein bisschen zuzumüllen. Die Götter haben diesen Planeten verlassen, der Teufel fährt eine reiche Ernte ein. Der Jüngste Tag kommt. Die Sintflut? Nein, nein, nichts kommt, das ist es. Jeden Tag geht etwas, und wir wissen nicht was? Vielleicht bin ich wirklich zu nichts nütze. Sonst würde ich in diesem Augenblick überlegen, mir würde etwas einfallen, vielleicht würde ich ein wenig telefonieren, irgendwo würde mir eine lachende Stimme antworten und mich einladen, sofort zu kommen. Aber mich zieht es nirgendwo hin. Und ich wüsste keinen Menschen, der sich über mich freuen und sagen würde: Natürlich, zack, setz dich gleich ins Auto und komm, du hast keine Ahnung, wie viel Spaß wir haben!

Neulich habe ich gelesen, dass bei Shakespeare nur die Handwerker, die Bauern und die mittellosen kleinen Leute glücklich sind. Ich glaube einem, der über Dramatik schreibt. Ich glaube aber nicht, dass das Glück darin liegt, der mittellosen Schicht anzugehören. Der Handwerker ist mit der Steuer geschlagen, der Bauer mit dem schlechten Verkauf seiner Produkte, der Mittellose sehnt sich nach einer Verbesserung seiner Lage. Ich habe gerade so viel, dass uns nichts fehlt, dass wir aber dennoch ständig nach oben sehen, über Leute lesen und sprechen, die viel mehr in die Breite leben, und sagen: Warum nicht wir? Lida sagt, sie sei unglücklich. Schuld an ihrem Unglück bin ich. Wenn ich ihr zehn Riesen gebe, ist sie unglücklich, weil ich ihr nicht zwanzig gegeben habe, wenn ich ihr fünfzig gebe, ist sie wütend, weil ich ihr nicht hundert gegeben habe, und so weiter, bis zur Onassis-Insel Skorpion. Aber das sind bloße Wortformeln, in die ich mein wütendes Nachdenken gefasst habe, im Grunde absolut wertlose Formeln, vor allem aber unnötig, beziehungsweise: Wem nützen sie? Es gibt Menschen, die an einem Tag so viel verdienen wie ich in meinem ganzen Leben. Sind sie deswegen glücklich? Was für

eine dämliche Frage. Geld ist nichts anderes als ein Motor, groß oder klein – richtig verwendet trägt es gute Früchte, schlecht verschleudert – schlechte. Das ist mir letztendlich klar geworden. Es ist nicht viel, aber etwas.

Nein. Das alles zusammen ist nichts, nichts – zusammengemischt aus Nervosität und der Flucht vor dem Alltag. Das Wichtige ist etwas völlig anderes, aber ich weiß nicht, was. Es hat keinen Namen. Es gibt keinen Wegweiser. Niemand spricht darüber. Ich ahne es, aber ich weiß es nicht.

Suche ich überhaupt? Ich weiß es nicht. Ich gehe und schaue vor mich hin, ich stelle mich denkend. Aber was ist das? Und was, wenn Lida irgendwo rein instinktiv Recht hat, dass ich nur ein Blödmann bin, ein Bösewicht, ja, sogar ein Irrer? Vielleicht nicht genau so, wie sie mich sieht. Aber normale Menschen verfangen sich nicht in solchen teuflischen Fallen, dass sie weder leben noch sterben können, weder wachen noch schlafen, nicht sitzen, nicht liegen, nicht denken und nicht gedankenlos sein, nicht abgrundtief hassen nicht lieben, nicht weiter können – nicht hier und jetzt sein können – und nicht wissen, wohin? Weder fluchen noch beten können, beratungsresistent sein, nichts, nichts, nichts.

Žaidimas su velnio uodega

Translated by Kristina Tamulevičiūtė

Contact of the translator: kristina.tamuleviciute@gmail.com

Pradėti yra labai sunku. Žmogus dažnai mėgsta pasakyti daugiau nei reikia, kitaip tariant, išpyskinti vienu sakiniu. Gerai dar, kad nežino kaip pradėti, turi pagalvoti ir, kaip sakoma, paieškoti siūlo galo. Nėra lengva pradėti pas Abraomą. Nesimeldžiu prieš valgį, nusileidžiu tik vairuodamas, neturiu visų bendraamžiams būdingų įpročių, nors socialinėje sistemoje esu priskiriamas viduriniajam sluoksniui.

Maniau, kad visų pirma aprašysiu sau pats save.

Velniop tokį užsiėmimą! Mano nuomonė apie save pati geriausia ir pati blogiausia iš visų įmanomų, tai kurią pirma turėčiau aprašyti?

Užrašysiu tai, kas man neišeina iš galvos, kas iki šiol neduoda ramybės, it būtų įrašyta į garsajuostę, tai, ką ji man pasakė šįvakar prieš eidama miegoti: esu paprasčiausias iškrypėlis, žmogus be charakterio, jausmų neturinti kreatūra, beširdis, pabaisa, lepšis, sudribęs paršas ir apsileidėlis. Be to, turėčiau dar kartą pasižiūrėti į veidrodį. Štai kur turėčiau, tiksliau, privalėčiau pradėti, nes kitu atveju tas plūdintis man nedings iš galvos, vartysis ir vartysis smegeninėje, išguidamas kitas mintis ir prisiminimus. Lytiškai nesu iškrypęs, priešingu atveju, moteriški apvalumai manęs taip netrauktų. Charakterio tikrai neturiu, nes jį turėdamas labiau rūpinčiausi savo išgeibusia šeima ir vaiko auklėjimu. Ir jausmų neturiu: jei many bent kas kirbėtų, turėčiau suprasti, kad ji kenčia. Esu beširdis, neapsakomas sadistas. Su manimi tiesiog neįmanoma, draugai ir pažįstami tai gali patvirtinti, niekas manęs nemėgsta, ir pamatysim, kaip baigsiu. Mano jaunystė buvo tiesiog katastrofa, ir kaip dabar man gyventi? Lyg pasiutusiam šuniui. Net vaikas manęs pakęsti negali. Visa tai ji gerai išaiškino tarpdury, prieš nusisjpaudama į mane, dar sušuko „fuj“ ir – pastebėjusi, kad pamažu stojuosi – pabėgo į savo kambarį, kur iki keturių ryto praskaitė detektyvą už tris dinarus, vieną tų brošiūrų, kurių viršeliuose puikuojausi užpuolikas su revolveriu rankoje (galiu lažintis, taikosi į nuogą moterį gražiais plaukais), o apačioje kroatiskai parašyta: „Remiantis Respublikos Išsilavinimo, kultūros ir kūno kultūros sekretoriato 1973-09-26 d. SHR Nr. 2935/2 įstatymu, atleista nuo mokesčių mokėjimo“. Aš tuo metu spoksojau į televizoriaus ekraną, nežinau net, kas buvo transliuojama. Paskui vaikščiojau iš vieno svetainės galo į kitą ir rūkiau cigaretę po cigaretės. Visa tai vyko vakar, šeštadienio vakarą. Išgėriau porą tablečių raminamųjų, bet jie man vargiai padėjo. Kiek prisimenu, nenorom priglavau save einantį į priekambarį pažiūrėti į veidrodį. Visas mano kūnas šiek tiek drebėjo, pradedant viduriais, nerviniu mazgu ir baigiant, rodos, plaučiais, galva man tiesiog plyšo, buvau pasimetęs toje beprasmybėje be išeities, kai negali nei miegoti, nei gulėti, nei vaikščioti, nei bėgti iš buto, nei dirbti, nei skaityti, niekas manęs tam pasauly nebedomino, viskas tapo svetima, prarasta, nerealū, tolīma, nesuvokiama. Galvoje kaupiasi tuštuma, nuotrupos

ir dulkės, pasklindančios vos tik pasijudinus ir šitaip be sustojimo sėjančios silpną pulsuojantį skausmą kiekvienoje kūno dalyje, dabar suskausta pakaušį, dabar priartėja šešėlis, paskui tamsuma, staiga skausmas persimeta į ausį, į akį, neuralgija. Skrandį spaudžia nestiprūs, bet nemalonūs spazmai, dėl kurių negaliu nei valgyti, nei gerti. Galūnės nutirpusios. Nėra padėties, kurioje galėčiau jaustis patogiai. Pabandžiau atsisisėsti, išsidrėbiau ant kušetės, atsiremiau į duris, vedančias į žydintį sodą, bet niekur neradau sau vietos, galėjau vaikščioti tik pirmyn atgal po kambarį. Ir nors nikotinas man jau degino lūpas, rūkiau cigaretę po cigaretės, visiškai automatiškai ir su pasibjaurėjimu.

Kai prieš kelerius metus ji man pirmą kartą pasakė, kad esu kretinas, manyje kažkas užsidedė, ir, visiškai nepagalvojęs, skėliau jai antausį, tvirtai ir staigiai. Kelias dienas po to buvom lyg ožiai, kaktomuša susidūrę ant tilto, bet paskui gražiai apsikabinome, aš šnibždėjau jai kažką į ausį, ji man atsakinėjo kažką, ko beveik nesupratau, ir viskas susitvarkė, mūsų santykiai, atrodo, tapo dar tvirtesni. Kai ji ir kitą kartą pasakė man kažką panašaus, įstačiau jai mėlynę po akim ir mes susimušėm, ji mane sugriebė ir įkando man, o po to kurį laiką buvome rimtai susipykę, galbūt net nekentėme vienas kito, taip bjauriai vienas į kitą žiūrėjome. Bet kai į svečius atėjo draugai, abu buvome nustebę, kad šitaip paprastai galime kalbėti apie savo muštynes. Jiems išėjus, abu buvome geros nuotaikos, o tai mus ir vėl suartino. Bet kada prasidėjo tas kritiškas laikotarpis? Ir kaip aš galėjau klausytis jos įžeidžiančių litanijų? Galbūt tikrai ir kariamas šuo pripranta. O kas seka po to?

Prieš kelis mėnesius ji pranešė, kad pateikė prašymą skirtis. Paklausė, ar turim ką aptarti prieš eidami į teismą. Ne, kodėl, juk pasikalbėsime tam. Paskui neįvyko nieko. Mano advokatas pasakė, kad dar niekada nėra matęs tokio pareiškimo. Paklausiau jos, kas ir kaip. Jei nėra matęs, tai pamatys dabar, teatkirto.

Akyse man stovėjo jos laukinis žvilgsnis, jos iškreiptas šaukiantis veidas, bylojantis apie tikrą, mirtiną neapykantą. Ir taip atrodo mano žmogus, mano žmona, mano vaiko motina, mano miela ir švelni mylimoji, mano gyvenimo dalis, trys mūsų namo kampai. Realybėje ji mano baisiausias, mirtinas priešas, didesnio priešo niekada nesu turėjęs. Visą gyvenimą ji man gadina. Sąskaitas moku aš, o paskui ji man prikaišioja šykštumą. Renka visas apkalbas ir jas neša į namus. Pažįstamiems, bendradarbiams ir kaimynams aiškina, kad esu nervingas, irzlus, kerštingas, šiurkštus ir savanaudis, sako, kad esu blogas tėvas ir niekam tikęs vyras, kuris gadina jai gyvenimą. Šnabžda, kalba, netgi šaukia koks blogas esu, į kiekvieną žodį atkirtinėja su didžiausiu pykčiu ir cinizmu, į kiekvieną menkiausią pastabą reaguoja itin audringai. Negamina, nesitvarko, tik kliedi kaip nenoriu jos vežtis į Graikiją ir Ispaniją, važiuotų ir į Kanarų salas ar Bahamus, tik aš, kiaulė, visą laiką sėdžiu namie ir linkiu jai tik bloga. Naktimis prisimenu jos piktas, įžūlias, priekaištaujančias replikas, išsakomas lyg nuosprendžiai nevykėliui. „Sugadinai gražiausius mano gyvenimo metus“ – tai buvo švelniausias jos priekaištas. Kito tokio nevykėlio visam plačiam pasauli nerasi. Kretinas, idiotas, nelaimėlis. Ir dirbti nesugebu, nes esu

neatsakingas, išsiblaškęs, parazitas, utėlė, leidžiu sau daugiau nei reikia, nes esu eilinė vidutinybė. Ne gana to, ji mane seka, šnipinėja, knisasi mano kišenėse, ima pinigų be pasiklausymo, skaito laiškus ir daro viską, kad tik sutrumpintų man gyvenimą. Iš pradžių bandžiau su ja pasikalbėti, vėliau palikinėdavau jai raštelius prašydamas, kad baigtų visa tai, bent jau dėl vaiko elgtųsi padoriau, o jeigu jau negali, tai bent draskytųsi vaikui nematant ir negirdint, bet viskas baigėsi baisiom peštynėm, daiktai tiesiog skraidė, paskui abu ėjom pas gydytojus ir prašėm pažymų apie sužeidimus, susiradom po advokatą, pateikėm prašymus skirtis ir argumentus – „teisiškai galiojančią informaciją“ – advokatams. Abu teisininkai stebėjosi, kad dar gyvename kartu.

Gyvenime esu ne kartą susivaidijęs – kaip ir visi mes – bet tokių (ar panašių) įžeidinėjimų dar nesu patyręs. Niekas šiame pasaulyje dar nebuvo manęs keikęs, niekas nebuvo taip kandžiai provokavęs, juk nesu bejėgis ir odą turiu pakankamai storą. Ir kaip galėjau atsidurti tokioj pekloj, kurioj esu pats sau šlykštus. Kretinas! Idiotas! Nevykėlis! Utėlė! Paršas! Kas tokius įžeidimus galėtų ramiai nuryti? Tik tas, kuris pats savęs negerbia. Ji siekia mane išprovokuoti, kad padaryčiau ką nors neapgalvoto – pakuždėjo man „gera“ jos draugė, juk šitaip lengviau galėtų įrodyti mano kaltę skyrybų procese. Advokatas man ramiai ir argumentuotai aiškino, kad būtų geriau, jog išsikraustyčiau. Kur? Tenusiperku butą. Puiku. Pone advokate, ar galite man paskolinti kokius trisdešimt ar penkiasdešimt milijonų? Kad išsikraustyčiau iš namų, kuriuos taip sunkiai išigijau, ir paskui visą gyvenimą mokėčiau bankui. Vis dėl to, pasakė, taip viskas ir vyksta: egzistuoja labai menka galimybė, kad jums bus patikėta vaiko globa, o tas, pas kurį vaikas, gauna ir butą. Be to, ji yra teisėta žmona. Ko gero, ir ji visa tai žino, kitaip neaiškintų, kad susikraučiau daiktus ir nešdinčiaus, jei namie gyventi nebemiela. Ji nei cento nesukišo į mūsų bendrą turtą, baldus ir techniką pirkau aš, aš paėmiau paskolą, iš mano piniginės ji ir mokama. Ji atidavė „gražiausius savo metus“ ir todėl išmąstė naują taisyklę: „bendras sutuoktinių turtas turi būti dalijamas pusiau“.

Žaidimas yra be taisyklių, prizas atitenka tik vienam, ir aišku, kad laimėti turi ji. Toks žaidimas išsunkia, o klausimas tėra vienas – kieno nervai stipresni. Jei jai trenksiu, tuoj eis skambinti, ieškoti apsaugos. Jei įsisiu, pasistengs įkišti mane į beprotnamį. Žino, kad jos neužmušiu. Todėl ir negali pralošti. Teisėta žmona? Kodėl žmonės nebesilanko šiame name, aišku, kad dėl manęs! Žinai, ką man sakė vienas žmogus, kuris tave pažįsta, labai gerai tave pažįsta? Nori sužinoti? Ir vėl litanijos, žinomų keiksmų kartojimas, plius vienas naujas prakeiksmas, visada turi išrekti ir vieną naują (kai karas eina į pabaigą, kaip sakoma), beprotis esi, sakė, kad esi beprotis ir kad tavo vieta psichiatrinėj. Aišku, nepamiršta pridurti, kad norėtų mane užmušti, peiliu nudurti, nunuodyti ar nušauti, bet dėl tokios kiaulės neverta sėsti už grotų. Dešimtmetis Tomažas viso to klauso ir kartais baisiai žliumbia.

Reikia kažką daryti, reikia kažką daryti, kalbu sau, vaikščiodamas pirmyn atgal. Vaikas juk kenčia. O mes su Lida esame aukos ir budeliai viename, abu mes praradom

žmogiškumą, mes jau nebe šeima, sunaikinome vienas kitą. Skrybybos, žinoma, įvyks, bet jos juk nepakeis esmės. Ir po jų mes draskysimės dėl visų įžeidinėjimų ir teisų pažeidinėjimų. Nervų tampymas tęsis tol, kol vienas iš mūsų praras kantrybę ir padarys kokią dar didesnę nesąmonę.

Prakeikta šeštadienio naktis. Jei žmonės kuo nors pasitiki ir nuolatos girdi, kad tas kažkas yra geras, jų akyse jis tampa dar geresnis. O jeigu jiems aiškinama, kad kas yra nors blogas, žmonių akyse jis tampa tik blogesnis. Šitaip tampu kažkuo, kuo niekada nebuvau ir niekada nebūsiu, kažkuo, kas net neprimena žmogaus, jau net ne paršas, ne idiotas ir nebe parazitas, o kažkas dar šlykštesnis, baisesnis ir pavojingesnis. Ką iš jautraus žmogaus padaro prasčiokiški keiksmi, jei jie nuolatos kartojasi, sugestyviai, garsiai, nesulaikomai, ir jų vis daugėja, net tada, kai atrodo, kad baisiau nebegali būti. Įklimpai į mėšlą, jame ir paskęsi.

Vieną šeštadienio vakarą tikrai liksi mėšlo krūvoj, ir išgirsi balsą, sklindantį kažkur iš lubų: esi nieko vertas, nevidone, per gerai apie save galvojai, visa tavo praeitis paskendo šitoj krūvoj; šita krūva yra tavo gyvenimas. Kovotum, jei nebūčiau teisus, įrodinėtum savo tiesą, nervintumeis. Po velnių, gyveni juk teisinėje valstybėje. Kur?

Ta, kuri sunaikino mano asmenybę ir sielą bei atėmė namus, įsitaisius patogioj prancūziškoj lovoj, kaip princesė tarp minkštų pagalvių, kurias pirkau aš, kad tik jai būtų patogiau, ir prie šviesos, kurią, aišku, nupirkau aš, kroatiskai skaito: „Ji girdėjo, kaip įvažiuoja automobilis, kaip užsidarė durys. Girdėjo, kaip jis atidarė langą. Girdėjo metalo žvangėjimą ir džeržgiantį balsą: – Viso, Maura. – Tuomet šūvis, šviesa, ir antras šūvis. O tuomet aiktelėjimas...“ Ji guli vilkėdama minkštą baltą pižamą, vienoje rankoje laiko knygą, apie tai, kaip užmušami žmonės, o kitoje velnias žino ką. Ta būtybė yra, taip sakant, labai kultūringa ir išprususi, o tai jai suteikia teisę aukštinti tuos žmones, kurie jai naudingi, ir peikti tuos, iš kurių jai jokios naudos. Aišku, neįvertintas nelieka nė vienas. Paskolą gražina kažkoks kretinas, tas pats kretinas kas mėnesį sumoka už šildymą, elektrą ir kitas sąskaitas iš eilės. Jeigu kretino nėra namie kai ateina elektrikas, ta išprususi būtybė sumikčioja: „Vyro nėra namie, ateikit kitą kartą“. Pati nusimano tik apie brangiausias medžiagas, kurias perka ir neša brangiausiai siuvėjai, kad pasiūtų jai kostiumėlius ir paltus. Iki pilnos laimės jai tetrūksta, kad aš, idiotas, išsikraustyčiau į kokį nors viešbutį ir paštu jai siuntinėčiau čekius, taip sakant, smulkioms išlaidoms, ir dar kokią štuką per mėnesį vaikui išlaikyti. O aš, visiškai asilas, to niekaip negaliu suprasti. Žolė užauga iki tam tikro aukščio, lazdynas ar eglė irgi. O mano brangioji vis keliiasi ir keliiasi, visas įmanomas normas jau peržengia, savo laiką perauga, ji tikrai turi savo socializmo teorijas ir jau tuoj dangų pasieks. Spanielei Doris maistą perku aš, Lida ją tik maitina, bet šuo vistiek labiau prisirišęs prie jos, nei prie manęs. Jei išeičiau gyventi į viešbutį, turėčiau siuntinėti maistą ir vargšui šuneliui, kad ir vėl nebūčiau apšauktas paršu.

Pasiklystu išsibarsčiusiose mintyse ir blausiuose įsivaizdavimuose, pasimetu nieko nereiškančiuose žodžių junginiuose, vaikštau, sėdžiu, atsistuju, vaikštau. Jei atsigulsiu galvodamas, kad pavyks užmigti, po kiek laiko ir vėl nevalingai atsistosiu,

ir vėl prisidėgsiu šleikščiai deginančią cigaretę, ir vėl viskas pasikartos. Ir vėl mane pagaus pasiutimas, peraugantis į nevilgtį, pradėsiu drebėti iš silpnumo ir vėl bersiu sau: aha, kažką juk reikia daryti? Visiškai natūralu, kad negaliu jos pakęsti. O neapykanta veda į beprotybę, reikia rinktis, pulti ar gintis. Ką veikiu aš? Pats save edu. Kartais pasiskundžiu Francui arba Primožui. Kai paskutinį kartą Francas buvo svečiuose ir pamatė, kaip su Lida bendraujam, paprasčiausiai atsiduso: vargšai, vargšai žmonės. Jo akyse mačiau, kad tikrai taip galvoja. Turime armiją, turime policiją, turime teismų, turime nusiskundimų knygų. Bet nėra jokios įstaigos, kuri spręstų „nesusipratimus“ šeimoje. Daug kalbame apie lygybę, žmogiškumą, progresą, pagerėjimą, teorijas apie žmonių tarpusavio santykius, šeimos planavimo įstaigas, turime viską, kas susiję su išsilavinimu. Bet nėra nieko, kas galėtų tvarkyti šeimyninius reikalus. Net ir žodžius turime, bet jie yra beverčiai. Už žodžio „pagalvok“ slypi kita reikšmė – „idiotas“. Turime knygų, bet jų neskaitome. Klausome tik lengvos ir smagios muzikos. Į teatrus beveik nebevaikštome. Socialinei darbuotojai nusišvilpt ant „geresnių“ šeimų. Psichiatrai darbo ir taip turi per akis, kad užsiiminėtų tokiom smulkmenom, ir taip jau negali alkoholikais ir narkomanais nusikratyti. Skaitome horoskopus, vartome žurnalus, vaikštome į kiną. Kartais išvykstame į gamtą, kad ten prikaulintume. Dievai paliko šitą planetą, velniai pjauna gerą derlių. Artėja teismo diena. Pasaulio tvanas? Ne, ne, niekas neartėja, štai kas. Kiekvieną dieną kažko mažėja, o mes nežinome, ko. Galbūt tikrai esu nevykėlis. Galbūt reikėtų dar pagalvoti, prisiminčiau ką nors, galbūt surinkčiau vieną kitą numerį, atsilieptų koks linksmas balsas ir pakviestų mane tuojau ateiti. Bet aš nenoriu net pajudėti. Ir nepažįstu žmogaus, kuris džiugiai pasakytų: Aišku, seni, staigiai sėsk už vairo ir atvaryk, neįsivaizduoji, kaip čia linksma!

Kažkur skaičiau, kad Šekspyro darbuose laimingi tebūna tik amatininkai, kaimiečiai ir maži neišprusę žmonės. Tikiu, kad kritikas teisingai pastebėjo. Bet netikiu, kad gali būti laimingas, kai esi eilinis neišprusęs žmogelis. Amatininkui gyvenimą trumpina mokesčiai, kaimiečiui – nesisekimas parduoti pasėlius, vidutinybei – noras pagerinti padėtį. Esu visiškai teisingas sakdamas, kad nieko nepasigendame, bet visada siekiame pakilti aukščiau, kalbame ir skaitome apie žmones, kurie gali sau leisti daugiau, ir klausinėjame savęs, kodėl ir mes negalėtume būti tokie. Lida aiškina, kad yra nelaiminga. Dėl jos nelaimių esu kaltas aš. Jei duočiau jai dešimt štukų, būtų nelaiminga, nes nedaviau dvidešimties, jei duočiau penkiasdešimt štukų, supyktų, kad negavo šimto ir taip iki privačių Onasisio salų. Nors tai tėra tik žodžių junginiai, į kuriuos sudėjau visą savo apmaudą, iš esmės tie žodžiai nėra nieko verti, visiškai niekam nereikalingi, kitaip tariant, kas iš to? Yra žmonių, kurie per vieną dieną uždriba daugiau nei aš per visą gyvenimą. Ar jie dėl to laimingesni? Koks vaikiškas klausimas. Pinigai yra ne kas kita kaip motoras, didelis arba mažas – teisingai naudojamas jis atneša saldžius vaisius, blogai pajungtas – karčius. Galų gale tai suvokiau. Ne kažkas, bet geriau nei nieko.

Ne. Visa tai yra niekas, niekas – esu pasimetęs iš nervų ir noro pabėgti nuo kasdienybės. Esminga yra kažkas kita, nežinau kas. Tai neturi pavadinimo. Ir ženklai ten nenukreips. Niekas apie tai neprakalba. Jaučiu, bet nežinau.

Ko aš ieškau? Nežinau. Tik vaikštau ir stebiu, apsietu, kad mąstau. Ir kas tai? Kas, jei Lida yra teisi, gal tikrai esu idiotas, šunsnukis, tikras psichas? Gal vis dėlto ne toks, kokį ji mane mato. Bet normalūs žmonės neįklimpsta į tokį mėšlą, kad nebegalėtų nei gyventi, nei numirti, nei budėti, nei miegoti, nei gulėti, nei mąstyti, nei neturėti minčių, nei iš širdies nekęsti, nei mylėti, nei galėti eiti pirmyn – nemokėti būti čia ir dabar – ir nežinoti, kurlink? Nemokėti nei keiktis, nei melstis, neturėti su kuo pasitarti, nieko, nieko, nieko.

Игра со Ѓаволовиот опаш

Translated by Darko Spasov

Contact of the translator: polatski@gmail.com

Многу е тешко да се почне. Човек сака во еден здив да каже многу, речиси сè во една реченица. За среќа не знае каде да започне и мора да се замисли и во сета таа мешаница да го побара она што се нарекува линија. Невозможно е да се почне на педесет години. Не се молам пред јадење, псујам само кога возам, немам еден куп навик како врсниците, иако му припаѓам на третиот слој од социјалистичкиот систем.

Си мислев најпрвин себе да се опишам. Ама тоа не оди така лесно! Имам најдобро и најлошо мислење за себе. Со кое да започнам?

Ќе го запишам она што не ми излегува од глава, она што везден ми поминува низ главата, како магнетофонска лента, она што ми го кажа сношти, пред да оди на спиење: дека сум перверзен, без карактер, креатура без способност за чувство, ниска душа, чудовиште, плашлив, некултурен стаорец, примитивен и идиот, и да се погледнам во огледало. Овде можам да почнам, односно овде морам да почнам, инаку ќе ми одсвонува и одсвонува во главата и ќе се изгубат сите други мисли и сеќавања. Јас сум сексуално изместен, инаку толку многу не би ме привлекувале женски газови. Немам карактер. Да имав ќе се грижев за своето кутро семејство и подобро ќе се грижев за детето. Немам никакви чувства; кога нешто би имало во мене, би сфатил дека таа се мачи покрај мене. Ниска душа сум, неподнослив садист. Невозможен човек. И пријателите и познајниците добро ме познаваат, никој не ме сака, и кој знае како ќе завршам. Целата моја младост ја уништив. Како ли сега живеам? Како стаорец. Еве, и детето се нервира поради мене. Сето ова убаво го подвлече пред да замине. Пред вратата, пред да плукне кон мене, викна „фуј“!, а затоа што полека почнав да станувам, побегна во својата соба, каде потоа, до четири наутро си читаше криминално романче за три динари, такво броширано на кое однапред има слика во боја, со човек со револвер в рака (нишани кон гола девојка со убава коса), а на задната корица пишува „Oslobodeno plaćanja poreza na promet mišljenjem Republičkog sekretariata za prosvjetu, kulturu i fizičku kulturu SRH broj 2935/2—1973 od 26. XI. 1973.“ А јас за тоа време не знам што гледав во телевизискиот екран. Потоа сновев низ дневната и пушев цигара по цигара. Тоа беше сношти, во саботата навечер. Голтнав два апаурина, дејствуваа бавно или воопшто не. Се фатив дека одам да се гледам во огледалото во претсобијето. Тоа ме онерасположи. Сè некако лесно се тресеше во мене, утробата, нервниот систем, и градите како да ми се тресеа. Главата ме болеше некако тапо, бев изгубен во животот без смисла и без можност, кога, ниту можеш да спиеш, ниту да лежиш, ниту да одиш, ниту да побегнеш од станот, од работата, не можеш да

читаш. Ништо на светот не ме интересираше, сè ми стана некако туѓо, дамнешно, нереално, далечно, неразбирливо ... Во главата имам тапа празнина, слама, прав што се растура при секое движење и разнесува мала болка што ми црцори и шета по целото тело; де ќе ме здоболи во вратот, де во слепоочниците, потоа темето, па ќе фати увото да ме боли, дури и окото, невралгија. Во желудникот не многу голема, но непријатна мачнина поради која нит јадам, нит пијам. Во нозете и рацете сум малаксан. Мала, но општа криза на она што сум. Нема положба во која можам барем за миг да го одморам телото. Се обидов да седнам, легнав на каучот, се потпрев на отворената врата која гледа кон расцветената градина, но никако не престана да ме занесува де ваму де таму по собата. Несвесно и со гнасење палев цигара по цигара, иако од никотинот веќе ме печеше устата.

Кога пред неколку години прв пат ми рече дека сум кретен, нешто пламна во мене, и без размислување ѝ влепив една околу ушите. Машки и звучно. Неколку дена се лутевме, потоа се гушнавме. Јас нешто ѝ шепотев на уво, а таа ми одговараше нешто што само до половина го разбирав. И сè се среди. Изгледаше дека подобро и од порано се разбираме. Кога втор пат ми рече нешто такво, ѝ помодре окото. Се степавме, се изгребавме, а таа и ме гризна. Долго време бевме скарани, лути и не сакавме да се видиме. Ни дојдоа пријатели на гости, и, необично, и двајцата се чудење со каква леснотија зборувавме за нашата борба. Кога си отидоа гостите, во воздухот остана да лебди некоја добра волја што нè зближи. Кога ли почна периодот на уништување? И како сум можел да слушам навреди и понижувања? Зар и на тоа човек се навикнува? И каде води тоа?

Пред повеќе од месец ми рече дека поднела барање за развод. Како сакаш, и реков. Сакаш да разговараме пред да одиме на суд, ме праша. Не, таму сè ќе се договориме. По тоа, јас и ти немаше ништо. Мојот судија ме извести дека во судот нема никакво барање. Ја прашав, како и зошто. Ако нема, ќе има, ми одговори.

Ми доаѓаше пред очи нејзиниот див поглед, нејзиното изместено лице, кога плукна, тоа беше вистинско смртно мразење. Со рапав и назален глас. И тоа е мој човек, мојата жена, мајката на моето дете, мојата мила и драга љубовница, дел од мојот живот, трите столба од нашиот дом. Всушност, таа е мојот најлош смртен непријател, полош непријател не сум имал во животот. Ме озборува наоколу. Сите сметки ги плаќам, а таа раскажува дека сум скржавец. Собира наоколу разни озборувања и ги носи дома. На пријателите, на работа, кај соседите, на сите им раскажува како здодевен и ситничав сум, злобен, насилен и скржав, дека сум лош татко и неподнослив маж, дека и го уништувам животот. Шепоти, зборува, вреска дека сум лош, на секој мој збор одговара со најголема лутина и цинична злоба, во секоја нејзина најмала забелешка се крие отровна боцка. Не готви, не раскрева, само за тоа сонува, како не сакам да ја водам во Шпанија или Грција; би одела и на Канарските острови или на

Бахамите, а јас, свиња, седам дома и ѝ го уништувам животот. Ноќе се враќаат сеќавањата на нејзиниот бес, див и обвинувања полн, со зајадливи зборови изговорени како конечна осуда на никаквец каков што сум јас. „Ги уништи најубавите години од мојот живот,“ тоа е најнежното обвинување. Таков никаквец нема на целиот свет. Кретен, идиот, губитник. И на работа сум неодговорен, површен, и еве што си дозволувам да речам за шефот, паразит, срамна вошка, обична човечка нула. Ме шпионира, ме следи, ми ги проверува џебовите, ми краде од парите, ми ги отвора писмата, може да искине и најдебели нерви. Прво сакав да разговарам со неа, потоа почнав да ѝ пишувам на хартија, да не зборува така, барем поради детето, или барем пред очите и ушите на детето не. И пак гласно ќе се степаме, сè ќе кренеме во воздух. Отидовме по лекарско уверение, отрчавме кај своите адвокати, дадовме барање за развод, барем кај адвокатите, а кога им требаше објаснување, „правно релевантни информации“, им изгледаше чудно дека сè уште живееме заедно.

Имав помали спорови во животот. А кој нема маани, но вакви (или барем слични) навреди немало. Никој на светот не ме навредувал, никој така жолчно не ме предизвикувал. Не сум нечувствителен. Како само пропаднав во оваа тиња, во која не можам да се поднесувам. Кретен! Идиот! Перверзен! Вошка! Свиња! Кој може мирно да го проголта ова? Само оној што не се почитува самиот себе. Сака да ме предизвика на непромислено дејство, да има подобра причина за развод, и тоа по моја вина, ми рече нејзината „добра“ пријателка. Адвокатот мирно ме советува да се иселам. Каде? Да си купам стан. Фино. Господине адвокат, можете да ми позајмите триесет до педесет милиони? Да си заминам од куќичката што едвај ја добив и што ќе ја отплаќам уште многу години? Па, рече, тие работи се такви: мала е веројатноста да го добиете детето; кој ќе го задржи детето го добива и домот. И освен тоа, таа е жена. Веројатно и таа го знае тоа, инаку не би зборувала со леснотија: Спакувај се и фаќај магла. Тоа е. Ти чини или не. Таа не вложи ниту банка во нашето семејство. Мебелот и апаратите за во домаќинството ги купив сам, сам најдов заем за куќата, сам отплатувам. Таа ги вложи „своите најубави години“ и така важи правилото „во бракот стекнатото се дели на половина“.

Играта е без правила, а добивката е еднострана, добива само таа. Играта е напорна. Прашање е чии нерви први ќе попуштат. Ако ја удрам, ќе оди на телефон, ќе побара заштита. Ако многу збеснам, ќе се обиде да ме однесе во лудница. Убедена е дека нема да ја убијам. Како тогаш да ја изгуби оваа битка? Зошто луѓето престанаа да ни доаѓаат на гости, вели: поради тебе! Знаеш што ми рече еден што добро те познава, дури многу, многу добро? Сакаш да знаеш? И повторно не можеш да ја сопреш, повторно познатите пцости, и една нова, секогаш има некоја нова, дека си луд, рече, дека си за в лудница. И дека би ме убила, да ми зарие нож, отруе, застрела, но не би

сакала да оди затвор поради таква свиња. Десетгодишниот Томаж сево ова го слуша, и понекогаш горко ќе заплаче.

Треба нешто да се направи, треба нешто да се стори, си мислам одејќи горе долу. Детето е жртва. Ние со Лида сме жртви и џелати во едно лице, обајцата до крај се исчовечивме, се изродивме, сè уништивме. Разводот е неминовен, но нема ништо да се промени. И потоа велат ќе сме се тужеле поради навреди и ограничување на правата. Војната на нервите ќе трае до недоглед, додека еден не ги изгуби нервите и не направи поголема глупост.

Ѓаволска саботна ноќ. Ако имаат луѓето во некого доверба и му велат дека е добар, станува подобар. Но, ако некому постојано му велите дека е лош, станува полош. Така, станувам нешто што никогаш не сум бил и никогаш нема да бидам, нешто, што веќе не личи на човек, не ни свиња, ни идиот, ниту срамна вошка, туку е нешто непријатно, загрошено и агресивно. Што ли лошите зборови на лошите луѓе можат да направат од чувствителен човек. Лошите изрази не престануваат, дури и степенуваат, сугестивно, гласно и неподносливо. Си се измешал ли со триците, и свињите ќе те изедат.

Една саботна ноќ ќе се зацицаш, а некаде од под таванот ќе слушаш: не те бива, безделник, залудно си мислел дека си изградил карактер, сето твое минато пропадна во мала плунка; оваа капка е твојата планета. Ако тоа не би било вистина, би се борел, би ја докажувал вистината, би се бунтувал. На крајот на краиштата живееш во правно уредена држава. Каде?

Онаа што ме расчовечи, обездуши и одлепи, лежи во удобна француска постела, во перници што си и ги купил, за да и биде убаво, и покрај твојата ламба чита: „Слушна како влегува во автомобилот, како ја затвора вратата. Слушна како го отвори прозорецот. Го слушна шкрипењето на металот и рапавиот глас: Збогум Маура. Потоа, истрел, светло и втор истрел. Потоа гушење ...“ Лежи во мека бела пижама, во едната рака држи мала книга, во која се убиваат, а другата рака кој знае каде стои. Ова битие стои високо на, така именуваната, морална позиција, од која луѓето што се од полза ги нарекува добри, а останатите ги казнува со гнасење. И никој не може ништо против нејзините оцени. Куќата ја отплаќа некој кретен, истиот тој секој месец ги плаќа централното греење, струјата и сите сметки по список. Ако кретенот не е дома, кога ќе дојде инкасаторот, таа, тоа свето битие ќе рече: Маж ми не е дома, дојдете некој друг ден. Сака да купува добри марки облека и капути од најскапите кројачи. На нејзината совршена среќа и слобода им недостасува само да се иселат во хотел, а за сметките пари да испраќам по пошта, заокружено на погорната сума, и згора неколку илјадарки за детето. Јас, бесрамна вошка не сакам да ја разберам. Тревата расне до својата висина, леската до својата, смреката до својата. Мојата драга пак, расте над сите норми, преку сите човекови висини и преку границите. Навистина си има свој социјализам и е на пат кон рајот на Земјата. За

шпаниелката Дорис купувам храна. Лида ја храни, а тоа има понежна љубов кон неа отколку кон мене. Ако заминам во хотел, ќе морам да испраќам храна и за кутрото кутре, за и поради тоа да не бидам грда свиња.

Се губам во ситни мисли и претстави, се губам во бесмислени реченици, одам, седам, станувам, одам. Ќе легнам да спијам, ќе срипам по некое време, повторно ќе запалам гнасна лута цигара и сè ќе се повтори. Повторно ќе ме обзеде бес, ќе вријам од очај, ќе се тресам од немоќ и ќе си зборувам: Хм, нешто треба да се направи? Се разбира дека ја мразам. Мразењето води во дејство, во напад или одбрана. Што правам јас? Си кукам. И понекогаш ќе се пожалам на Франц или Примож. Минатиот пат Франци беше кај нас на гости, слушна како разговараме со Лида и воздивна: О, кутри луѓе ... о, кутри луѓе. Во неговите очи видов дека е сериозен кога го рече тоа. Имаме војска, имаме полиција, имаме судови, имаме одделение за жалба. Но не за решавање на семејни „недоразбирања“. Имаме идеја за правичност, хуманост, напредок, подобрување, теории за човечките односи, заводи за планирање семејство, сè имаме, сè како што доликува. Но не за уредување на внатрешните работи во семејствата. Имаме и зборови, но тие се глуви. Против „мисли малку“ се исправа зборот „идиот“! Имаме книги, но не читаме. Музика слушаме само лесна и забавна. Во театар одиме ретко. Социјалната работничка не се грижи за „подобрите“ семејства. Психијатрите се зафатени со поважни примери, кои така или така им бегаат од контрола; па кога едни алкохоличари или наркомани не можат да контролираат. Читаме хороскопи, листаме ревији, одиме в кино. Понекогаш одиме во природа за да ја испосереме. Боговите си отишле од оваа планета. Ѓаволот жнее богата жетва. Судниот ден доаѓа. Космичка поплава? Не, не, ништо од тоа нема да се случи. Секој ден нешто заминува, а не знаеме што е тоа? Можеби навистина не сум в ред. Поинаку би помислил во овој миг, би се сетил на нешто, можеби малку би телефонираше, таму некаде би одговорил насмеан глас и би ме поканил веднаш да дојдам. А мене никаде не ме влече. И не познавам човек кој би можел да ме развесели и да рече: Секако друже, веднаш седнувај в кола и доаѓај; немаш поим колку ни е забавно!

Минатиот пат читав дека кај Шекспир се среќни само селаните, сиромашните мали луѓе и работниците. Му верувам на писателот за драматичарот, но не верувам дека среќата е во тоа да му припаѓаш на сиромашниот слој. Работникот не може да крене глава од даноци, селанецот не може да ги продаде плодовите, а сиромавиот се мачи да ја поправи положбата. Јас имам право кога велам ништо не ни недостига, но сепак секогаш гледаме повисоко, читаме и зборуваме за луѓето што живеат пораскошно и си веламе: а зошто не и ние? Лида вели дека е несреќна. Дека јас сум виновен за тоа. Ако дадам десет илјадарки, станува несреќна што не сум дал дваесет, ако дадам педесет е лута зошто не сум дал сто и така натаму, до островот на Оназис - Скорпиос. Всушност тоа се само реченични

формули, во кои го уловив своето бесно размислување, во суштина празни формули, пред сè непотребни, и кому му користат? Има луѓе што дневно заработуваат толку колку што јас за целиот живот. Дали се среќни поради тоа? Колку глупаво прашање. Парите не се ништо друго освен еден мотор, голем или мал. Добро користен носи добри плодови, лошо - лоши. Тоа на крајот сепак ми стана јасно. Не е којзнае што, но не е за потценување.

Не. Ова нема врска, не, не. Суштината е во нешто сосема друго. Но не знам во што. Нема име. Нема патоказ. Никој не зборува за тоа. Чувствувам, а не знам.

Дали воопшто барам? Не знам. Одам и гледам пред себе, се преправам дека размислувам. А што е ова? А што ако е Лида некако нагонски во право; дека сум беден, злобен, да, дури и луд? Можеби не сосема таков како што таа ме гледа. Нормалните луѓе не се заплеткуваат во такви ѓаволски стапици, да не можат ниту да живеат ниту да умрат, ниту да бдеат ниту да спијат, ниту да седат ниту да лежат, да не мислат, да не бидат без мисли, да не мразат, да не сакаат, да не можат понатаму, да не знаат да бидат овде и сега, и да не знаат каде? Да не знаат ниту да псујат ниту да молат, неспособни за какво било советување. Ништо, ништо, ништо.

Igranie z diablím ogonem

Translated by Regina Wojtoń

Contact of the translator: rwojton@gazeta.pl

Bardzo trudno jest zacząć. Krótko mówiąc, człowiek chciałby opowiedzieć za dużo jak na jeden raz. Na szczęście nie wie, kiedy zacznie. Musi się namyśleć i poszukać w płataninie pułapek tego, co zwykło się określać głównym wątkiem. Od Adama i Ewy zacząć nie sposób. Nie modłę się przed jedzeniem, pracuję jako szofer, mam mnóstwo nawyków ludzi mi współczesnych, chociaż wedle ustroju socjalistycznego należę zaledwie do klasy średniej.

Pomyślałem, by zacząć od opisu samego siebie.

A po jaką cholere mi takie zajęcie! Mam najlepsze i najgorsze mniemanie o sobie – od którego mam zacząć? Od pospolitego zwyrodnialca, człowieka bez charakteru, kreatury niezdolnej do jakichkolwiek uczuć, bezdusznego potwora, słabeusza, chama, prymitywa czy idioty? Zapisalbym to, co mi przychodzi do głowy, co mi się najpierw tam kotłuje, jakoby było nagrane na taśmę magnetofonową, jak to ona ostatnio powiedziała, zanim poszła spać, że w tym miejscu mogę zacząć, albo – muszę, w przeciwnym razie tak by mi huczało w głowie, że zagłuszyłoby to inne myśli i wspomnienia. Jestem seksualnie zboczony – inaczej tak by mnie nie interesowały kobiece dupy. Jestem bez charakteru – bo w innym wypadku bardziej dbalbym o mój biedny ród i troszczyłbym się o dziecko. Uczuć nie żywię żadnych; wszak gdybym cokolwiek czuł, widziałbym, jak ona cierpi. Jestem bezdusznym sadystą nie do zniesienia. Człowiekiem słabego charakteru, na którym przyjaciele i znajomi już dawno się poznali, nikt mnie nie lubi i zobacze, jak skończę. Cała moja młodość była pochrzaniona, a jak teraz żyję? Żyję jak gnida. Dziecko jest nerwowe przeze mnie. Wszystko to jeszcze dobrze podkreśliła w drzwiach, zanim na mnie splunęła, krzyząc: „fuuuj!” i – kiedy zacząłem powoli wstawać – pobiegła do swojego pokoju, gdzie potem do czwartej nad ranem czytała kryminał za trzy denary⁴, ten w miękkich okładkach, który ma z przodu kolorowy obrazek przedstawiający napastnika z rewolwerem w ręku (mierzy w roznegliżowaną pięknowłosa kobietę), a z tyłu jest napis: „Dochód ze sprzedaży jest do dyspozycji Sekretariatu Ministerstwa ds. Rozwoju Oświaty, Kultury i Kultury Fizycznej SRCh⁵, nr 2935/2 – 1973 od 26 XI 1973”. A ja bym się patrzył wtedy w ekran telewizora, sam nie wiem na co. Potem chodziłbym tam i z powrotem po salonie i palił papierosa za papierosem. Tak było ostatnio, w sobotę wieczór. Połknąłem dwa asprokole, które działały albo powoli, albo w ogóle. Przyłapałem się na tym, że chodzę przeglądając się w lustrze w przedpokoju. Cały się trząsałem – moje wnętrzości, nerwy, zdaje się, że i płuca, w głowie czułem tępy ból, zgubiłem gdzieś sens bytu, nie widziałem żadnych perspektyw na przyszłość. Nie

⁴ Denar – waluta byleJ Jugosławii.

⁵ Socjalistyczna Republika Chorwacji

mogłem spać, leżeć, uciec z domu, pracować, czytać, nie interesowało mnie zupełnie nic, wszystko stało się obce, przebrzmiałe, nieprawdopodobne, odległe, niezrozumiałe. W głowie miałem pustkę, słomę i kurz rozsypujący się przy każdym ruchu, roznosząc przy tym mały, ćmiący ból, który jakby nie mógł zostać w jednym miejscu; raz jest bardziej na karku, raz bliżej skroni, potem ciemno robi mi się w oczach, wkrótce zaboli ucho, nawet oko, nerwica. Żołądek mam ściśnięty, dlatego nie mogę ani jeść, ani pić. Całe ciało mam jak z waty. Jestem chodzącym nieszczęściem. Nie mogę sobie znaleźć miejsca, w którym moje ciało mogłoby odpocząć choć przez chwilę. Próbowałem usiąść, położyć się na kanapie, oprzeć o drzwi, otwarte na kwitnący ogród, a jednak coś nie pozwalało mi się zatrzymać w miejscu i nosiło mnie w tę i w w tę po pokoju. Od nikotyiny piekły mnie już usta, ale i tak paliłem jeden za drugim, zupełnie bezwiednie i ze wstrętem.

Kiedy przed kilkoma laty po raz pierwszy nazwała mnie kretynem, wkurzyłem się i bez namysłu trzepnąłem ją w ucho. Mieliśmy potem kilka cichych dni, ale potem na zgodę się objęliśmy, coś jej szeptałem do uszka, a ona mi coś odpowiedziała, co zrozumiałem tylko w połowie, wszystko się ułożyło i można rzec, że rozumieliśmy się nawet lepiej niż dotychczas. Kiedy po raz drugi odezwała się w podobny sposób, podbiłem jej oko, pobiliśmy się, podrapała mnie i ugryzła, więc przez dłuższy czas byliśmy skłóceni i patrzyliśmy na siebie wilkiem. Przyjaciele przyszli z wizytą, a my dziwiliśmy się sami sobie, z jaką lekkością rozmawialiśmy o naszej korridorze. Po odwiedzinach w powietrzu pozostał zbliżający nas do siebie dobry nastrój. Kiedy się rozpoczął ten straszny czas? I jak to się stało, że przyszło mi wysłuchiwać całych litanii pretensji i obelg? Czy człowiek do tego może się przyzwyczaić? I do czego to jeszcze doprowadzi?

Więcej niż miesiąc temu, oznajmiła mi, że wniosła pozew o rozwód.

„ – Dobrze – powiedziałem – jak chcesz. Może byśmy coś ustalili, zanim pójdziemy do sądu.

– Nie, po co, o wszystkim tam porozmawiamy.”

Potem nie było niczego. Mój adwokat poinformował mnie, że w sądzie nie ma żadnego pozwu. Zapytałem ją, o co chodzi. Odpowiedziała, że jeżeli jeszcze nie ma, to będzie.

Widziałem w myślach jej dzikie spojrzenie, jej wykrzywioną twarz, kiedy pluła – to była esencja najprawdziwszej śmiertelnej wrogości. Jej zachrypnięty i nosowy głos. A to przecież jest najbliższy mi człowiek, moja żona, matka mojego dziecka, moja miła i droga kochanka, część mojego życia, trzy węgły podwalin naszego domu. Tak naprawdę jest to mój najgorszy, śmiertelny wróg, jakiego nie miałem nigdy w życiu. Obgaduje mnie naokoło. Płacę wszystkie rachunki, a ona mówi, jaki ze mnie skąpiec. Zbiera wszędzie różne pomówienia i przynosi je do domu. Przy znajomych, w pracy, przy sąsiadach opowiada, jaki jestem przykry, nudny, złośliwy, agresywny i skąpy. Jakim jestem złym ojcem i niezaradnym mężem, jak niszcze jej życie. Szepcze, mówi, krzyczy, jaki jestem zły, na każde moje słowo odpowiada złością, cynizmem, w każdej jej uwadze kryje się zatruta strzała. Nie

gotuje, nie sprząta, marzy tylko o podróżach a to do Grecji, to do Hiszpanii, a to na Wyspy Kanaryjskie albo Bahama – ale ja, świnia, trzymam ją w domu i nie daję jej żyć. Nocą, we wspomnieniach wracają jej złe, dzikie, dezaprobujące i prowokujące słowa, wszystkie wypowiedziane w formie niepodważalnego osądu takiej miernoty, jak ja.

„– Zniszczyłeś mi najpiękniejsze lata mojego życia.” – Ten był najłżejszy. – Takiego zepsutego człowieka jak ty, nie ma nigdzie na świecie. Kretyn, idiota, zatraceniec.”

W pracy też jestem nieodpowiedzialny, niedbały, a to co sobie pozwalałam powiedzieć o szefie, świadczy tylko o tym, że jestem pasożytem, bezwstydną gnidą, zwykłym ludzkim zerem. Węszy za mną, przepytuje, przeszukuje mi kieszenie, kradnie pieniądze, otwiera listy, zrobi wszystko, co potarga nawet najmocniejsze nerwy. Najpierw próbowałem z nią przekonać, potem pisałem do niej listy, żeby przestała, ze względu na dziecko, albo przynajmniej, jeżeli ono patrzy i słucha, potem się znowu pobiliśmy, wokół wszystko latało, poleciliśmy oboje do lekarza na obdukcję, każde polecało do swojego adwokata, wniosło pozew o rozwód. Ci potrzebowali jednak jakichś dodatkowych wyjaśnień.

„– Wedle prawa, pewne informacje są konieczne.”

Obydwaj prawnicy byli zdumieni faktem, że jeszcze mieszkamy razem.

Miałem kilka drobnych nieporozumień w życiu – któż ich nie miał – ale do takich (albo przynajmniej podobnych) obelg nie dochodziło. Nikt na świecie mi nie ubliżał, nikt mnie tak ohydnie nie wyzywał; przecież nie jestem z kamienia i mam też swoją wrażliwość. Jak mogłem zabrnąć w takie bagno, w którym wstręt czuję sam do siebie? Kretyn! Idiota! Zwyrrodnialec! Gnida! Świnia! Kto spokojnie to wszystko strawi? Chyba tylko ten, kto nie szanuje sam siebie. Chętnie by mnie sprowokowała do jakiegoś bardziej niegodziwego czynu, żeby mieć lepszy powód do rozwodu z mojej winy – zwierzyła mi się jej „dobra” przyjaciółka. Adwokat spokojnie i rzeczowo doradzał mi, żebym się wyprowadził. Gdzie? Powinienem sobie kupić mieszkanie. Fajnie. Proszę pana, pożycz mi pan jakieś trzydzieści, pięćdziesiąt milionów? Żebym opuścił mój dom, który zdobyłem z takim trudem i który będę spłacał jeszcze przez wiele lat?

„– Znaczący się – powiedział – sprawy wyglądają tak. Istnieje bardzo małe prawdopodobieństwo, że pan będzie miał opiekę nad dzieckiem. Kto zatrzyma dziecko, zostanie w mieszkaniu.”

No tak, i to zdobędzie żona. Prawdopodobnie ona o tym wie; w przeciwnym wypadku nie mówiłaby z taką łatwością:

„– Może ty się lepiej wynieś, jeżeli ci się coś nie podoba.”

Ona na to nasze wspólne gospodarstwo nie dała nawet złamanego grosza; sam kupiłem meble i urządzenia techniczne, wzięłem pożyczkę na dom, spłacam ją sam. Ona zainwestowała w nie „najpiękniejsze lata swojego życia” i na tej podstawie obowiązuje prawo: „małżeństwo dzieli majątek pół na pół”. Gra bez zasad; jednostronną zdobycz otrzyma prawdopodobnie tylko ona. Trudna jest ta gra, pytanie tylko, czyje nerwy wytrzymają dłużej. Jeżeli ją uderzę, pójdzie zadzwonić po ochronę.

Jeżeli się wścieknę, postara się, żebym trafił do szpitala dla psychicznie chorych. Jest przekonana, że jej nie zabiję. Kiedy przestanie w to grać? Żona na wygranej pozycji? Dlaczego ludzie już do nas nie przychodzą. Mówi:

„– Z Twojego powodu! Wiesz, co mi powiedział, ktoś, kto cię bardzo, bardzo dobrze zna? Chcesz wiedzieć?”

I znowu litania, powtarzanie tych samych wyzwisk i jeszcze jakichś nowych – ciągle pojawia się jakaś nowość (w eskalacji konfliktu, jak to się mówi), że jesteś wariatem, że nadajesz się do wariatkowa. Mówi też, że by mnie z przyjemnością zabiła, pchnęła nożem, otruła, zastrzeliła, ale nie chce iść z powodu takiej świni do więzienia. Dziesięcioletni Tomasz słucha tego wszystkiego i czasem tylko głośno zapłaczę.

„– Trzeba coś zrobić, trzeba coś zrobić” – mówię do siebie, gdy tak chodzę tam i z powrotem. Dziecko jest tutaj ofiarą. Oboje z Lidą jesteśmy ofiarami i katami w jednej osobie, odarci z człowieczeństwa do reszty, odcięliśmy się od istoty rodziny, zrujnowaliśmy siebie nawzajem. Rozwód nastąpi nieuchronnie – ale niczego nie zmieni. Prawdopodobnie potem znów będziemy się oskarżać, obrzucać obelgami i ograniczać swoje prawa. Wojna na nerwy będzie trwała w nieskończoność, dopóki któryś z nas nie straci panowania nad sobą i nie popełni jakiegoś gorszego głupstwa.

Piekielna sobotnia noc. Jeżeli ktoś komuś ufa, mówi mu, że jest dobrym człowiekiem, a ten staje się jeszcze lepszy. Jeżeli komuś ciągle powtarza, że jest zły i zły – ten staje się jeszcze gorszy. W taki oto sposób staję się kimś, kim nigdy nie byłem i nigdy nie będę, kimś niepodobnym do człowieka, choć jeszcze ani nie do świni, ani idioty, ani bezwstydney wszy, ale czymś już niemiłym, zagrożonym i agresywnym. Co z wrażliwego człowieka może uczynić terminologia tłumu, jeżeli wstrętne wyrażenia ciągle się powtarzają, sugestywnie, głośno, niepowstrzymanie, a wszystko to wzrasta, nawet wtedy gdy nie widać żadnej gorszej możliwości. Wymieszałeś się z plewami i świnie cię zjedzą.

Pewnego sobotniego wieczoru staniesz się plwociną, a gdzieś z sufitu będzie dobiegał głos: „Jesteś nic nie wartym łotrem, na próżno myślisz, że masz charakter, cała twoja przeszłość utonęła w małej plwocinie. Ta plwocina to twoja planeta. Jeżeli nie byłaby to prawda, walczybyś, dowodził prawdy, byłbyś wzburzony. Do diabła, w końcu żyjesz w praworządym państwie, prawda?”

Ta, która pozbawiła mnie człowieczeństwa, duszy i gruntu pod nogami, leży teraz w wygodnym małżeńskim francuskim łóżku, w pościeli, którą kupiłeś, żeby jej było miło i przy twojej lampce czyta:

„Słyszała, jak wchodzi do samochodu, jak zamyka drzwi. Słyszała, jak otwierają okno, słyszała zgrzyt metalu i zachrypnięty głos:

– Żegnaj, Maura. Potem strzał, światło i następny strzał. Potem jęk.”

Leży w miękkiej białej piżamie, w jednej ręce trzyma małą książeczkę, w której zabijają się ludzie, drugą trzyma bóg wie gdzie. To istota na tak zwanym wysokim poziomie moralnym, która wynagradza ludzi sobie właściwych, określanych mianem: dobrych; szkodliwych dla siebie karze ze wstrętem. I nikt nie może podważyć takiej

oceny. Dom utrzymuje pewien kretyn. Ten sam co miesiąc płaci za centralne ogrzewanie, elektryczność i listę pozostałych rachunków. Jeżeli kretyna nie ma w domu, kiedy przyjdzie inkasent, ta święta istota mówi:

„ – Męża nie ma w domu, proszę przyjść kiedy indziej.”

Sama bardzo chętnie kupuje dobre tkaniny na sukienki i szyje sobie kostiumy i płaszcze u najlepszych krawców. Do pełni jej szczęścia brakuje tylko tego, żebym się ja, idiota, zakwaterował w jakimś hotelu i pocztą wysyłał zaokrągloną większą kwotę na rachunki i jeszcze trochę kasy na dziecko. Ale ja, bezwstydną ohydny gnida, nie chcę tego zrozumieć. Trawa rośnie do swojej miary, błysk do swojej, jodła do swojej. Moja ukochana natomiast przekracza wszelkie możliwe normy, wszelkie ludzkie granice, także granice swojego czasu; ona naprawdę ma swój socjalizm i rychło osiągnie swój raj na ziemi. Naszej spanielce Doris kupuję jedzenie, ale karmi ją Lida, toteż pies żywi cieplejsze uczucia do niej niż do mnie. Jeżeli przeniosę się do hotelu, będę musiał wysyłać karmę dla biednego pieska, żebym i w tej materii nie okazał się paskudną świnią. Gubię się w pojedynczych myślach i wyobrażeniach, gubię się w bezsensownych połączeniach słów, chodzę, wstaję, siadam, chodzę. Jeśli się kładę, żeby zasnąć, za jakiś czas znów coś każe mi wstać, znowu zapalę wstrętnego piekącego papierosa i wszystko się powtarza w nieskończoność. Znowu ogarnia mnie złość, przesywa rozpacz, trzęsę się z bezradności, i znów powiem sam do siebie:

„ – Ha, kiedyś trzeba z tym skończyć.”

To naturalne, że jej nienawidzę. A wrogość prowadzi do czynu: albo do obrony albo do ataku. Co ja zrobię? Toczę jad sam sobie. To wtedy, to wtedy poskarżę się Francowi albo Primożowi. Ostatnio, kiedy Franci był u nas z wizytą, słuchał, w jaki sposób Lida ze mną rozmawia i westchnął:

„ – Oj, wy biedni ludzie... O biedni ludzie...”

Z jego oczu wyczytałem powagę tej myśli. Mamy wojsko, mamy policję, mamy sądy, mamy prokuraturę. Ale nie mamy niczego do rozwiązywania małżeńskich „nieporozumień”. Mamy idee praworządności, humanizmu, postępu, rozwoju, teorie o stosunkach międzyludzkich, instytucje do spraw planowania rodziny – mamy wszystko co służy ogólnej ogładzie. Ale niczego, co służy rozwiązywaniu rodzinnych sporów. Mamy nawet słowa, lecz te są głuche. Za wyjątkiem: „choć pomyśl”, słowa: „ty idioto!”. Mamy książki, ale ich nie czytamy. Słuchamy muzyki tylko lekkiej i zabawnej. Do teatru chodzimy rzadko. Opiekunka społeczna tymi dobrze usytuowanymi rodzinami się nie interesuje. Psychiatrzy zajęci są poważniejszymi problemami, które przeciekają im przez palce – przeciw z alkoholikami i narkomanami i tak nie mogą sobie poradzić. Czytamy horoskopy, przeglądamy gazety, chodzimy do kina. Czasem wyjdziemy gdzieś na łono natury, żeby je splugawić. Bogowie odeszli z tej planety – diabeł zbiera bogate żniwo. Nadchodzi sądny dzień. Potop? Nie, nic nie nadchodzi, to już jest. Każdy dzień mija, a my nie wiemy, co począć. Może rzeczywiście nie jestem nic wart. Inaczej przewidziałbym ten moment, przypomniał sobie coś, może mniej telefonował, kiedyś odpowiedziałby mi radosny

głos i mnie poprosił, bym przyszedł jak najprędzej. Ale mnie nigdzie nie ciągnie. I nie znam człowieka, który by się ucieszył i powiedział:

„– Oczywiście, siadaj szybko w samochód i przyjeżdż. Nie masz pojęcia, jak się dobrze bawimy!”

Ostatnio czytałem, że u Szekspira szczęśliwi są tylko rzemieślnicy, chłopci i ubezwłasnowolnieni mali ludzie. Wierzę literaturoznawcy. Nie wierzę jednak, aby szczęście było w tym, że przynależałbym do ubezwłasnowolnionej warstwy społeczeństwa. Rzemieślnika niszczą podatki, chłopca kiepska sprzedaż produktów rolnych, ubezwłasnowolnionego tęsknota za poprawą warunków bytu. Moja opinia jest taka. Niczego nam nie brakuje, a jednak ciągle patrzymy w górę, czytamy i rozmawiamy o ludziach, którzy wiedzą o wiele szczęśliwszy żywot i mówimy: dlaczego my nie? Lida twierdzi, że jest nieszczęśliwa. Jej nieszczęściu winien jestem ja. Jeżeli dam jej dychę, jest nieszczęśliwa, bo nie dałem jej dwóch, jeżeli dam jej pięć, jest zła, bo nie dałem jej setki i tak dalej aż do wyspy Onasisa Skorpios. Są to jedynie słowne formuły, w których w złości zawarłem moje przemyślenia, faktycznie nie są one nic warte, przede wszystkim nikomu niepotrzebne ani korzystne. Są ludzie, którzy przez cały dzień zarabiają tyle ile ja przez całe życie. Czy są z tego powodu szczęśliwi? Jakie to głupie pytanie. Pieniądz nie jest niczym innym jak silnik, wielki albo mały – dobrze użyty przynosi dobre efekty, źle – złe. W końcu wszystko to stało się prawie jasne: niezupełnie, ale jest.

Nie. Wszystko to na nic. Zero – powstałe z nerwów i od tej ucieczki przed codziennością. Najważniejsze jest coś innego, ale nie wiem, co. Nie ma to imienia. Nie ma drogowskazu. Nikt mi tego nie powie. Przypuszczam, ale nie wiem.

Ale czy szukam? Nie wiem. Chodzę i patrzę przed siebie, udaję, że myślę. Jak to jest? A co, jeżeli Lida zupełnie instynktownie ma rację? Że jestem nędzarzem, złoczyńcą, a nawet szaleńcem? Może nie całkiem jest tak, jak widzi mnie ona. A normalni ludzie nie wikłają się w takie diabelskie sidła, że nie są w stanie ani żyć ani umrzeć, ani czuć, ani spać, ani siedzieć, ani leżeć, ani myśleć, ani nie myśleć, ani zupełnie nienawidzić ani kochać – nie mam już siły – nie umiem żyć na „tu i teraz” – i nie wiedzieć, dokąd zmierzam. Nie umiec ani przeklinać ani się modlić, być zupełnie bezradnym, zupełnie, zupełnie, zupełnie...

Игра с хвостом дьявола

Translated by Marianna Bershadskaya

Contact of the translator: marber2@rambler.ru

Самое трудное — начать. Человеку неожиданно хочется высказать слишком много, вложить всё в одну-единственную фразу. К счастью, он не знает, с чего начать, ему нужно задуматься и поискать в клубке то, что мы зовем путеводной нитью. Невозможно начинать с Авраама. Я не молюсь перед едой, ругаюсь только за рулем автомобиля, у меня нет целого ряда привычек моих сверстников, хотя я принадлежу к среднему слою нашего социалистического общества.

Прежде всего, я хотел описать самого себя самому себе.

Черт бы побрал подобного рода занятия! У меня имеется самое хорошее и самое плохое мнение о своей персоне. С какого начать?

Напишу о том, что не выходит у меня из головы, о том, что беспрерывно вертится в ней, как будто это записано на магнитофонную ленту, то, что она сказала мне вчера вечером, отправляясь спать: что я обычный развратник, бесхарактерный тип, бесчувственная креатура, низкая душонка, чудовище, слабак, некультурная крыса, примитивный субъект и идиот. И что мне следует еще раз посмотреть на себя в зеркало. Вероятно, с этого и следует начать, точнее, я должен начать, иначе все это будет беспрерывно звучать у меня в голове, заглушая все другие мысли и воспоминания. О моей сексуальной испорченности свидетельствует внимание, с которым я смотрю на женские задницы. Не будь я таким бесхарактерным типом, я бы уделял гораздо больше внимания своей несчастной семье и гораздо лучше заботился о ребёнке. Я бесчувственное бревно, иначе видел бы, как она страдает. Я низкая душонка, несносный садист. Совершенно невозможный человек, что хорошо известно всем моим друзьям и знакомым, никто меня не любит и каждому понятно, чем все это закончится. Молодость свою я загубил и как собираюсь жить дальше? Как самый натуральный паразит! Я и ребенку все нервы испортил. Все это она аргументированно изложила стоя на пороге, прежде чем плюнуть в мою сторону, воскликнуть «фу!» и, увидев, что я поднимаюсь со стула, скрыться в своей комнате, где она потом до четырех утра читала детектив за три динара, книжонку в мягком переплете, на обложке которой красочное изображение преступника с револьвером в руке, прицеливавшегося в обнаженную женщину с красивыми распущенными волосами; на задней странице обложки надпись, свидетельствующая о том, что издание «освобождено от уплаты налога с оборота по решению Республиканского секретариата по делам просвещения, культуры и физического воспитания СРХ за номером 2935/2-1973 от 26.11.1973». А я в это время таранился в телевизионный экран, абсолютно ничего не видя.

Потом ходил взад и вперед по гостиной и курил сигарету за сигаретой. Это было вчера, в субботу вечером. Я проглотил две таблетки апаурина, но никак не мог дожидаться, когда они начнут действовать. Похоже, что так и не подействовали. Я с неудовольствием поймал себя на том, что часто выхожу в прихожую посмотреть в зеркало. Все во мне тряслось мелкой дрожью — внутренности, нервы и, похоже, даже лёгкие; голова болела тупой болью, я затерялся в существовании, лишённом какого бы то ни было смысла и перспективы, когда нет возможности ни спать, ни лежать, ни ходить по квартире, ни убежать из неё, ни работать, ни читать; во всем мире меня абсолютно ничего не интересовало; все стало чужим, бывшим, нереальным, уплывшим необычайно далеко, непонятным. В голове была тупая пустота, солома, пыль, рассыпающаяся при каждом движении и распространяющая вокруг несильную стрекочущую боль, странствующую с места на место: то больше болит затылок, то виски, потом темя, немного погода начинает стрелять в ухо, появляется резь в глазах, к ней присоединяется невралгия. В желудке чувствуется несильная, но неприятная слабость, из-за которой невозможно ни пить, ни есть. На все члены наваливается усталость. Не столь сильный, но всеохватывающий кризис организма. Невозможно найти положение, в котором тело могло бы хоть на минутку отдохнуть. Я пробовал сесть, ложился на диван, прислонился к открытой двери, из которой можно было выйти в цветущий сад, но в ту же секунду вскакивал и начинал метаться по комнате. И хотя у меня уже горели от никотина губы, я зажигал сигарету за сигаретой, совершенно автоматически, испытывая при этом чувство отвращения.

Когда несколько лет назад она впервые обозвала меня кретином, во мне что-то вспыхнуло и я, не раздумывая, залепил ей пощечину, весьма основательную и звучную. Несколько дней мы дулись друг на друга, потом неожиданно обнялись, я шептал ей на ушко что-то нежное, она мне отвечала, правда, я понял только половину сказанного ею, но все обошлось, казалось, что мы ладим лучше прежнего. Когда она во второй раз сказала мне что-то подобное, я засадил ей под глаз синяк, мы подрались, она поцарапала и покусала меня, и мы довольно долго были в ссоре, враждебно и неприязненно поглядывая друг на друга. Но в гости нагрянули друзья и неожиданно для самих себя мы с удивительной легкостью повествовали им о нашей корриде. После ухода гостей в доме осталось очень хорошее настроение, сблизившее нас. Когда же начался этот разрушительный период? И как случилось, что я стал безропотно проглатывать огромные дозы упреков и оскорблений? Неужели человек может привыкнуть даже к этому? И куда мы катимся?

Больше месяца назад она заявила мне, что подала заявление на развод. Хорошо, ответил я, если ты этого хочешь. Может быть, мы поговорим до того как пойдем в суд? спросила она. Нет, зачем, обо всем там и поговорим. Однако

за этим ничего не последовало. Мой адвокат сообщил мне, что никакого заявления в суде нет. Я спросил её, как это понимать. Если его ещё нет, значит, будет позже, ответила она.

Мне вспоминается её дикий взгляд, её искаженное злобой лицо, когда она плюнула на меня, во всем этом была неподдельная смертельная ненависть. Её хриплый гнусавый голос. И это близкий мне человек, моя жена, мать моего ребёнка, моя милая и дорогая возлюбленная, часть моей жизни, хозяйка нашего дома. А на самом деле мой самый большой, смертельный враг, злейшего врага у меня в жизни не было. Она повсюду клеветает на меня. Я оплачиваю все счета, а она трезвонит о том, какой я скряга. Собирает по всей округе сплетни и тащит их домой. Знакомым, сослуживцам и соседям рассказывает о том, что я назойливый, мелочный, скупой и злобный человек, склонный к насилию, что я плохой отец и невыносимый супруг, уничтожающий её жизнь. Шепчет, говорит, кричит, что я очень опасный тип, на каждое мое слово отвечает пламенным гневом и циничной злобой, в каждом её — пусть даже самом небольшом замечании — скрывается отравленный шип. Она не готовит, не убирает квартиру, а только упрекает меня в том, что я не хочу свозить её в Грецию или Испанию, да и против Канарских островов или Багам она тоже не возражает — а я, свинья, засел дома и не даю ей возможности жить настоящей жизнью. По ночам в мою память возвращаются её злобные, дикие, упрекающие, лживые слова, произносимые как окончательное обвинение в адрес такого мерзавца, каковым я являюсь. Ты загубил самые лучшие годы моей жизни, так гласит самое легкое обвинение. Другого столь испорченного человека, как я, не найти во всем мире. Кретин, идиот, пропадающая душа. Оказывается, и в работе я проявляю безответственность, невнимательность, позволяю себе говорить всякие гадости о начальстве, и вообще я паразит, срамная вошь, самое типичное ничтожество. Шпионит за мной, наводит справки, обыскивает мои карманы, ворует у меня деньги, вскрывает мои письма, словом, выкидывает номера, способные потрепать даже самые крепкие нервы. Вначале я пытался её успокоить, потом писал ей письма, просил её прекратить эти выходки хотя бы ради ребёнка, вести себя хотя бы так, чтобы он этого не видел и не слышал, потом мы опять здорово подрались, все так и летало по воздуху, мы оба — и она и я — ходили к докторам за справками о полученных телесных повреждениях, оба обращались за помощью к своим адвокатам, оба подали заявление о разводе, по крайней мере, вручили эти заявления своим адвокатам, которым были нужны еще некоторые дополнительные объяснения, «некоторые юридически релевантные сведения». Нам обоим казалось странным, что мы еще живем вместе.

Несколько раз в жизни мне приходилось ссориться — а кто из нас никогда не ссорился? — но до таких (или хотя бы подобных им) оскорблений дело не доходило. Никто на свете так меня не упрекал, никто не говорил со мной столь

вызывающе, всем известно, что не такой я уж слабак и что меня лучше не обижать. И как же я угодил в это болото, в котором я сам себе ненавистен?! Кретин! Идиот! Извращенец! Вошь! Свинья! Кто может спокойно глотать такие оскорбления? Только тот, кто не уважает самого себя. Она хочет спровоцировать меня на какой-нибудь необдуманный поступок, чтобы иметь повод для развода по моей вине, — сообщила мне её «хорошая» подруга. Адвокат спокойно и деловито советовал мне выселиться из дома. Куда? Вам нужно купить себе квартиру. Прекрасно! Господин адвокат, не можете ли вы одолжить мне тридцать—пятьдесят миллионов? Покинуть дом, приобретенный с таким трудом, за который мне предстоит выплачивать кредит еще много лет? Суть в том, сказал он, что дела обстоят следующим образом: вероятность того, что ребёнка отдадут вам, крайне мала, а тот, кто получает ребенка, вместе с ним получает и жилье. К тому же нынешний год — это всемирный год женщин. Вероятно, все это известно и ей, иначе бы она не говорила с такой легкостью: Если тебе здесь не нравится, пакуй свои вещички и убирайся. Она не вложила ни одного динара в наше хозяйство, мебель и бытовую технику приобрел я, я взял кредит для покупки домика, я же его выплачиваю. Она вложила в это «свои самые лучшие годы», а согласно закону «все приобретенное в браке имущество поровну делится между супругами».

Игра идет без правил, выигрыш заранее определен, по сути дела, выиграть может только она. Игра стала напряженной — вопрос состоит в том, чьи нервы выдержат это напряжение. Если я её ударю, она кинется к телефону, требуя защиты. Если я очень сильно рассержусь, она попытается отправить меня в психушку. Она уверена в том, что я её не убью. Следовательно, проиграть эту игру она не может? В год женщин? Почему люди больше не приходят в этот дом? Она отвечает: из-за тебя! Знаешь, что сказал один человек, который очень хорошо тебя знает, даже очень-очень хорошо? Хочешь узнать? И снова начинаются жалобы, повторения известных ругательств, к ним добавляется какое-нибудь новое (кажется, это называется эскалацией вооруженной агрессии). Он сказал, что ты сумасшедший, что тебе нужно в психиатрическую больницу. Она говорит, что с удовольствием убила бы меня, зарезала ножом, отравила, застрелила, но вот только не хочет попасть в тюрьму из-за такой свиньи. Все это выслушивает десятилетний Томаж, иногда он горько плачет.

Нужно что-то предпринять, нужно что-то предпринять, уговариваю себя я во время своих метаний по квартире. Ребенок является жертвой. Мы с Лидой, каждый из нас, являемся жертвой и палачом в одном лице, мы оба предельно обезчеловечены, оба вырвали свои корни из семейной ячейки, оба разрушили себя. Развод состоится, но он, пожалуй, ничего не изменит. Скорее всего, мы и после него будем обвинять друг друга в оскорблениях и ущемлении прав. Война будет продолжаться до бесконечности, пока у одного из нас не сдадут нервы и он не совершит какую-нибудь еще БОльшую глупость.

Дьявольская субботняя ночь. Если те, кому ты доверяешь, говорят, что ты хороший человек, ты со временем становишься лучше. А если кому-то долго внушают, что он очень скверный субъект, он со временем становится хуже. Так и я превращаюсь в кого-то, кем я никогда не был и никогда не буду, в кого-то уже непохожего на человека, пока еще не в свинью, не в идиота, не в срамную вошь, но все-таки в очень неприятное существо, готовое и защищаться, и нападать. Вот во что могут превратить чувствительного человека фразы и обороты, употребляемые всяким сбродом, если эти мерзкие выражения повторяются непрерывно, суггестивно, громко, безостановочно, и все это усиливается даже тогда, когда хуже и быть не может. Смешаешься с отрубями — свиньи тебя сожрут.

В один субботний вечер ты достаиваешься плевка, а откуда-то из-под потолка раздаются слова: ты ничего не стоишь, негодяй, напрасно ты думал, что воспитал в себе характер, все твоё прошлое утонуло в ничтожно малом плевке: этот плевко и является твоей планетой. Если бы это было неправдой, ты бы боролся, доказывал, как обстоят дела на самом деле, ты бы возмущался. Черт побери, в конце концов, ты живешь в правовом государстве. Не так ли?

Женщина, обесчеловечившая тебя, лишившая души и имущества, лежит на удобной французской кровати, под пуховым одеялом, которое ты купил, чтобы доставить ей удовольствие, и при свете твоей лампы читает: «Она слышала, как он садится в машину, как захлопывает дверцу. Слышала, как он опустил стекло. Слышала скрип металла и хриплый голос: «Прощай, Маура». Затем выстрел, вспышка и второй выстрел. Потом хрип...». Она одета в мягкую белую пижаму, в одной руке держит маленькую книжицу, в которой люди убивают друг друга, где находится её другая рука, я не знаю. Это существо стоит на так называемой моральной высоте настолько высоко, что награждает полезных для себя людей положительными характеристиками, а тех, кто может причинить ей вред, наказывает отвращением. И никто не может оспорить её оценку. За дом платит какой-то кретин, он же каждый месяц оплачивает паровое отопление, электричество и прочие коммунальные услуги. Если кретина нет дома, это светлое создание говорит пришедшему инкассатору: Мужа нет дома. Зайдите, пожалуйста, в другой раз. Она очень любит покупать на платья дорогие ткани и шьет свои костюмы и пальто у самых дорогих портных. Для её полного счастья и свободы не хватает только одного: чтобы я, идиот, переселился в какую-нибудь гостиницу и посылал переводы для оплаты счетов по почте (с округлением суммы в пользу получателя), добавив к этим деньгам сто тысяч алиментов. А я, бесстыдная срамная вошь, никак не хочу этого понять. Трава вырастет до положенной ей высоты, орешник — до своей, сосна — до своей. А моя возлюбленная перерастает все возможные нормы, все человеческие высоты, все границы своего времени; у неё существует свой социализм и она движется по пути создания собственного земного рая. Даже для спаниеля,

сучки по имени Дорис, еду покупаю я, но кормит её Лида и собака испытывает к Лиде гораздо более нежные чувства, чем ко мне. Если я переселюсь в гостиницу, придется — само собой разумеется — заказывать для несчастной шавки корм с доставкой на дом, дабы меня не обвинили в гнусном свинстве еще и поэтому поводу.

Я теряюсь в мелких мыслях и представлениях, теряюсь в бессмысленных словосочетаниях, хожу, сажусь, встаю, хожу. Если ложусь, желая поспать, какая-то непонятная сила через некоторое время заставляет меня подняться, и я снова затягиваюсь отвратительной обжигающей сигаретой, и все начинается сначала. Меня снова охватывает злоба, на меня снова наваливается отчаяние, меня трясет от сознания собственного бессилия, и я снова убеждаю себя: Хватит, надо что-то предпринять. Нет ничего удивительного в том, что я её ненавижу. Но ненависть должна стать стимулом действия — нападения или защиты. А что делаю я? Жалуюсь самому себе. Иногда поплачусь Франци или Приможу. Когда в прошлый раз Франци был у нас в гостях и слышал, как мы с Лидой разговариваем, он вздохнул: О, несчастные люди... О, несчастные люди. В его глазах я прочел, насколько глубоко он в этом убежден. У нас есть армия, есть полиция, есть суды, есть комитет по рассмотрению жалоб, но нет комитета для решения семейных «недоразумений». У нас есть идеи справедливости, гуманности, прогресса, совершенствования, теории о человеческих взаимоотношениях, учреждения по планированию семьи, у нас есть все, что относится к сфере цивилизации. Но к решению внутрисемейных проблем это не относится. У нас ведь есть на этот счет определенные слова и выражения, но мы их не слышим. И на просьбу «ты все-таки подумай» получаем в ответ «идиот!». У нас есть книги, но мы их не читаем. Музыка слушаем только легкую, развлекательную. В театр ходим все реже. Социальных работников «благополучные» семьи не интересуют. Психиатры выше головы заняты более важными проблемами, с которыми никак не могут справиться, ведь им не под силу вылечить алкоголиков и наркоманов. А мы читаем гороскопы, перелистываем журналы, ходим в кино. Иногда выбираемся на природу, чтобы и там оставить следы своего свинства. Боги покинули эту планету, дьявол собирает богатый урожай. Приближается день Страшного суда. Всемирный потоп? Да нет, ничего не наступает, уже наступило. Каждый день что-то уходит, но мы не знаем, что? Может быть, я действительно ни на что не гожусь. Впрочем — думаю я — в этот момент, если бы я кому-то позвонил и мне ответил чей-то смеющийся голос и пригласил немедленно приехать... Но меня никуда не тянет. И я не знаю человека, который бы обрадовался моему звонку и сказал: Конечно-конечно, немедленно садись в тачку и приезжай: ты понятия не имеешь, как у нас весело!

Недавно я прочитал, что у Шекспира счастливы только ремесленники, крестьяне и небогатые люди. Я верю автору, когда он пишет о драматурге. Но не

верю, что счастье состоит в том, чтобы принадлежать к слою неимущих. Ремесленник страдает от налогов, крестьяне — от плохой продажи товаров, бедняки — от желания улучшить свое положение. Даже если нам кажется, что мы ни в чем не нуждаемся, мы все равно смотрим на тех, кто стоит выше нас, читаем и говорим о людях, которые живут на более широкую ногу, и задаем себе вопрос: а почему у нас этого нет? Лида говорит, что она несчастна. И что в этом несчастье виноват я. Если я дам ей десять тысяч, она будет несчастна, что не дал двадцать, дам пятьдесят — будет злиться, что не дал сто и так далее, и так далее, до самого острова Скорпио, принадлежащего Онассису. Впрочем, все это только словесные формулировки, в которых я воплотил свои сердитые размышления, по сути дела — ничего не стоящие формулировки и, прежде всего, ненужные, если задать вопрос: кому и какая от них польза? Есть на свете люди, которые за один день зарабатывают столько, сколько я за всю свою жизнь. Они что, счастливы от этого? Какой идиотский вопрос!

Деньги — это всего-навсего своеобразный мотор, большой или маленький, при правильном употреблении он дает хорошие результаты, при неверном — плохие. В конце концов, мне это стало ясно. Не слишком большой, но все-таки результат.

Нет. Все это пустое место, ноль без палочки, получившийся в результате скрещивания нервозности с бегством от повседневности. Главное — это что-то совсем другое, но я не знаю, что. У него нет названия. Оно не упомянуто в путеводителях. О нем никто ничего не сказал. Я догадываюсь об этом, но не знаю.

Да и ищу ли я вообще? Не знаю. Расхаживая, глядя перед собой, делаю вид, что думаю. А на самом деле? Что если Лида инстинктивно чувствует правду: что я дурак, злыдень и даже псих? Может быть, дело обстоит не совсем так, как видит его она. Но ведь нормальные люди не попадают в западню к дьяволу, в результате чего не могут ни жить, ни умереть, ни бодрствовать, ни спать, ни сидеть, ни лежать, ни думать, ни жить бездумно, ни ненавидеть, ни любить по-настоящему, ни жить будущим, ни быть здесь и сейчас... и не знать, куда идти дальше? Не уметь ни проклинать, ни молиться, ни спросить, ни дать какой-либо совет, ничего, ничего, ничего.

Игра с хвостом дьявола

Translated by Aleksandra Krasovets

Contact of the translator: aleksandrakrasovec@yahoo.com, aestas@yandex.ru

Начинать очень тяжело. Человек хочет сказать сразу слишком много всего, как говорится, все в одной фразе. К счастью для него, какими должны быть первые слова, он не знает, вынужден поразмыслить и выделить из запутанного комка то, что называется нить. Не с сотворения же мира начинать разговор. Я не молюсь перед едой, нецензурно выражаюсь только за рулем, у меня отсутствует целый ряд привычек моих сверстников, хотя в социалистической системе я и принадлежу к среднему классу.

Я было сперва подумал описать себе самому самого себя.

К черту такое занятие! О себе я наилучшего и наихудшего мнения, с какого предлагаете начать?

Я решил набросать то, что не идет у меня из головы, вертится назойливыми мыслями, будто бы было заснято на пленку, то, что она сказала мне вчера вечером, прежде чем скрылась в спальне: я банальный развратник, бесхребетная размазня, создание, не способное на малейшие чувства, подлейшая из душ, чудовище, слабак, сволочь, лишенная элементарных основ культуры, неотесанная деревенщина и идиот. И не мешало бы мне уже посмотреть на себя в зеркало. Здесь можно начать, точнее — здесь я должен начать, иначе это все продолжало бы без остановки трещать у меня в мозгу, заглушив все прочие мысли и воспоминания. В сексуальном плане я банальный пошляк, иначе чем еще можно объяснить мой нездоровый интерес к женским задницам. Характера у меня нет, так как я мог бы посвящать гораздо больше времени своей несчастной семье и уделять больше внимания ребенку. Все чувства у меня напрочь отсутствуют, если бы во мне было хоть что-то, то я бы знал, как ей тяжело. Я подлая душа, невыносимый садист. Мерзкий тип, мои друзья и знакомые очень хорошо меня знают и никто меня не любит, кончу я плохо и сам в этом рано или поздно убежусь. Вся моя молодость пошла псу под хвост, и теперь что у меня за жизнь? Как у гнусного паразита. Даже ребенок весь изнервничался из-за меня. Все это она еще хорошенько обосновала, стоя у дверей, прежде чем плюнуть в мою сторону, воскликнуть «фу!», и — так как я начал потихоньку вставать — сбежала в свою комнату, где затем до четырех утра читала детектив за три динара, тот самый в мягком переплете, на обложке которого цветная картинка с изображением злоумышленника с револьвером в руке (направлен на обнаженную пышноволосяную женщину), а на обратной стороне надпись на сербо-хорватском гласит: «Беспошлинная продажа разрешена постановлением номер 2935/2–1973 от 26.XI.1973 Секретариата по образованию, культуре и спорту Союзной Республики Хорватия». Я же при этом

пялился в телевизор, понятия не имею, на что. После чего ходил из стороны в сторону по гостиной и курил сигарету за сигаретой. Это было вчера вечером, в субботу. Я проглотил два валидола, которые действовали крайне медленно или вовсе не действовали. С неприятным чувством я поймал себя на том, что хожу в прихожую смотреть на себя в зеркало. Все в моем теле было охвачено легкой дрожью, кишечник, нервная система, еще и легкие, как мне казалось, голова раскалывалась от тупой боли, я был потерян в существовании без смысла и каких-либо возможностей, когда невозможно ни спать, ни лежать, ни ходить, ни сбежать из квартиры, ни работать, ни читать, абсолютно ничего меня не интересовало на этом свете, все стало чужим, отошедшим в прошлое, нереальным, далеким, непонятным. В голове тупая пустота, солома, пыль, рассыпающаяся при любом движении и распространяющая мелкую, пульсирующую боль, кочующую с места на место: сейчас больше болит затылок, а теперь ближе к вискам, затем темя, скоро заболит ухо и весь глаз — невралгия. В желудке слабое, но неприятное ощущение тошноты, из-за которого не можешь ни есть, ни пить. Во всех членах усталость. Небольшой, но всеобщий кризис всего, чем я являюсь. Нет такого положения, в котором мое тело могло бы хоть на секунду отдохнуть. Я пробовал сесть, улечься на диван, облокотиться на открытые двери, выходящие в цветущий сад, но что-то все равно меня поднимало и заставляло бродить туда-сюда по комнате. Хотя от никотина у меня уже жгло во рту, я продолжал прикуривать сигарету за сигаретой, чисто автоматически и с отвращением.

Когда несколько лет назад она впервые сказала мне «кретин», во мне что-то сорвалось и я, не раздумывая, влепил ей пощечину, достаточно сильно и звучно. Несколько дней мы были в обиде, но потом помирились, и я шептал ей что-то на ухо, она что-то отвечала, я понял только половину, и все уладилось, все выглядело даже так, будто мы понимаем друг друга лучше, чем прежде. Когда в следующий раз она мне сказала нечто подобное, я поставил ей синяк под глазом, мы подрались, она меня укусила и сильно поцарапала, наша ссора продолжалась еще дольше, полные ненависти, мы бросали друг на друга злобные взгляды. В гости пришли друзья, и — странное дело — мы оба удивлялись, с какой легкостью мы говорим о нашем бое быков. Когда гости ушли, в воздухе осталось витать хорошее настроение, сблизившее нас. Когда начался этот уничижительный период? И как я мог выслушивать целые тирады ругательств и оскорблений? Или же к этому человек даже может привыкнуть? И куда все это ведет?

Более месяца тому назад она мне заявила, что подала на развод. «Хорошо, — сказал я, — как хочешь». «Может, поговорим, прежде чем идти в суд», — спросила она. «Нет, зачем, обо всем поговорим там». Потом ничего не было. Мой адвокат мне сообщил, что в суд никаких таких заявлений не поступало. Я спросил ее, что и как. «Если еще не подала, то подаст», — ответила она.

Перед глазами у меня встает ее бешеный взгляд, гримаса на ее лице, когда она плюнула, это была самая настоящая смертельная ненависть. Ее хрипкий и гнусавый голос. Это мой близкий человек, моя жена, мать моего ребенка, моя милая и дорогая, часть моей жизни, один из столпов нашего дома. На самом же деле она мой злейший, смертельный враг, худшего врага у меня в жизни не было. Со всеми меня обсуждает. Все счета оплачиваю я, она же всем рассказывает, какой я скряга. Повсюду собирает малейшие комментарии и мне передает. Знакомым, на работе, соседям рассказывает, какой я надоедливый, нудный, язвительный, жестокий и жадный, какой я плохой отец и ужасный муж, как я разрушаю ее жизнь. Шепчет, говорит, кричит, какой я плохой, на каждое мое слово она отвечает с величайшей неприязнью и цинизмом, в любом ее наименьшем замечании скрывается отравленная стрела. Не готовит, не убирается, только и фантазирует, как я отказываюсь свозить ее в Грецию или Испанию, она бы и на Канарские острова или на Багамы не отказалась слетать, а я, свинья, торчу дома и делаю ее жизнь невыносимой. Ночью всплывают в памяти ее яростные, желчные, упрекающие и навязчивые слова, звучащие как окончательный приговор ничему не стоящему типу, которого я из себя представляю. «Ты отравил лучшие годы моей жизни», — это еще самое нежное обвинение. Второй такой подлой твари нет во всем мире. Кретин, идиот, сволочь. На работе я безответственный, безалаберный, как я еще позволяю себе что-то говорить о шефе, паразит, гнида, обычное человеческое ничтожество. Следит за мной, шпионит, роется в моих карманах, крадет у меня деньги, вскрывает письма, делает все, что может расшатать даже самые крепкие нервы. Сперва я пытался ее убедить, затем я стал писать ей длинные послания, чтобы она перестала делать это хотя бы ради ребенка или хотя бы в его присутствии. Потом мы опять шумно подрались, все летело в воздух, мы оба шли к врачу для освидетельствования травм, каждый кинулся к своему адвокату, оба подали на развод, хотя бы у адвокатов, которым требовались еще некоторые пояснения, «некоторые сведения, существенные с юридической точки зрения». Нам обоим казалось странным, что мы все еще живем вместе.

У меня в жизни было несколько мелких ссор — у кого их нет — но до таких оскорблений (или хотя бы подобных) дело не доходило. Никто в мире никогда еще меня так не унижал, никто еще меня так низко не провоцировал. Не совсем уж я беззащитный, но и непробиваемым меня не назовешь. И как это я завяз в этом болоте, став сам себе противен? Кретин! Идиот! Негодяй! Гнида! Свинья! Кто добровольно жрет такую пищу? Только тот, кто не уважает самого себя. Она хотела бы спровоцировать меня на какой-нибудь необдуманный поступок, чтобы у нее был более веский повод для развода по моей вине, доверилась мне как-то ее «хорошая» подруга. Адвокат же мне с должным спокойствием и серьезностью посоветовал переехать жить в другое место. Куда? Я должен купить себе квартиру. Отлично. Господин адвокат, не дадите-ли мне займы

миллионов тридцать-пятьдесят? Чтобы я оставил дом, который с большим трудом заполучил и кредит за который буду выплачивать еще не один год? «Ситуация такова, — сказал он, — существует очень небольшая вероятность того, что вам удастся получить опеку над ребенком. Тот, с кем остается ребенок, тот остается и в квартире. К тому же сейчас год женщин». По всей вероятности она все это хорошо знает, иначе не говорила бы с такой легкостью: «Собирай свои монатки и сваливай, если тебя что-то не устраивает». Она ни копейки не дала на это наше общее имущество, мебель и бытовую технику — я все купил сам, я сам взял кредит на дом, сам его выплачиваю. Она же отдала «лучшие годы своей жизни», и таким образом действует правило: «нажитое в браке делится ровно поровну».

Игра без правил, прибыль же односторонняя, получить ее может только она. Игра самая что ни на есть напряженная, вопрос лишь в том, чьи нервы сдадут первыми. Если я ее ударю, то она пойдет звонить, просить о защите. Если я сильно разозлюсь, она попытается упечь меня в психушку. Она уверена, что я ее не убью. И как в таком случае она может проиграть? В год женщин? «Почему к нам больше никто не приходит? — говорит, — Из-за тебя! Знаешь, что мне сказал кто-то, кто тебя очень хорошо знает, даже очень-очень хорошо знает? Хочешь знать?» И снова тирады, повторение уже известных ругательств, и еще одно новое, всегда появляется еще какое-нибудь новое (в эскалации войны, как говорится): «Ты псих, — сказал он, — ты должен сидеть в сумасшедшем доме». Вдобавок ко всему она говорит, что с удовольствием бы меня убила, заколола ножом, отравила, застрелила, но из-за такой свиньи, как я, в тюрьму садиться не стоит. Десятилетний Томаж все это слушает и иногда горько плачет.

«Нужно что-то делать, нужно что-то делать», — говорю себе, ходя из стороны в сторону. Ребенок — жертва. Мы же с Лидой оба и жертва, и палач в одном лице, оба пали ниже некуда, выдернули друг друга с корнем из семьи, разрушили друг друга. Развод скорее всего теперь будет, но кардинально уже ничего не изменит. Очевидно мы и дальше сможем продолжать судиться из-за оскорблений и ограничения прав. Война нервов будет длиться бесконечно, пока один из нас не сорвется и не натворит какую-нибудь более серьезную глупость.

Чертова субботняя ночь. Если люди кому-то доверяют и говорят ему добрые слова, этот человек становится все лучше. Если кому-то длительное время говорят, что он мерзавец, то тот может быть только хуже и хуже. Так я становлюсь тем, чем никогда не был и никогда не буду, кем-то, уже не похожим на человека, еще не свинья, не идиот, не лобковая вошь, но уже нечто неприятное, запуганное и агрессивное. Что может сделать с чувствительным человеком словарь сброда, если омерзительные фразы повторяются без остановки, внушительно, громко, сплошным потоком, и все это нарастает даже тогда, когда уже хуже вроде и быть не может. Ты смешался с отрубями — и свиньи тебя сожрут.

В один субботний вечер ты наступишь на плевок, а откуда-то из-под потолка будет раздаваться голос: ты ничего не стоишь, отбросок, напрасно ты думаешь, что что-то из себя представляешь, все твое прошлое потонуло в маленьком плевке, этот плевок и есть твоя планета. Если бы это было не так, ты бы боролся, отстаивал свою правоту, негодовал. К черту, в конце концов ты живешь в правовой стране. Где?

Та, что убила во мне человека, лишила души и земли под ногами, лежит в большой удобной двуспальной кровати с пуховыми подушками, которые ты ей купил, чтобы ей было комфортно, и под твоей лампой читает на сербо-хорватском: «Она слышала, как он залез в машину, как закрыл дверь. Слышала, как он открыл окно. Слышала визг металла и хриплый голос: „С богом, Маура“». Затем выстрел, свет, и второй выстрел. Потом хрип...». Она лежит в мягкой белой пижаме и держит в одной руке небольшую книжку, в которой люди убивают друг друга, вторая ее рука лежит бог знает где. Это существо витает где-то высоко, на так называемой высоте моральных принципов, на основании которых она в праве присваивать угодным ей людям звание хороших, неугодных же — наказывать презрением. И никто ничего не может против ее оценки. Кредит на дом выплачивает один кретин, тот же самый каждый месяц платит за центральное отопление, электричество и далее по всем счетам. Если кретина не будет дома, когда придут за оплатой, это светлое создание скажет: «Мужа нет дома, приходите в другой раз». Сама же она любит покупать самые дорогие ткани и шьет себе костюмы и пальто у самых дорогих портных. Для ее полного счастья и свободы не хватает лишь, чтобы я, идиот, поселился бы лучше в каком-нибудь отеле и деньги на текущие расходы посылал по почте, солидно округлив сумму и добавив еще пару тысяч на ребенка. Я же, бессовестная гнида, никак не хочу этого понять. Трава растет до положенной ей высоты, кустарники и деревья — до положенной им. Моя любимая же перерастает все возможные нормы, превышает все человеческие высоты, а также переходит границы своего времени, у нее действительно свой социализм, и она находится на пути в земной рай. Для спаниелихи по кличке Дорис еду покупаю я, а кормит ее Лида, само собой собака питает куда более нежные чувства к Лиде, чем ко мне. Если я уеду жить в гостиницу, то моим моральным долгом будет посылать еду для бедного песика, чтобы и здесь не оказаться полной свиньей.

Я теряюсь в своих мелких мыслях и всплывающих образах, теряюсь в бессмысленных словосочетаниях, хожу, сижу, встаю, хожу. Если я лягу спать, то через некоторое время меня опять что-то поднимет, я опять прикурю отвратительную сигарету, и все начнется заново. Меня снова будет переполнять гнев, нахлынет чувство безнадежности, будет трясина ощущение беспомощности, я снова буду повторять: «Хм, что-то нужно предпринять?» Ненависть к ней — нечто абсолютно естественное. А ненависть ведет к действию, нападению или

защите. А что делаю я? Жалуюсь сам себе. Время от времени поплачусь Францию и Приможу. В последний раз, когда Примож был у нас и слушал, как мы с Лидой общаемся, то не переставал вздыхать: «О, несчастные люди... о, несчастные люди». В его глазах я прочел, насколько глубоко всерьез он это говорит. У нас есть армия, полиция, суды, инстанции, куда можно подать жалобу. Но не для решения семейных «недоразумений». У нас есть идеи справедливости, гуманности, прогресса, теории о человеческих отношениях, институты планирования брака, представление о том, что такое культура. Но не для урегулирования внутренних семейных дел. У нас даже есть слова, но они глухие. На слово «подумай» обрушивается слово «идиот!» У нас есть книги, но мы их не читаем. Музыка слушаем только легкую и развлекательную. В театре бываем редко. Социальные работники «благополучными» семьями не занимаются. Психиатры с наиболее серьезными случаями не могут справиться, не знают что им делать с одними только алкоголиками и наркоманами. Читаем гороскопы, листаем журналы, ходим в кино. Иногда отправляемся на природу, чтобы ее загадить. Боги оставили эту планету, черт пожинает богатый урожай. Близится судный день. Вселенский потоп? Нет, нет, ничего не близится, он уже здесь. Каждый день что-то уходит, и мы не знаем, что? Может и правда я ничего не стою. Иначе, поразмыслив, я бы что-нибудь вспомнил, возможно, кому-нибудь бы позвонил, где-нибудь бы мне ответил смеющийся голос и в ту же минуту пригласил бы прийти к нему. Меня же никуда не тянет. И я не знаю такого человека, который бы мне обрадовался и сказал: «Конечно, черт подери, давай быстро в машину и приезжай, ты не представляешь, как у нас весело!»

Недавно я прочитал, что у Шекспира счастливы лишь ремесленники, крестьяне и неимущие маленькие люди. Я верю критику, знатоку творчества драматурга. Но не верю, чтобы счастье принадлежало неимущему слою. По ремесленнику ударяет налог, по крестьянину — плохая продажа урожая, а неимущего гложет тоска по улучшению его положения. У меня же есть ровно столько, чтобы мы ни в чем не нуждались, но мы все равно продолжаем засматриваться наверх, читаем и говорим о людях, которые живут на более широкую ногу, и заявляем: «А мы почему нет»? Лида говорит, что несчастна. В ее несчастье виноват я. Если я ей дам десять тысяч, она несчастна, так как я не дал ей двадцать, если я дам ей пятьдесят, она будет возмущаться, почему я не дал ей сто, и так далее до самого острова Скорпиос Аристотеля Онассиса. А в общем-то это всего-навсего фразы, в которые я поймал свои злобные мысли, ничего на самом деле не стоящие формулы, а главное никому не нужные, иначе какая от них польза? Есть люди, которые за один день зарабатывают столько, сколько я за всю свою жизнь. И что они счастливы от этого? Какой идиотский вопрос. Деньги — это своего рода двигатель, большой или маленький, правильно использованные деньги дают хорошие плоды, а

бездарно растраченные — плохие. Хотя это в конце концов мне стало ясно. Пусть немного, но уже что-то.

Нет. Все это полная чепуха, абсолютный ноль — смесь нервозности и бега от повседневности. Главное заключается в чем-то другом, но я не знаю, в чем. У него нет названия. Ни указателя. Никто не говорит об этом. Я предчувствую, но не знаю наверняка.

Ищу ли я вообще? Не знаю. Я хожу и смотрю перед собой, делаю вид, что думаю. Но что это? А вдруг Лида чисто интуитивно права, что я дурак, подлец, даже сумасшедший? Возможно, не совсем так, как она меня видит. Но нормальные люди не попадают в такие дьявольские сети, что не могут ни жить, ни умереть, ни бодрствовать, ни спать, ни сидеть, ни лежать, ни думать, ни быть без мыслей, ни ненавидеть до самой глубины души, ни любить, не зная, как быть дальше — не уметь быть здесь и сейчас — и не зная, куда теперь? Не уметь ни проклинать, ни молиться, не способные ни на какой совет, ничего, ничего, ничего.

Игра с чертовым хвостом

Translated by Nadežda Starikova

Contact of the translator: nstarikov@mail.ru, nstarikova2009@yandex.ru

Очень трудно начать. Человек хочет в первой же фразе все рассказать. К счастью, он не знает, с чего начать, он должен подумать и найти в своем внутреннем хаосе то, что будет его вести, свою путеводную нить. Невозможно начать с сотворения мира. Я не читаю молитву перед трапезой, ругаюсь как шоферюга, не имею многих современных привычек, хотя и принадлежу к среднему слою нашего социалистического общества.

И я подумал: напишу-ка о самом себе.

К черту условности! Я себя знаю и с худшей, и с лучшей стороны, с какой же начать?

Напишу-ка я о том, что не выходит у меня из головы, вертится в ней, будто записано на кассету, то, что она сказала мне вчера вечером, прежде чем унеслась спать, что я обычный извращенец, тварь, не способная на чувства, низкая душа, чудовище, тряпка, грязная свинья, идиот одноклеточный. Посмотри на себя в зеркало! Вот отсюда и начну - должен начать, иначе все это будет постоянно звучать в голове, перекрывая все другие мысли и воспоминания. Сексуально я развращен, иначе меня так не интересовала бы женские задницы. Не будь я таким слабаком, я больше занимался бы своей несчастной семьей и ребенком. Чувств у меня нет никаких – если бы были, я бы видел, как она страдает. Я низкая душа, несносный садист. Невозможный человек, друзья и знакомые меня не любят, - вот увидишь, чем это кончится. Вся моя молодость была растрочена зря, как я только вообще живу? Как паразит. Ребенок из-за меня весь на нервах. Все это она излагала со знанием дела, стоя в дверях, потом плюнула на меня, крикнула «фу», и так как я начал медленно подниматься, юркнула в свою комнату, где до четырех утра читала детектив за три копейки, такой, в мягкой обложке с яркой картинкой бандита с револьвером в руке (целится в обнаженную женщину с красивыми волосами), сзади надпись «Беспощинная продажа разрешена постановлением Республиканского секретариата по делам образования, культуры и спорта Социалистической республики Хорватии номер 2935/2-1973 от 26. XI. 1073». А я, не знаю зачем, тупо смотрел на телевизионную заставку. Потом слонялся по гостиной и смолил сигарету за сигаретой. Это было вчера вечером, в субботу. Проглотил две таблетки болеутоляющего, которые почти не подействовали. С досадой поймал себя на том, что часто подхожу к зеркалу в передней. Внутри все мелко дрожало, кажется, даже легкие, бил озноб, голова тупо болела, я потерял себя, жизнь потеряла смысл и цель, было невозможно ни спать, ни лежать, ни ходить, ни бежать из дома, ни работать, ни читать, вообще ничего на этом мире меня не интересовало, все стало чужим, минувшим нереальным,

отдаленным, непонятным. В голове полная пустота, опилки, пыль, рассыпающаяся при любом движении и разносящая слабую, пульсирующую, ноющую, разлитую боль: то сильнее болит затылок, теперь у виска, потом темя, ухо, даже глаз - невралгия. В желудке небольшая, но неприятная слабость, из-за которой не можешь ни пить, ни есть. В членах усталость, чувствую, что разваливаюсь. Что-то все время давит. Нет положения, при котором можно на мгновение расслабиться. Я попробовал сесть, прилег на диван, прислонился к открытой двери, обращенной в сад, но меня подхватило и завертело туда-сюда по комнате. И хотя от никотина уже жгло губы, автоматически и с отвращением я прикуривал сигарету за сигаретой.

Когда несколько лет назад она впервые назвала меня кретинком, я вспылил и без раздумий дал ей оплеуху, довольно увесистую и звучную. Несколько дней мы дулись друг на друга, потом помирились, я шептал ей что-то на ухо, она отвечала, слова я понимал наполовину, постепенно все улеглось, казалось, мы даже понимаем друг друга лучше, чем раньше. Когда она второй раз сказала мне что-то подобное, я поставил ей фингал под глазом, мы сцепились, она поцарапала и покусала меня, и мы долгое время были в ссоре, смотрели друг на друга косо как враги. Пришли в гости друзья, и мы были удивлены, как неожиданно легко оба заговорили о нашей корриде. Когда визит был закончен, в воздухе остался шлейф хорошего настроения, который нас сблизил. Когда же начался этот разрушительный период? Как я вообще мог слушать этот град причитаний и жалоб? И может ли человек вообще к этому привыкнуть? И к чему это приведет?

Больше месяца назад она мне заявила, что подала на развод. Я сказал, хорошо, как хочешь. Она спросила, надо ли обсудить все до суда. Нет, зачем, там и поговорим. За этим ничего не последовало. Мой адвокат сказал, что никакого заявления не подано. Я поинтересовался, почему. Не подано, так будет, ответила она.

У меня не выходил из головы ее дикий взгляд, ее искаженное лицо, когда она плевалась, это была настоящая смертельная вражда. Ее хриплый, гнусавый голос. И это мой человек, моя жена, мать моего ребенка, моя милая и дорогая возлюбленная, часть моей жизни, основа нашего дома. А на деле мой самый лютей враг, хуже которого у меня в жизни не было. Она везде клеветает на меня. Все счета я оплачиваю сам, а она рассказывает всем, какой я жлоб. Собирает разные комментарии и приносит их в дом. Знакомым, на работе, соседям рассказывает, какой я надоедливый, скучный, злой, деспотичный и жадный, какой плохой отец и невозможный супруг, как я разрушаю ее жизнь. Шепчет, говорит, кричит, какая я сволочь, на каждое мое слово отвечает язвительно, с циничной злобой, в любом ее замечании скрывается ядовитый укол. Не готовит, не убирает, бредит тем, что я, свинья, якобы, не хочу повезти ее в Грецию или Испанию (Канары или Багамы тоже подойдут), торчу дома и делаю ее жизнь невыносимой. Ночью я вспоминаю ее злые, дикие, задевающие

упреки, звучащие как окончательный приговор ничтожеству – то есть мне. «Ты погубил лучшие годы моей жизни», - вот самая нежная жалоба. Другого такого выродка на свете нет. Кретин, идиот, сволочь. На работе я безответственный и невнимательный. А что я, паразит, гнида, ничтожество говорю о начальстве! Она шпионит за мной, следит, наводит справки, обыскивает мои карманы, крадет деньги, вскрывает письма, делает все, что может расстроить самые крепкие нервы. Сначала я пытался поговорить, потом исписывал листы бумаги, чтобы она перестала все это творить, хотя бы ради ребенка или при нем, потом мы снова шумно дрались, и все летело к черту, оба неслись к врачу за освидетельствованием, потом бросались к адвокатам, подавали на развод, адвокаты требовали новых объяснений, «юридически релевантной информации». И обоим казалось удивительным, что мы все еще живем вместе.

У меня было несколько конфликтов в жизни, – а у кого их не было, – но до таких оскорблений не доходило. Никто в мире так меня еще не ругал и не провоцировал, а ведь я, хоть и не беззащитен, тоже живой человек. Как же меня угораздило попасть в эту трясиину, где я сам себе противен? Кретин! Идиот! Придурок! Паразит! Козел! Кто спокойно все это проглотит? Тот, кто сам себя не уважает. Как мне призналась ее «лучшая» подруга, она жаждет спровоцировать меня на что-то необдуманное, чтобы иметь хороший повод развестись по моей вине. Адвокат спокойно и настоятельно посоветовал мне переехать. Куда? Купите себе квартиру. Отлично. Господин адвокат, можете дать мне займы миллионов тридцать-пятьдесят? Ага, я уйду из дома, который с таким трудом приобрел, и буду платить еще годы? Вообще-то, сказал он, есть небольшая вероятность, что вы получите ребенка, а тому, кто содержит ребенка, остается жилплощадь. И это все в год Женщины! Она это все тоже, наверняка, знает, а то не говорила бы с такой легкостью: «Выметайся, если тебе не нравится!». Она ни копейки не вложила в наше хозяйство, мебель и технику, я все покупал сам, сам взял кредит за дом, сам выплачиваю. Она отдала «свои лучшие годы», а по закону нажитое в браке делится пополам: пятьдесят на пятьдесят.

Игра без правил, единственный выигрыш может получить только она. Игра в одни ворота, весь вопрос в том, чьи нервы не выдержат. Если я ей врежу, она пойдет звонить, просить помощи. Если бесконтрольно разозлюсь, попробует запихнуть меня в психушку. Она уверена, что я не смогу ее убить. А как иначе не проиграть эту игру? В год Женщины? Почему люди больше не приходят к нам, из-за тебя, говорит. Знаешь, что мне сказал тот, кто тебя хорошо знает, очень хорошо? Хочешь знать? И опять град причитаний, ругань, очередные оскорбления, всегда появляется какое-нибудь новое (на войне как на войне), он сказал, что ты, псих, попадешь в дурдом. И добавляет, что с радостью бы меня убила,

пырнула ножом, отравила, застрелила, да неохота из-за такой свиньи в тюрьму садиться. Десятилетний Томаж все это слышит и горько плачет.

Надо что-то делать, надо что-то делать, повторяю я, шагая туда-сюда. Ребенок – жертва. И мы с Лидой оба – жертва и палач в одном лице, оба перестали быть людьми, оба вырваны из семейного гнезда, разрушили его. Развод, если и произойдет, ничего не изменит. Говорят, мы потом будем судиться из-за оскорблений и ограничения прав. Война нервов будет продолжаться, пока один не сорвется и не совершит какую-нибудь глупость.

Чертова субботняя ночь. Если люди в кого-то верят и говорят ему, что он хороший, он со временем становится лучше. Если все время называть кого-то плохим, он станет хуже. Так я становлюсь тем, кем никогда не был и не буду, каким-то недочеловеком, еще не свиньей, не идиотом, не гнидой, но кем-то неприятным, опасным и агрессивным. Вот что делает с восприимчивым человека язык сброда, когда отвратительные выражения повторяются громко, беспрепятственно, с внушением, и их градус только повышается. Тебя смешивают с отрубями и бросают на съедение свиньям.

Когда однажды в субботу вечером ты сидишь оплеванный буквально, откуда-то из-под потолка раздастся голос: ты больше ничего не стоишь, неудачник, думаешь, у тебя есть характер, все твое прошлое утонуло в маленьком плевке, он – твоя планета. Если это не так, ты бы ходил, доказывал, волновался. Черт возьми, в конце концов, ты живешь в правовом государстве. Где-где?

А та, которая расчеловечила меня, лишила души и опоры, валяется на комфортной квадратной французской кровати, на перинках, купленных мною, чтобы ей было хорошо, и при свете моей лампы читает: «Она слышала как он сел в машину, закрыл дверь. Слышала, как он открыл окно. Слышала скрежет металла и хриплый голос: "С богом. Маура". Потом выстрел, вспышка, еще один выстрел. Потом хрип...». Она лежит в мягкой белой пижаме, в одной руке – покетбук, в котором убивают людей, другая покоится бог знает где. Это существо находится на так называемом высоком моральном уровне, которым награждают себя корыстные люди, называющие себя добрыми, а на деле вредные, брызжущие отвращением. И никто ничего не может сделать с ее позицией. За дом платит какой-то кретин, он же ежемесячно оплачивает центральное отопление, электричество и все счета подряд. Если приходят за деньгами, когда кретина дома нет, это светлое существо говорит: мужа нет дома, приходите в другой раз. Сама же любит покупать хорошие ткани на платья, шьет костюмы и пальто у самых дорогих портных. Для полной свободы и счастья ей не хватало только чтобы я, идиот, поселился в какой-нибудь гостинице и оплачивал счета по почте, слегка округлив сумму в большую сторону, ну и еще сотню на ребенка. А я, бесстыдный паразит, не хочу этого

понять. Трава вырастает до своей высоты, орех – до своей, сосна – до своей. Моя любимая выше всех возможных норм, всех человеческих высот, преодолевая границы своего времени, она на пути в земной рай - у нее уже свой социализм. Для спаниелихи Дорис еду покупаю я, Лида ее кормит, и собака, конечно, любит хозяйку преданнее, чем меня. Если уеду жить в гостиницу, должен буду посылать еду домой бедному песику, чтобы и здесь не выглядеть свиньей.

Я запутался в отрывочных мыслях и воображаемых картинах, потерялся в бессмысленных словесах, хожу, сижу, стою, хожу. Только ложусь, чтобы заснуть, через мгновение снова вскакиваю, прикуриваю отвратительную сигарету, и все повторяется. Опять меня будет душить гнев, охватывать отчаянье, я буду дрожать от бессилия и повторять: Ну же, надо что-то решать. Я, и правда, ее ненавижу. А ненависть ведет к действию, нападению или защите. Как мне быть? Злюсь на себя. То и дело жалуюсь Францу или Приможу. Последний раз Франц был у нас в гостях, услышал, как мы с Лидой разговариваем и вздохнул: Бедные люди, ...бедные люди. В его глазах я прочитал, как глубоко он прав. У нас есть армия, полиция, суды, комитет по рассмотрению жалоб. Но только все эти инстанции не помогут решить семейные проблемы. У нас есть идеи справедливости, гуманности, прогресса, улучшения жизни, теории человеческих отношений, центры по планированию семьи, у нас есть все, что попадает под понятие «цивилизация». Но и это все не решает проблем в семье. У нас даже слова есть, но мы глухи. Вместо того, чтобы сказать «подумай», мы говорим «идиот». У нас есть книги, а мы их не читаем. Музыка слушаем только легкую и развлекательную. В театр ходим редко. Социальный работник не для «благополучных» семей. Психиатры заняты другими важными случаями, которые попадают к ним в руки, да и с алкоголиками и наркоманами справиться не могут. Мы читаем гороскопы, пролистываем наспех журналы, ходим в кино. Иногда ездим на природу, чтобы ее загадить. Боги ушли с этой планеты, дьявол пожирает богатый урожай. Грядет судный день. Вселенский потоп? Нет, ничего не грядет, все уже грянуло. Каждый день мы что-то теряем и не знаем что. Может быть, я и правда ни на что не гожусь. Но если бы я задумался, вспомнил, позвонил, а мне бы вдруг ответил смешливый голос и позвал к себе. Но меня никуда не тянет. И я не знаю человека, который бы обрадовался мне и сказал: пулей садись в машину и приезжай, ты не представляешь как нам весело!

Недавно я прочитал, что у Шекспира счастливы только ремесленники, крестьяне и бедный люд. Верю шекспироведу. Но не верю, что счастье в том, что принадлежишь к неимущему слою. Ремесленника давит налог, крестьянина - плохая реализация товара, неимущего – тоска по лучшей жизни. У меня есть ощущение своей правоты, мы ничуть не ошибаемся, если постоянно стремимся наверх читаем и говорим о людях, живущих значительно лучше нас, и

спрашиваем, почему они, а не мы? Лида утверждает, что несчастна. В ее несчастье виноват я. Если я дам ей столик, она несчастна, потому что не дал два, если пять, - зла, что не дал сто и так далее до острова Скорпиос, принадлежащего Онассису. Свои гневные размышления я облёк в эти словесные конструкции, на самом деле бессмысленные, ибо кому в них нужда, кому польза? Ведь есть люди, которые в день зарабатывают столько, сколько я за всю жизнь. Счастливы ли они от этого? Глупейший вопрос. Деньги, большие или малые, не что иное, как двигатель, если их использовать с умом, они дают хорошие плоды, если вложены плохо - плохие. В конце концов, это я понял. Немного, но хоть что-то.

Все это ноль, пустота, возникшая от соединения взвинченности и бегства от повседневности. Важно что-то другое, только не знаю что. Без названия. Без указателя. Никто об этом не говорит. Я догадываюсь, но не знаю.

Да и ищу ли я? Не знаю. Хожу и смотрю перед собой, делаю вид, что думаю. Что же это? Что, если Лида инстинктивно права, я, правда, придурок, злодей и даже псих? Пусть и не совсем такой, каким она меня видит. Но нормальные люди не попадают в такую дьявольскую западню, где не могут ни жить, ни умереть, ни бодрствовать, ни спать, ни сидеть, ни лежать, ни думать, ни бездумно прожигать жизнь, ни враждовать до конца, ни любить, они не могут двигаться вперед, не умеют быть здесь и сейчас, не знают, что дальше? Они не умеют ни проклинать, ни молиться, не способны ни дать, ни принять совет, они ни на что, ни на что, ни на что не способны.

Игра с чертовым хвостом

Translated by Tatiana Zharova

Contact of the translator: zharovat@gmail.com

Очень трудно начать. Человеку хочется сразу выразить все в одном предложении. К счастью, он не знает, как начать, ему нужно поразмыслить и поискать в сплетениях клубка то, что называют нитью. Невозможно начать, когда тебе пятьдесят. Я не совершаю молитву перед едой, крещусь только как автоводитель, у меня нет целого ряда привычек современников, хотя я и принадлежу среднему слою в социалистической системе.

Вначале я вознамерился описать самого себя.

К черту, такие дела! Я самого лучшего и самого худшего мнения о себе. С которого начать?

Запишу то, что у меня не идет из головы, что то и дело вертится у меня в башке, как будто записано на звуковую дорожку. То, что она выпала мне вечером перед тем, как лечь спать: я обыкновенный похотливый, бесхарактерный человек, существо, не способное чувствовать, низменная душа, чудовище, размазня, крыса прожорливая, примитив, идиот. И мне следует взглянуть на себя в зеркало. С этого места можно начать, я должен начать отсюда, иначе бы это продолжало звенеть у меня в голове, заглушая другие мысли и воспоминания. Я охотлив до секса, иначе бы меня так не занимала женская задница. Бесхарактерный, потому как иначе бы больше интересовался своей бедной семьей и заботился о ребенке. Никаких чувств у меня нет: если бы что-нибудь такого и было, я бы понял, как она страдает. Я низменная душа, невыносимый садист. Невозможный человек и моим друзьям и приятелем это хорошо известно, меня никто терпеть не может, и я увижу, каким будет конец! Вся моя молодость пропала коту под хвост, как я сейчас живу? Как прожорливая крыса. И ребенок весь нервный из-за меня. Все это она замечательно обосновала, стоя в дверном проеме, прежде чем плюнуть в мою сторону с воплем “фу!” – но ввиду того, что я начал медленно приподниматься, – убежала в свою комнату, где потом до четырех утра читала детектив за три динара, тот самый сброшюрованный, на цветной обложке которого бросающийся с револьвером в руке (нацеленным на полуодетую блондинку), а на обратной стороне надпись “Oslobođeno plaćanja poreza za promet mišljenjem Republičkog sekretariata za prosvjetu, kulturu i fizičku kulturu SRH broj 2935/2 – 1973 od 26/XI.1973.” Я же в это время тупо уставился в экран телевизора. Потом ходил взад вперед по гостиной, куря одну за одной сигарету. Это было вчера, в субботу вечером. Я принял два апаурина, которые действовали очень медленно и вообще не действовали. К своему неудовольствию, я поймал себя на том, что пошел в прихожую посмотреть в зеркало. Меня всего трясло: внутренности,

нервная система, мне кажется и легкие, голова тупо болела, я был растерян в бессмысленном прозябании, не мог ни заснуть, ни лежать, ни ходить, ни сбежать из квартиры, ни работать, ни читать, совершенно ничего меня во всем мире не интересовало, все стало посторонним, бывшим, ненастоящим, далеким, непонятым. В голове пустота, солома, пыль, распадающаяся при каждом движении, доставляя короткую жгучую боль, не задерживающуюся на одном месте, то болит затылок, теперь у висков, то лоб, скоро заболит ухо, весь глаз полностью, невралгия. В желудке слабая, но неприятная тошнота, из-за которой нельзя ни пить, ни есть. Изнеможение в членах. Незначительное, но повсеместное защемление всего, что есть во мне. Нет позы, в которой могло бы отдохнуть тело. Я попытался присесть, улегся на диване, прислонился к открытым дверям, которые выходят в цветущий сад, но я отовсюду вскакивал, бился то вверх, то вниз по комнате. Хотя от никотина у меня уже дымился рот, я курил сигарету за сигаретой, совершенно произвольно и с отвращением.

Когда она впервые несколько лет назад назвала меня “кретином”, во мне что-то оборвалось, и я не раздумывая дал ей в ухо, сильно и звонко. Несколько дней мы не разговаривали, а потом вдруг обнялись, и я что-то шептал ей на ухо, а она что-то отвечала в ответ, что, я понял только наполовину, и все наладилось, было даже так, что мы как будто лучше понимали друг друга, чем раньше. Когда она во второй раз сказала мне нечто похожее, я дал ей в глаз, мы подрались, она оцарапала и укусила меня, и мы дольше оставались в ссоре, с ненавистью и неприязнью глядя друг друга. Дружья зашли в гости, и – вдруг мы оба удивились, с какой легкостью говорим о нашем бое быков. Когда гости ушли, после них в воздухе воцарилось хорошее настроение, которое нас сблизило. Когда начался этот период распада? И как это я мог слушать целые тирады оскорблений и обидных слов? А может ли человек к этому даже привыкнуть? И к чему это вообще ведет?

Месяц с лишним назад она заявила, что подала на развод. «Хорошо, - сказал я, - как хочешь». «Может, поговорим до того, как в суд идти?» – спросила она. «Нет, к чему, обо всем там поговорим». Потом не происходило ничего. Мой адвокат сообщил мне, что в суде нет никакого заявления. Я спросил ее, что и как. «Если еще нет, так будет», - ответила она.

У меня перед глазами стоял ее взгляд, искаженное лицо, когда она плюнула, это было совершенно реальная смертельная ненависть. Ее хриплый и гнусавый голос. И это мой человек, моя жена, мать моего ребенка, моя милая и дорогая возлюбленная, кусок моей жизни, три угла нашего дома. На самом деле мой самый заклятый, смертельный враг, худшего врага у меня жизни не было. Судачит обо мне повсюду. Все счета я оплачиваю один, а она говорит, какой я скупой. Подбирает отовсюду сплетни и приносит их домой. Знакомым, на работе, соседям рассказывает, какой я мелочный, злобный, насильник и скупой,

какой я плохой отец и невозможный супруг, как уничтожаю ее жизнь. Шепчет, говорит, кричит, как я плох, на каждое мое слово отвечает со страшным гневом и злобой, в каждом ее малейшем замечании скрыта ядовитая колючка. Не готовит, не убирается, только и думает о том, что я не хочу везти ее в Грецию или Испанию; она бы также отправилась на Канарские острова или на Багамы, – а я, свинья, торчу дома и делаю невозможной ее жизнь. Ночью во сне вспоминаются ее яростные, дикие упреки, извергаемые для окончательного порицания ничтожества, каким являюсь я. “Ты погубил мои лучшие годы, – это самый нежный упрек. “Такого похотливого человека больше нет на белом свете. Кретин, идиот, конченный. И на работе я безответственный, халатный, и как я осмеливаюсь говорить о шефе, дармоед, постыдная вошь, обычный ноль без палочки. Шпионит за мной, выведывает, обыскивает мои карманы, ворует деньги, открывает мои письма, делает все, что может расшатать самые крепкие нервы. Сначала я пытался ее образумить, потом писал ей целые простыни, чтобы хотя бы из-за ребенка прекратила это делать, или хотя бы на глазах и на слуху у ребенка, потом мы опять с треском подрались, все летело в тар-тара-ры, оба ходили по врачам за справками об увечьях, оба помчались к своим адвокатам, которым нужны были какие-то объяснения “какая-то юридически достоверная информация”. Обоим казалось странным, что мы все еще живем вместе.

В моей жизни случались проблемы, а у кого их не было, но до таких (по крайней мере, подобных) оскорблений не доходило. Никто на свете так не оскорблял меня, никто так вызывающе нагло не вел себя, ведь я не беспомощный, а довольно-таки тонкокожий человек. Как же я в таком случае так вляпался в эту трясицу, в которой сам себе противен. Ей хочется спровоцировать меня на какой-нибудь необдуманный поступок, чтобы иметь удобный повод для развода по моей вине, доверительно сообщила мне ее «лучшая» подруга. Адвокат же мне спокойно и всерьез посоветовал переехать. Куда? Купить себе квартиру. Прекрасно. Господин адвокат, а вы не одолжите мне тридцать-пятьдесят миллионов? Оставить дом, который достался мне с таким трудом, и я должен еще выплачивать за него несколько лет? Сказал мне конкретно, такие дела обстоят так: очень маленькая вероятность, чтобы вам оставили ребенка, у кого остается ребенок, тому достается квартира. И к тому же в год женщин. Вероятно, все это ей известно, иначе она бы не она говорила с такой легкостью: «Забирай вещи и убирайся, если тебе не нравится». Она ни копейки ни вкладывала в наше хозяйство, обстановку и бытовую технику, все это я сам покупал, сам взял кредит на дом, сам выплачиваю. Она же вложила свои «лучшие годы», и так по закону «приобретенное за годы брака имущество делится пополам».

Игра без правил, выигрыш же на одной стороне, а выигрыше - аккурат только она. Игра утомительная, вопрос только в том, чьи нервы выдержат. Если

я ударю ее, она позвонит по телефону и потребует защиты. Если я сильно разозлюсь, она будет стараться засадить меня в сумасшедший дом. Она уверена, что я не стану ее убивать. Как же ей проиграть в этой игре? В год женщин? «Почему в дом больше никто не заходит, - говорит она – все из-за тебя!» Знаешь, что мне один человек сказал, кто тебя очень хорошо знает, даже очень, очень хорошо? Хочешь узнать? И снова чтение молитв, повторы известных ругательств, а одно новое, непременно, появляется еще какое-нибудь новое (в эскалации войны, как говорится): «что ты псих, - сказал он, - и твое место в психушке.» Она говорит также, что с удовольствием бы меня убила, заколола ножом, отравила, застрелила, но ей не хочется из-за такой свиньи садиться в тюрьму. Десятилетний Томаж, все это слушая, иной раз горько плачет.

Надо что-то сделать, надо что-то сделать, приговариваю я, шагая взад вперед. Ребенок жертва. Мы с Лидой оба жертвы и палач в одном лице, мы оба окончательно потеряли человеческий облик, оба вырвали себя с корнем из ячейки семьи, раскромсали себя. Развод, наверное, случится, но существенно ничего не изменит. Затем должно быть, мы то и дело будем обивать пороги судов из-за оскорблений и ограничения прав. Война нервов будет продолжаться в необозримом будущем, пока у одного из нас не сдадут нервы, и он не совершит еще большую глупость.

Чертова субботняя ночь. Если люди в кого-то верят и говорят ему, что он хороший, он и дальше становится лучшим. Если кому-то длительное время говорят, что он плохой и плохой, он и дальше становится все хуже. Так я превращаюсь в то, кем я никогда не был и кем никогда не буду, не похожим на человека, не свинья, не идиот, не постыдная вошь, но уже нечто неприятное, угрожающее и агрессивное. Что может сделать с чутким человеком терминология быдла, если омерзительные выражения то и дело повторяются, исподволь, громко, несдержанно, и все это по нарастающей, даже тогда, когда больше не остается никакого иного худшего варианта. Спутался ты с отбросами – и свиньи тебя сожрут.

В один прекрасный субботний ты окажешься на плевке, откуда-то сверху с потолка раздаться голос: ты ни на что не годишься, бездельник, напрасно ты думаешь, что закалил характер, все твое прошлое утонуло в маленьком плевке, этот плевочек твоя планета. Если бы это было не так, ты бы сражался, доказывал, как все обстоит на самом деле, выходил из себя. Черт возьми, в конце концов, ты же живешь в правовом государстве. Где?

Та самая, из-за которой я потерял человеческий облик, душу и имущество, лежит в удобной квадратной французской постели, на перовых подушках, которые ты купил, чтобы ей было хорошо, и у твоей лампы читает: Čula je kako ulazi u auto, kako zatvara vrata. Čula je kako je zatvorio okno. Čula je škripu metala i hrapav glas: - Zbogom, Maura. – Zatim pucanj, svjetlo, i i drugi pucanj. Potom hroptaj...« Она лежит в мягкой белой пижаме, в одной руке держа маленькую

книжечку, в которой люди убивают друг друга, другую руку сунула, одному богу известно, куда. Это существо где-то высоко на так называемой моральной высоте, с которой достаивает нужных себе людей именами хороших, а вредных себе наказывает с отвращением. И никому некуда деться от ее оценок. За дом платит какой-то кретин, тот же каждый месяц платит за центральное отопление, электричество и за все счета по списку. Если кретина не оказывается дома, когда приходит пристав, это светлая голова говорит: «Мужа нет дома, приходите в другой раз». Сама же любит покупать хорошие ткани для туалетов и отдает шить костюмы и верхнюю одежду самым дорогим портнихам. Для ее полного счастья и свободы не хватает только, чтобы я - идиот, поселился в какой-нибудь гостинице и посылал бы ей почте на счета, немного округлив сумму в сторону увеличения, плюс 100 червонцев на ребенка, а я, бесстыжая, постыдная вошь этого никак не могу понять. Трава растет до своей высоты, орешник до своей, ель до своей. Моя же милая растет, перекрывая все нормы, все человеческие высоты, а также через границы своего времени, у нее поистине свой социализм, и она на пути в рай на Земле.

Для спаниеля Дорис корм покупаю я, а Лида ее кормит, пес, естественно, питает гораздо более нежную привязанность по отношению к Лиде, чем ко мне. Если я перееду жить в гостиницу, я естественно, должен буду посылать домой корм для бедного пса, чтобы и с этой стороны не быть мерзкой свиньей.

Я путаюсь в мелких мыслишках, теряюсь в бессмысленных словословиях, хожу, сажусь, встаю, хожу. Если прилягу поспать, меня через какое-то время снова подымет, я снова закурю противную обжигающую сигарету, и так все повторится сначала. Снова я буду терзаться от гнева, меня охватит отчаянье, меня будет трясти от бессилия, я снова буду у повторять: «Что-то все-таки надо делать? Совершенно естественно, что я ненавижу ее. А ненависть ведет к действию, нападению или защите. А что делать мне? Стенаю сам с собою. Изредка плачусь в жилетку Францу или Приможу. Намедни Франции был у нас в гостях, послушал, как мы разговариваем с Лидой, и вздохнул: «Ой, бедные вы люди..., ой, бедные вы люди». В его взгляде я прочитал, насколько всерьез он так думает. У нас есть армия, у нас есть полиция, у нас есть суды, у нас есть, куда писать жалобы. Но не для решения семейных «неурядиц». У нас есть идеи справедливости, гуманизма, прогресса, процветания, теории о человеческих взаимоотношениях, учреждения по планированию семьи, все у нас есть, что относится к просвещению. Но не для регулирования внутрисемейных отношений. У нас даже есть слова, но они глухие. На фразу «однако, подумай», тут же следует слово «идиот!» У нас есть книги, но мы их не читаем. Музыка слушаем только легкую и развлекательную. В театр ходим редко. Сотрудник социальной службы не беспокоится о «благополучных» семьях. Психиатры слишком заняты с более важными случаями,

которые все равно уходят у них из рук; ведь им не удастся справиться ни салкоголиками, ни с наркоманами. Мы читаем гороскопы, пролистываем журналы, ходим в кино. Иногда выезжаем на природу, чтобы ее чуть-чуть загадить. Боги покинули эту планету, черт пожирает богатую жатву. Грядет судный день. Всемирный потоп? Нет, не грядет, уже наступил. С каждым днем что-то исчезает, и мы не знаем, что? Может быть, и правда, я ни на что не гождусь. Не то бы передумал враз, вспомнил бы что-нибудь, может бы, позвонил, где-то мне ответил бы смеющийся голос и позвал меня, чтобы я тут же зашел. А меня никуда не тянет. И я не знаю человека, который бы обрадовался, который бы обрадовался мне и сказал: «Конечно, конечно, давай пулей, садись в машину и гони; ты представить себе не можешь, как тут у нас весело!»

Недавно я прочитал, что у Шекспира счастливы только те, кто занимается физическим трудом, крестьяне и маленькие неимущие люди. Я верю критику драматурга. Не верю только, что счастье в том, что принадлежишь к неимущему сословию. Того, кто занимается физическим трудом, обременяют налоги, крестьянина – плохая продажа урожая, неимущего желание улучшить свое положение. Я как раз прав в том, чтобы ни в чем не нуждаться, мы всегда смотрим вверх, читаем и говорим о людях, которые живут на более широкую ногу, и говорим, а почему мы нет? Лида говорит, что она несчастна. В ее несчастье виноват я. Если я дам ей десять червонцев, она несчастна, потому что я не дал двадцать, если я дам ей пятьдесят, она злится, что я не дал ей ста и так далее до острова Онассиса Скорпиос. Впрочем, для меня это словесные конструкции, в которых заключены мои гневные размышления, по сути, бесполезные формулы, главным образом, ненужные, то есть: кому они нужны? Есть люди, которые за один день зарабатывают столько же, сколько я за всю жизнь. Ну, и что, они счастливы из-за этого? Дурацкий вопрос. Деньги – это не что иное, как двигатель, большой или маленький – правильно используется – хороший результат, плохо – плохой. Это мне, в конце концов, стало ясно. Немного, но кое-что.

Нет. Все это в целом еще ничего, ничего – состоит из нервозности и бега от повседневности. Главное – это нечто совершенно другое, но я не знаю, что. Нет названия. Нет указателя. Никто об этом не говорит. Чувствую, но не знаю.

А ишу ли я вообще? Не знаю. Хожу и смотрю перед собой, изображаю, как будто думаю. А что это? А что, если Лида чисто интуитивно права, что я всего лишь дурак, злопыхатель, да, даже псих? Может быть, не совсем так, как она меня представляет. Нормальные-то люди не попадают в такие чертовские петли, что не могут ни жить, ни умереть, ни бодрствовать, ни спать, ни сидеть, ни лежать, ни думать, ни оставаться без мысли, ни до смерти ненавидеть, ни любить, не имея сил идти дальше – не знать, как быть здесь и сейчас – и не знать, куда? Не уметь ругаться, не уметь молить, не в состоянии дать совет, ничего, ничего, ничего.

Igra sa đavoljim repom

Translated by Nemanja Sićević

Contact of the translator: nemanja.sicevic@gmail.com

Veoma je teško početi. Čovek bi voleo da odjednom ispriča previše, takoreći, sve u jednoj rečenici. Srećom, ne zna gde bi započeo, mora da se zamisli i potraži u metežu klupka ono što zovu nit. Nije moguće početi sa Avramom. Ne molim se pre jela, psujem kao kočijaš, nedostaje mi gomila navika mojih savremenika, iako pripadam srednjem sloju u socijalističkom sistemu.

Mislio sam da najpre samom sebi opišem samog sebe.

Dođavola sa takvim poslom! Imam najbolje i najlošije mišljenje o sebi, od kog da počnem?

Zapisaću ono što mi ne izbija iz glave, što mi se i dalje vrti po glavi, kao da je zabeleženo na traci, ono što mi je rekla sinoć, pre nego što je odjurila u krevet: da sam običan razvratnik, čovek bez morala, kreatura nesposobna za emocije, niska duša, čudovište, slabić, nekulturni pacov, primitivac i idiot. I da se jedanput pogledam u ogledalo. Tu mogu da počnem, odnosno – tu moram da počnem, pošto bi mi inače zujalo i zujalo po glavi toliko da bi nadjačalo sve druge misli i sećanja. Seksualno sam izopačen, pošto me inače ne bi toliko zanimalo žensko dupe. Bez morala sam, jer bih se inače malo više zanimao za svoju jednu rodbinu i više bih brinuo o detetu. Nemam nijednu emociju; da je imam, video bih kako ona pati. Niska duša sam, nesnosni sadista. Nemoguć čovek, pa i prijatelji i poznanici me dobro znaju, niko me ne voli i videću kako ću završiti. Cela moja mladost je protraćena, a kako sada živim? Kao parazitirajući pacov. Čak i dete je uvek bilo nervozno od mene. Sve to je i dobro utvrdila na vratima, pre nego što je pljunula ka meni, ispustila „Pu!“ i – pošto sam počeo polako da ustajem – pobegla u svoju sobu, gde je zatim do četiri ujutru čitala krimić za tri dinara, onaj broširani, što napred ima sliku napadača sa revolverom u ruci (merka obnaženu lepokosu ženu), a pozadi natpis „Oslobođeno plaćanja poreza na promet mišljenjem Republičkog sekretarijata za prosvjetu, kulturu i fizičku kulturu SRH broj 2935/2 – 1973 od 26. XI. 1973.“ A ja sam za to vreme gledao u televizijski ekran, nemam pojma šta. Zatim sam hodao gore-dole po dnevnoj sobi i pušio cigaretu za cigaretom. To je bilo sinoć, u subotu uveče. Uzeo sam dva apaurina, koji su delovali polako ili uopšte nisu. Hvatao sam sebe kako odlazim da se gledam u ogledalo u predsoblju. Sve je drhtalo u meni, unutrašnji organi, nervni sistem, pa čak i pluća, čini mi se, glava me je tupo bolela, bio sam izgubljen u postojanju bez smisla i mogućnosti, kada nije moguće spavanje, ni ležanje, ni šetnja, ni bekstvo iz stana, ni posao, ni čitanje, baš ništa na celom svetu me nije zanimalo, sve je postalo strano, bivše, nestvarno, daleko, nerazumljivo. U glavi tupa praznina, slama, prah koji se rasipa sa svakim pokretom i raznosi malu, krčkavu bol koju ne drži mesto; sada više boli potiljak, sada blizu slepoočnica, zatim teme, uskoro zaboli uvo, pa i oko, neuralgija. U želucu ne tako velika, ali neprijatna mučnina, zbog koje nije moguće ni

piti ni jesti. U udovima umor. Mala ali opšta kriza svega što jesam. Nema položaja u kome bih mogao na trenutak da odmorim telo. Pokušavao sam da sednem, legao sam na kauč, naslonio sam se na otvorena vrata koja gledaju na cvetni vrt, a onda bi me podiglo i nosilo gore-dole po sobi. Iako su me od nikotina već pekla usta, palio sam cigaretu za cigaretom, potpuno automatski i sa gnušanjem.

Kada me je pre nekoliko godina prvi put nazvala kretenom, nešto je planulo u meni i bez razmišljanja sam je zalepio preko ušiju, prilično snažno i glasno. Nekoliko dana smo se gledali popreko, onda smo se lepo zagrlili i ja sam joj nešto šaputao na uvo, a ona je nešto odgovarala, što sam razumeo samo napola, i sve se smirilo, čak mi se činilo da se razumemo bolje nego pre. Kada mi je drugi put rekla nešto slično napravio sam joj masnicu na oku, potukli smo se, ogrebla me je i ugrizla i duže vreme smo se svađali, mrzeli i mrko gledali. Došli su prijatelji u posetu, i – neobično, oboje smo se čudili sa kakvom lakoćom pričamo o našem klanju. Kada su gosti otišli, u vazduhu je ostalo dobro raspoloženje, koje nas je zbližavalo. Kada je počeo taj destruktivni period? I kako to da sam mogao da slušam sve grdnje i uvrede? Možda se čovek čak i navikne na to? I kuda to dalje vodi?

Pre više od mesec dana mi je izjavila da je predala zahtev za razvod. U redu, rekao sam, kako hoćeš. Da li da razgovaramo pre nego što odemo na sud, pitala je. Ne, zašto, o svemu ćemo razgovarati tamo. Onda nije bilo ništa. Moj advokat mi je javio da na sudu nema nikakvog zahteva. Pita sam je kako, šta. Ako je još nema, biće, uzvratila je.

U mislima mi je bio njen divlji pogled, njeno nakazno lice, kada je pljunula, to je bila baš duboka mržnja. Njen promukli i škripavi glas. I to je moj čovek, moja žena, majka mog deteta, moja voljena draga, deo mog života, tri stuba našeg doma. A zapravo je moj najgori, smrtni neprijatelj, većeg neprijatelja u životu nisam imao. Ogovara me okolo. Sve račune plaćam sam, a ona priča da sam cicija. Skuplja razne abrove i donosi ih kući. Kod poznanika, na poslu, kod komšija priča kako sam sitničav, dosadan, zloban, nasilan i sebičan, kako sam loš otac i težak muž, kako joj uništavam život. Šapuće, govori, viče kako sam loš, na svaku moju reč odgovara sa najvećim gnevom i ciničnom zlobom, u svakoj njenoj najmanjoj primedbi se skriva otrovna bodlja. Ne kuva, ne čisti, samo sanjari o tome kako neću da je vodim u Grčku ili u Španiju; volela bi da ide i na Kanarska ostrva ili na Bahame – a ja, svinja, razvlačim se po kući i zagorčavam joj život. Noću se u sećanju vraćaju njene besne, divlje, prekorne reči, sve izgovorene kao konačna osuda propalice kakva sam ja. „Uništio si najlepše godine mog života,“ to je još i najnežnija optužba. Tako pokvarenog čoveka nema na svetu. Kreten, idiot, propalica. I na poslu sam neodgovoran, nepažljiv, i šta imam ja da pričam o šefu, parazit, stidna vaš, običan ništak. Njuška za mnom, ispituje, prevrće mi džepove, krade mi novac, otvara pisma, radi sve ono od čega bi popustili i najjači živci. U početku sam pokušao da razgovaram sa njom, zatim sam joj pisao poruke da prestane sa tim stvarima makar zbog deteta, ili barem pred očima i ušima deteta, onda smo se opet bučno potukli, sve je letelo po sobi, oboje smo otišli kod lekara

po uverenja o povredama, oboje smo otrčali kod svojih advokata, oboje smo podneli zahteve za razvod, barem kod advokata – kojima su bila potrebna još neka objašnjenja, „neke informacije koje su vrlo relevantne“. Oboma je bilo čudno da još živimo zajedno.

Imao sam nekoliko manjih sporova u životu – ko nije – ali do takvih (ili barem sličnih) uvreda nije dolazilo. Niko na svetu me do sad nije ponižavao, niko me nije tako gorko izazivao, pošto nisam slabić i ne trpim uvrede. Kako sam onda zagazio u tu močvaru, u kojoj sam mrzak sam sebi? Kreten! Idiot! Pokvarenjak! Vaš! Svinja! Ko može mirno da guta takvo hranjenje? Samo onaj ko ne poštuje samog sebe. Volela bi da me izazove da uradim nešto nepromišljeno, što bi joj poslužilo kao povod za razvod mojom krivicom, poverila mi je njena „dobra“ prijateljica. A advokat mi je mirno i konkretno rekao da se iselim. Kuda? Da kupim stan. Fino. Gospodine advokatu, možete li da mi pozajmite trideset do pedeset miliona? Da napustim kuću koju sam teškom mukom stekao i koju ću otplaćivati još dugi niz godina? Zapravo, rekao je, te stvari su takve: veoma mala je verovatnoća da vi dobijete dete; ko zadrži dete, ostaje u stanu. A inače je godina žena. Verovatno sve to zna i ona, inače ne bi sa takvom lakoćom govorila: Ako ti ne odgovara, ti se pokupi i idi. Ona nije uložila ni dinara u ovo naše domaćinstvo; nameštaj i belu tehniku, sve sam kupio sam, sam sam uzeo kredit za kuću, sam ga otplaćujem. Ona je uložila „svoje najlepše godine“ i tako važi pravilo „u braku stečeno ide pola-pola“.

Igra je bez pravila, a dobitak jednostrani, samo ona može da dobije. Igra je naporna, pitanje je samo čiji će živci izdržati. Ako je udarim, zvaće nekoga, tražiće zaštitu. Ako se opasno razbesnim, pokušaće da me smesti u ludnicu. Sigurna je da je neću ubiti. Kako onda da izgubi tu igru? U godini žena? Zašto ljudi ne dolaze više u kuću, kaže: zbog tebe! Znaš šta mi je rekao neko ko te dobro poznaje, vrlo, vrlo dobro? Hoćeš da čuješ? I opet grdnja, ponavljanje poznatih psovki, pa još koja nova, uvek se pojavi još koja nova (što bi se reklo, u ratnoj eskalaciji): da si ludak, rekao je, da ti je mesto u ludnici. Kaže i da bi me rado ubila, ubola nožem, otrovala, upucala, ali ne bi da zbog takve svinje ode u zatvor. A desetogodišnji Tomaž sve to sluša i ponekad gorko zaplače.

Treba nešto preduzeti, treba nešto preduzeti, ponavljam sebi dok koračam gore-dole. Dete je žrtva. Lida i ja smo oboje žrtva i krvnik u jednoj osobi, oboje smo se do kraja dehumanizovali, oboje smo se iskorenili iz porodične zajednice, uništili smo se. Razvod je sada sasvim izvestan – ali u suštini neće promeniti ništa. Verovatno ćemo i posle toga nastaviti da se tužakamo zbog uvreda i ograničavanja prava. Rat nerava će trajati u nedogled, dok jedan ne izgubi živce i napravi neku veću glupost.

Vraška subotnja noć. Ako ljudi imaju poverenja u nekoga i pričaju mu da je dobar, postaje sve bolji. A ako nekome pričaju dugo da je loš i loš, postaje sve lošiji. Tako postajem nešto što nisam nikad bio i nikada neću biti, nešto što više ne liči na čoveka, nije ni svinja, ni idiot, ni stidna vaš, a jeste nešto neprijatno, ugroženo i agresivno. Šta napravi od osetljivog čoveka rečnik rulje, ako se odvratne fraze samo ponavljaju,

sugestivno, glasno, neumoljivo, i sve se to pojačava čak i onda kada nije vidljiva nijedna lošija opcija. Pomešao si se sa tricama – i svinje će te proždrti.

Neke subotnje večeri ćeš se naći na ispljuvku i odnekud ćeš čuti glas: bezvredan si, nikogojević, uzalud si mislio da si izgradio ličnost, sva tvoja prošlost je utonula u malom ispljuvku; taj ispljuvak je tvoja planeta. Da nije tako, borio bi se, dokazivao bi istinu, svađao bi se. Do đavola, zar ne živiš u pravno uređenoj zemlji?

Ona, koja je uništila ljudsko u meni, ostavila bez duše i tla pod nogama, leži u udobnom francuskom ležaju, u perjanom jorganu koji si joj ti kupio i uz tvoju lampu čita: „Čula je kako ulazi u auto, kako zatvara vrata. Čula je kako je otvorio prozor. Čula je škripu metala i hrapav glas: – Zbogom, Maura. – Zatim pucanj, svetlo, i drugi pucanj. Potom krik...“ Leži u mekoj beloj pidžami, u jednoj ruci drži sitnu knjižicu, u kojoj se ljudi ubijaju, a drugu ruku drži boga pitaj gde. To biće je negde visoko na takozvanoj moralnoj visini, sa koje nagrađuje sebi korisne ljude nazivajući ih dobrima, a one koji su štetni po nju kažnjava gnušanjem. I niko ne može ništa protiv njene ocene. Kuću otplaćuje neki kreten, isti plaća svaki mesec centralno grejanje, struju i sve ostale dažbine. Ako kreten nije kod kuće, kad dođe poštar sa računima, to svetlo biće kaže: Muž nije kod kuće, dodite drugi put. Mnogo voli da kupuje kvalitetne materijale i nosi da se šiju haljine i mantili kod najskupljih krojača. Njenoj potpunoj sreći i slobodi fali samo to da se ja-idiot preselim u neki hotel, a da i dalje šaljem novac za račune poštom, malo zaokruženo na veću cifru, pa još par stotina hiljada za dete. A ja, bestidna stidna vaš, to ne želim da razumem. Trava raste do svoje visine, lešnik do svoje, omorika do svoje. A moja draga raste preko svake moguće norme, preko svih ljudskih visina, pa čak i preko granice svog vremena, ona stvarno ima svoj socijalizam i na putu je za raj na Zemlji. Za španijelku Doris ja kupujem hranu, a Lida je hrani, pas naravno gaji mnogo nežnija osećanja prema Lidi nego prema meni. Ako odem da stanujem u hotelu, moraću naravno da šaljem kući hranu za jadnu kucu, da ne budem i sa te strane odvratna svinja.

Gubim se u sitnim mislima i idejama, gubim se u besmislenim rečenicama, hodam, sedam, ustajem, hodam. Ako legnem da spavam, posle nekog vremena će me opet podići, opet ću zapaliti neku gnusnu cigaretu, i sve će se ponoviti. Opet će me obuzeti bes, obuzimaće me očaj, trešću se od slabosti, opet ću govoriti sebi: Eh, nešto treba preduzeti? Potpuno je prirodno da je mrzim. A prezir vodi u akciju, u napad ili odbranu. A šta ja radim? Jadikujem sam za sebe. I tu i tamo se požalim Franciju ili Primožu. Zadnji put je Franci bio kod nas u poseti, slušao je kako Lida i ja razgovaramo i uzdahnuo: O, jadni ljudi... O, jadni ljudi. U njegovim očima sam pročitao kako duboko iskreno to misli. Imamo vojsku, imamo policiju, imamo sudove, imamo službu za žalbe. Ali ne za rešavanje bračnih „nesporazuma“. Imamo ideje pravičnosti, humanosti, napretka, boljitka, teorije o ljudskim odnosima, zavode za planiranje porodice, imamo sve što spada u neku kulturu. Ali ne za uređivanje unutrašnjih problema u porodicama. Imamo reči, ali one su gluve. Protiv reči „hajde razmisli“ plane reč „idiot“! Imamo knjige, ali ih ne čitamo. Slušamo samo laku i

zabavnu muziku. U pozorište retko idemo. Socijalna radnica se ne bavi „boljim“ porodicama. Psihijatri su zauzeti važnijim slučajevima, sa kojima svakako ne postižu ništa; pa ni alkoholičare i narkomane ne mogu da izleče. Čitamo horoskope, listamo revije, idemo u bioskop. Ponekad odemo u prirodu, da je malo usvinjimo. Bogovi su otišli sa ove planete, đavo žanje bogatu žetvu, Sudnji dan dolazi. Potop? Ne, ne, ništa ne dolazi, već jeste. Svaki dan nešto odlazi, a mi ne znamo šta. Možda ja i jesam beznadežan slučaj. Inače bih razmislio u ovom trenutku, možda bih malo telefonirao, negde bi mi odgovorio nasmejan glas i pozvao da odmah dođem. A meni se nigde ne ide. I ne znam za čoveka, koji bi mi se obradovao i rekao: Naravno, grome, odmah sedi u auto i dođi; nemaš pojma kako se zabavljamo!

Skoro sam pročitao da su kod Šekspira srećni ljudi samo zanatlije, zemljoradnici i neimućni mali ljudi. Verujem piscu o dramaturgu. Ali ne verujem da je sreća u tome da pripadaš siromašnom sloju. Zanatliju muči porez, seljaka loša prodaja proizvoda, a neimućnog čežnja za boljim položajem. Imam taman toliko da nam ništa ne fali, mada neprestano gledamo nagore, čitamo i pričamo o ljudima koji žive mnogo raskošnije, pa kažemo: a zašto mi ne? Lida kaže da je nesrećna. Za njenu nesreću sam kriv ja. Ako joj dam deset hiljada, nesrećna je zato što joj nisam dao dvadeset, ako joj dam pedeset, besna je jer joj nisam dao sto i tako dalje do Onazisovog ostrva Skorpios. Inače su to samo formule reči, u koje sam uhvatio svoje besno razmišljanje, u suštini bezvredne formule, a pre svega nepotrebne, odnosno: kome koriste? Ima ljudi koji za jedan dan zarade kao ja za ceo život. Jesu li srećni zbog toga? Kako glupo pitanje. Novac nije ništa drugo do neki motor, veliki ili mali – ako se ispravno koristi donosi dobre plodove, ako se nepromišljeno arči – loše. To mi je na kraju postalo jasno. Nije puno, ali je nešto.

Ne. Ovo sve zajedno nije ništa, ništa – mešavina nervoze i bekstva od svakidašnjice. Glavno je nešto sasvim drugo, ali ne znam šta. Nema imena. Nema putokaza. Niko ne progovara o tome. Slutim, ali ne znam.

Da li uopšte tražim? Ne znam. Hodam i gledam pred sobom, pravim se da razmišljam. Ali šta je to? Šta ako je Lida negde, potpuno nagonski, u pravu; da sam samo bednik, zlobnik, čak i ludak? Možda nisam baš takav kakvog me ona vidi. Ali normalni ljudi se ne upliću u takve đavolje zamke, da ne mogu ni da žive ni da umru, ni da bde ni da spavaju, ni da sede ni da leže, ni da misle ni da budu bez misli, ni da preziru do dna ni da vole, da ne mogu dalje – da ne znaju da budu ovde i sada – i da ne znaju kuda. Da ne znaju ni da proklinju ni da se mole, nesposobni za razgovor, ništa, ništa, ništa.

Hra s diablovým chvostom

Translated by Kristína Potočnáková

Contact of the translator: kpotocnak@gmail.com

Je veľmi ťažké začať. Človek by rád naraz povedal priveľa, takpovediac všetko v jednej vete. Našťastie nevie, kde začať; musí sa zamyslieť a pohľadať v zamotanom kľbku to, čomu sa vraví niť. Nemožno začať od Adama. Nemodlím sa pred jedlom, nadávam len ako šofér automobilu, nemám celý rad návykov súčasníkov, hoci patríam k strednej vrstve v socialistickom systéme.

Mal som v úmysle najprv samému sebe opísať samého seba.

Do čerta s takým počínom! Mám o sebe najlepšiu i najhoršiu mienku, ktorou začať?

Napíšem to, čo mi neschádza z mysle, čo mi neustále chodí po rozume, akoby zaznamenané na zvukový pás; to, čo mi povedala včera večer, predtým než odcválala spať: že som obyčajný zvrhlík, bezcharakterný človek, kreatúra neschopná citov, nízka duša, monštrum, slaboch, nekultúrny potkan, primitív a idiot. A že sa mám raz pozrieť do zrkadla. Tu môžem začať, respektíve – tu musím začať, inak by mi totiž cvendžalo a cvendžalo v hlave tak, že by to prehlušilo všetky ostatné myšlienky a spomienky. Som sexuálne zvrátený, inak by ma totiž tak nezaujímali ženské. Som bezcharakterný, pretože inak by som sa o niečo viac zaujímal o svoju úbohú rodinu a viac by som sa staral o dieťa. Nemám žiadne city; keby vo mne čosi bolo, videl by som, ako ona trpí. Som nízka duša, neznesiteľný sadista. Nemožný človek, veď aj priatelia a známi ma dobre poznajú, nikto ma nemá rád, a uvidím, ako skončím. Celá moja mladosť bola zbabraná, a ako žijem teraz? Ako príživnícka sviňa. Aj dieťa je už zo mňa celé nervózne. Toto všetko ešte dobre vyargumentovala medzi dverami, predtým, než na mňa napľula, skríkla „tfuj“ a – keďže som začal pomaly vstávať – utiekla do svojej izby, kde potom do štvrtej nad ráno čítala kriminálku za tri dináre, tú brožovanú, ktorá má na prednej strane farebný obrázok útočníka s revolverom v ruke (mieri na odhalenú krásnovlasú ženu), a na zadnej má nápis „Oslobodené od platenia dane z pridanej hodnoty výnosom Republikového sekretariátu pre osvetu, kultúru a fyzickú kultúru SRH (Socialistickej republiky chorvátskej, pozn. prekl.) číslo 2935/2 – 1973 od 26. XI. 1973.“ A ja som pri tom pozeral na televíznu obrazovku, vôbec neviem, čo. Potom som chodil hore dolu po obývačke a fajčil jednu cigaretu za druhou. To bolo včera v noci, v sobotu večer. Zhltol som dva apauriny, ktoré účinkovali pomaly alebo vôbec. S nevôľou som sa prichytil pri tom, že sa chodím na seba pozeráť do zrkadla v predsieni. Všetko vo mne sa úplne zľahka triaslo, vnútornosti, nervová sieť, zdá sa mi, že aj plúca; hlava ma tupo bolela, bol som stratený v bytí bez zmyslu a možnosti, keď sa nedá ani spať, ani ležať, ani chodiť, ani utiecť z bytu, ani pracovať, ani čítať; vôbec nič na svete ma nezaujímalo, všetko sa stalo cudzím, bývalým, neskutočným, vzdialeným, nepochopiteľným. V hlave tupá prázdnota, slama, prach, ktorý sa rozptýli pri každom pohybe, a roznáša malú,

škvrčiacu bolesť, čo nepostojí na jednom mieste; raz viac bolí zátylok, raz blízko spánku, potom temeno, onedlho zabolí ucho, dokonca oko, neuralgia. V žalúdku nevelká, no nepríjemná nevoľnosť, kvôli ktorej sa nedá piť ani jesť. V údoch únava. Malá a všeobecná kríza všetkého, čím som. Niet polohy, v ktorej by som mohol dať telu na chvíľu odpočinúť. Skúsil som si sadnúť, ľahol som si na gauč, oprel som sa o otvorené dvere, ktoré hľadia do kvitnúcej záhrady, no zakaždým ma zdvihlo a nosilo hore-dolu po izbe. Hoci ma už od nikotínu pálili ústa, zapalaľoval som si jednu cigaretu za druhou, čisto automaticky a s odporom.

Keď ma pred niekoľkými rokmi prvýkrát nazvala kreténom, čosi vo mne vzbĺklo a bez rozmýšľania som jej jednu vylepil, silno a zvučne. Niekoľko dní sme mali tichú domácnosť, potom sme sa z ničoho nič objali a ja som jej niečo šepkal do ucha, ona odpovedala čosi, čomu som rozumel len napoly a všetko sa urovnalo; bolo to dokonca také, akoby sme si rozumeli lepšie než predtým. Keď mi druhýkrát povedala čosi podobné, urobil som jej monokel na oku, pobili sme sa, poškrabala a pohrýzla ma a dlhšie sme boli pohádaní, nepriateľskí, zachmúrení. Priatelia prišli na návštevu, a – napodiv, obaja sme sa čudovali, s akou ľahkosťou sme dokázali hovoriť o našej koride. Keď návšteva odišla, ostala po nej vo vzduchu dobrá nálada, ktorá nás zblížila. Kedy sa začalo to ničivé obdobie? A ako to, že som dokázal počúvať celé litanie nadávok a urážok? Môže si na to človek dokonca zvyknúť? A kam to ešte povedie?

Pred viac ako mesiacom mi oznámila, že podala žiadosť o rozvod. Dobre, povedal som, ako chceš. Neporozprávame sa predtým, než pôjdeme na súd? spýtala sa. Nie, prečo, pohovárame sa až tam. A potom sa neudialo nič. Môj právnik mi oznámil, že na súde žiadna taká žiadosť nie je. Spýtal som sa jej, čo a ako. Ak ešte nie je, bude, odvetila.

Na myseľ mi prichádzal jej divý pohľad, jej zamračená tvár, keď si odpľula; bola to čistá pravá smrteľná nenávisť. Jej zachrípnutý a huhňavý hlas. A to je môj človek, moja žena, matka môjho dieťaťa, moje nežné a milé zlatičko, kus môjho života, tri uholné kamene našej domácnosti. A v skutočnosti je mojím najhorším, smrteľným nepriateľom; horšieho nepriateľa som v živote nemal. Všade ma ohovára. Všetky účty platím ja, a ona rozpráva, aký som skupáň. Zbiera rôzne klebety a nosí ich domov. Pred známymi, v práci, pred susedmi vykladá, aký hnusný, protivný, zlomyseľný, násilný a skúpy som, aký zlý otec a nemožný manžel som; ako jej ničím život. Šepká, hovorí, kričí, aký zlý som, na každé moje slovo reaguje s najväčšou zlosťou a cynickou zlobou, v každej jej najmenšej poznámke sa skrýva jedovatý osteň. Nevarí, neupratuje, len o tom fantaziruje, ako ju nechcem vziať do Grécka alebo do Španielska; išla by aj na Kanárske ostrovy alebo na Bahamy – no ja, sviňa, trčím doma a znemožňujem jej žiť. V noci sa mi v spomienkach navracajú jej nahnevané, divé, vyčítavé, zákerné slová; všetky vyslovené ako definitívny rozsudok nad naničhodníkom, ktorým som. „Zničil si najlepšie roky môjho života,“ toto je ešte najjemnejšie obvinenie. Na celom svete sa už nenájde taký zvrátený človek. Kretén, idiot, zhýralec. Aj pri práci v zamestnaní som nezodpovedný, nedbanlivý, a čo si dovoľujem povedať o šéfovi!;

príživník, filčka, obyčajná ľudská nula. Snorí za mnou, vyzvedá, prehľadáva mi vrecká, kradne mi peniaze, otvára listy; robí všetko to, pri čom dokážu povoliť aj najpevnejšie nervy. Najprv som sa pokúšal upokojiť ju, potom som jej vypisoval siahodlhé listy, aby s tými vecami prestala aspoň kvôli dieťaťu, alebo aspoň pred očami a ušami dieťaťa; potom sme sa opäť hlučne pobili, všetko lietalo vo vzduchu, obaja sme šli k lekárovi po posudky o zraneniach, obaja sme sa bezhlavo rozbehli každý k svojmu právnikovi, obaja sme požiadali o rozvod, aspoň u právnikov, – ktorí však potrebovali ešte nejaké objasnenia, „nejaké informácie, ktoré sú právne relevantné.“ Obom sa zdalo čudné, že ešte spolu žijeme.

Mal som v živote niekoľko menších sporov – veď kto by ich nemal – no k takým (alebo aspoň podobným) urážkam nedošlo. Nikto na svete mi ešte nevynadal, nikto ma tak bolestne neprovokoval, keďže nie som bez sily a aj pokožku mám dosť citlivú. Ako som teda zapadol do tej močariny, v ktorej sa sám sebe hnusím? Kretén! Idiot! Zvrhlík! Voš! Sviňa! Kto pokojne toto všetko prehltnie? Iba ten, kto si neváži sám seba. Rada by ma vyprovokovala k nejakému dosť nepremyslenému činu, ktorý by jej poskytol lepší dôvod na rozvod na základe mojej viny, prezradila mi jej „dobrá“ priateľka. Právnik mi pokojne a vecne poradil, nech sa odsťahujem. Kam? Nech si kúpim byt. Fajn. Pán právnik, a môžete mi požičať od tridsať do päťdesiat miliónov? Nech odídem z domčeka, ktorý som horko-ťažko získal a ktorý budem splácať ešte celé roky? Totiž, povedal, veci sa majú tak: je veľmi málo pravdepodobné, že dieťa dostanete vy; ten, kto získa dieťa, ostáva v byte. A navyše je rok žien. Všetko toto vie pravdepodobne aj ona, inak by s takou ľahkosťou nehovorila: Ty sa spakuj a pober, a bude, keď sa ti nepáči. Ona do našej domácnosti neinvestovala ani dinár; nábytok a domáce spotrebiče, všetko som kúpil ja; ja som si vzal pôžičku na domček, ja ju splácam. Ona investovala „svoje najlepšie roky“ a tak platí pravidlo „počas manželstva nadobudnuté sa delí na polovicu“.

Hra je bez pravidiel, a zisk jednostranný, získať totiž môže jedine ona. Hra je náročná, otázne je len to, či nervy vydržia. Keď ju udriem, pôjde k telefónu, bude požadovať ochranu. Keď sa vážne rozzúrím, pokúsi sa dostať ma do blázince. Je presvedčená, že ju nezabijem. Ako teda môže prehrať túto hru? V roku žien? Prečo k nám už nikto nechodí, vraví: kvôli tebe! Vieš, čo mi povedal niekto, kto ťa veľmi dobre pozná, dokonca veľmi, veľmi dobre? Chceš vedieť? A znovu litánie, opakovanie známych nadávok, a aj jedna nová, vždy sa objaví aj nejaká nová (v eskalácii vojny, ako sa vraví): že si blázon, povedala, že patríš do blázince. Hovorí tiež, že by ma s radosťou zabila, prebodla nožom, otráвила, zastrelila, no nerada by šla kvôli takej svini do väzenia. Desaťročný Tomaž toto všetko počúva a občas srdcervúco zaplače.

Treba niečo spraviť, treba niečo spraviť, dohováram si, keď chodím hore dolu. Dieťa je obeťou. My dvaja s Lidou sme obaja katom i obeťou v jednej osobe, obaja sme sa extrémne odľudštili, obaja sme sa vykorenili z rodinného celku, znivočili sme sa. Rozvod teraz asi predsa bude – no v podstate nezmení nič. Vraj sa aj potom budeme naďalej vláčiť po súdoch kvôli urážkam a obmedzovaniu práv.

Súboj nervov bude trvať donekonečna, kým jeden z nás nervy nestratí a nespraví nejakú väčšiu hlúposť.

Čertovská sobotná noc. Keď ľudia niekomu dôverujú a hovoria mu, že je dobrý, stáva sa čoraz lepším. No ak niekomu dlho hovoria, že je zlý a zlý, stáva sa čoraz horším. Tak sa stávam niečím, čím som nikdy nebol a nikdy nebudem; niečím, čo sa už nepodobá človeku, ešte to nie je sviňa, ani idiot, ani hanebná voš, no už je to niečo neprijemné, ohrozené a útočné. Čo spraví z citlivého človeka výrazový register luzy, keď sa hnusné výrazy sústavne opakujú, sugestívne, hlasno, nezadržateľne, a všetko sa to stupňuje aj vtedy, keď už žiadnu horšiu možnosť nevidno. Zmiešal si sa s otrubami – a svine ťa zožerú.

V jeden sobotný večer zostaneš stáť na pľuvanci, a kdesi spod stropu bude prichádzať hlas: nestojíš za nič, niktoš, márne si si myslel, že si vyrástol do charakteru, celá tvoja minulosť sa potopila v malom pľuvanci; ten pľuvanec je tvoja planéta. Keby to nebola pravda, bojoval by si, dokazoval by si, čo je pravda, rozčuľoval sa. Do čerta, koniec koncov žiješ v právnom štáte. Kde?

Tá, ktorá ma odľudštila, zbavila duše a uzemnila, leží v pohodlnej manželskej posteli na kvadrát; v perinách, ktoré si kúpil, aby jej bolo dobre, a pri tvojej lampe číta: „Počula, ako vchádza do auta, ako zatvára dvere. Počula, ako otvoril okno. Počula škripanie kovu a chrapľavý hlas: – Zbohom, Maura. – Potom výstrel, svetlo, a ďalší výstrel. Potom chrčanie...“ Leží v mäkkej bielej pyžame, v jednej ruke drží drobnú knižočku, v ktorej sa zabíjajú ľudia, druhú ruku drží bohvie kde. Tá bytosť je kdesi vysoko v takzvanej morálnej výške, z ktorej odmeňuje pre ňu užitočných ľudí označením „dobrý“, a tých, čo jej škodia trestá averziou. A nik proti jej hodnoteniu nič nezmôže. Dom spláca nejaký kretén, ten istý platí každý mesiac ústredné kúrenie, elektrinu a všetky účty na za radom. Ak kretén nie je doma, keď príde inkasant, povie tá svetlá bytosť: Muž nie je doma, prídte inokedy. Sama veľmi rada nakupuje dobré látky na šaty a dáva si šiť kostýmy a kabáty u najdrahších krajčírov. K úplnému šťastiu a slobode jej chýba len to, aby som sa ja – idiot radšej odsťahoval do nejakého hotela a ďalej posielal peniaze na platenie účtov poštou, trochu zaokrúhlené nahor, a ešte takých sto litrov na dieťa. A ja, nehanebná filčka to nechcem pochopiť. Tráva rastie do svojej výšky, lieska do svojej, smrek do svojej. No moja drahá rastie nad všetky možné normy, naprieč všetkými ľudskými výškami, a aj cez hranice svojho času, tá skutočne má svoj socializmus a je na ceste do raja na Zemi. Pre kokeršpanielku Doris kupujem krmivo ja a Lida ju krmí, pes samozrejme prechováva oveľa nežnejšiu lásku voči Lide ako voči mne. Ak odídem bývať do hotela, budem samozrejme musieť domov posielat krmivo pre úbohého psíka, aby som aj po tejto stránke nebol odporná sviňa.

Strácam sa v drobných myšlienkach a predstavách, strácam sa v nezmyselných slovných spojeniach, chodím, sadám si, vstávam, chodím. Keď si ľahnem spať, o nejaký čas ma znovu dvihne, znovu si zapálím nejakú odpornú páliacu cigaretu, a všetko sa zopakuje. Znovu mnou prenikne zlosť, prebehne mnou zúfalstvo, budem

sa triasť od nemožnosti, znovu si budem dohovárať: Aha, niečo predsa len treba podniknúť? Je úplne prirodzené, že ju nenávidím. No nenávisť vedie k činom, k útoku alebo obrane. A čo robím ja? Lamentujem sám pre seba. A sem-tam sa postažujem Francimu alebo Primožovi. Naposledy bol Franci u nás na návšteve, počúval, ako sa s Lidou rozprávame, a povzdychol si: Ó, úbohí ľudia...ó, úbohí ľudia. V jeho očiach som prečítal, ako smrteľne vážne to myslí. Máme armádu, máme políciu, máme súdy, máme úrad sťažností. Nie však na riešenie manželských „nedorozumení“. Máme idey spravodlivosti, humanity, pokroku, zlepšovania, teórie o ľudských vzťahoch, ústavy pre plánovanie rodiny; máme všetko, čo spadá pod akúsi kultúru. No nie na usporadúvanie vnútorných vecí v familiách. Máme dokonca slová, no tie sú hluché. Proti slovu „premysli predsa“ uháňa slovo „idiot“! Máme knihy, no nečítame ich. Hudbu počúvame iba ľahkú a zábavnú. Do divadla chodíme skôr menej. Sociálna pracovníčka sa o „lepšie“ famílie nestará. Psychiatri sú príliš zaneprázdnení vážnejšími prípadmi, ktoré im tak či tak unikajú pomedzi prsty; veď ani len alkoholikov a narkomanov nedokážu ovládať. Tak čítame horoskopy, listujeme v časopisoch, chodíme do kina. Občas ideme do prírody, nech ju trochu zasviníme. Bohovia z tejto planéty odišli, diabol žne bohatú úrodu. Súdny deň prichádza. Vesmírna potopa? Nie, nie, nič neprichádza, to už je. Každý deň niečo odchádza, a nevieme, čo? Možno som naozaj k ničomu. Inak by som v tejto chvíli porozmýšľal, spomenul by som si na niečo, možno by som trochu telefonoval, niekde by mi odpovedal rozosmiaty hlas a pozval ma, nech len ihneď ihneď prídem. Mňa to však nikam neťahá. A neviem o človeku, ktorý by sa mi potešil a povedal: Samozrejme, zloba, ihneď sadaj do auta a príď; nevieš si predstaviť, ako sa zabávame!

Naposledy som čítal, že v Shakespearovi sú šťastní len remeselníci, roľníci a nemajetní malí ľudia. Tomu o dramatikovi spisovateľovi verím. Neverím však, že je šťastie v tom, že patríš k nemajetnej vrstve. Remeselníka ubíja daň, roľníka slabý predaj produktov, nemajetného túžba po zlepšení situácie. Ja mám všetkého tak akurát, že nám nič nechýba, no predsa sa neprestajne dívame hore, čítame a hovoríme o ľuďoch, ktorí žijú na oveľa vyššej nohe, a vravíme: a prečo my nie? Lida vraví, že je nešťastná. Za jej nešťastie môžem ja. Keď jej dám desať litrov, je nešťastná, lebo som jej nedal dvadsať, keď jej dám päťdesiat, je nahnevaná, lebo som jej nedal sto, a tak ďalej až k Onassisovmu ostrovu Skorpios. Hoci toto sú samé slovné formuly, do ktorých som zachytil svoje zlostné úvahy; v podstate priam bezcenné formuly, najmä však nepotrebné; respektíve: komu slúžia? Sú ľudia, ktorí za jeden deň zarobia toľko, koľko ja za celý život. Sú preto šťastní? Aká hlúpa otázka. Peniaze nie sú nič iné než akýsi motor, veľký alebo malý – správne použitý prináša dobré ovocie, zle rozhádzaný – zlé. Aspoň toto mi nakoniec bolo jasné. Nie je to veľa, niečo však áno.

Nie. Toto dokopy nie je nič, nič – zmiešané z nervozity a úniku pred každodennosťou. Hlavné je niečo celkom iné, neviem však čo. Nemá to meno. Niet ukazovateľa. Nik o tom neprehovorí. Tuším, no neviem.

Hľadám vôbec? Neviem, Chodím a pozerám pred seba, tvárim sa, akoby som premýšľal. No čo je to? Čo keď má Lida v čomsi čisto inštinktívne pravdu; že som len úbožiak, podliak, áno, dokonca blázon? Možno nie úplne tak, ako ma vidí ona. Normálni ľudia sa však nezaplietajú do takých diabolských slučiek, že nemôžu ani žiť ani umrieť, ani bdiť ani spať, ani sedieť ani ležať, ani myslieť ani byť bez myšlienok, ani na smrť nenávidieť ani milovať, nemôcť ďalej – nedokázať byť tu a teraz – a nevedieť, kam? Nedokázať kľať ani modliť sa, neschopní nejako sa poradiť, nič, nič, nič.

El juego con la cola del diablo

Translated by María Estefanía Quiroga

Contact of the translator: estefaniaq@gmx.net

Es muy difícil empezar. A uno le gustaría decir demasiado de una vez, todo en una oración. Por suerte nunca sabemos por dónde empezar, tenemos que imaginar y buscar en la dificultad de la ventisca, que en realidad no dice nada. No se puede empezar por el comienzo. No suelo rezar antes de las comidas, insulto cual chofer de autos y no tengo ningún tipo de costumbre contemporánea y eso que pertenezco al estrato medio en el sistema socialista.

Al principio pensaba describirme a mí mismo.

¡Al diablo con semejante comienzo! Tengo la mejor y la peor opinión sobre mi persona, ¿con cuál empiezo?

Voy a escribir lo que me salga, lo que primero me pase por la cabeza, como si aquello que me dijo anoche furiosa antes de dormirse estuviera registrado en una cinta de audio: que soy un típico perverso, un hombre sin personalidad, una criatura sin habilidad para sentir, un alma baja, un monstruo, un alfeñique, una rata sin cultura, un primitivo y un idiota. Y que alguna vez me mirara en el espejo. Puedo empezar ahí, o sea – ahí tengo que empezar, porque de todos modos eso me daría vueltas y vueltas en la cabeza hasta taparme todo el resto de los pensamientos y recuerdos. Sexualmente soy un perverso, de lo contrario no me interesaría tanto el culo femenino. No tengo escrúpulos, de lo contrario me interesaría más en mi pobre familia y me preocuparía más por el nene. No tengo sentimientos; si hubiera alguno en mí, vería cómo ella sufre. Soy un alma baja, un sádico insoportable. Un hombre imposible: como mis amigos y conocidos también me conocen bien, nadie me quiere y ya voy a ver cómo voy a terminar. Toda mi juventud fue desastrosa, ¿y cómo vivo ahora? Como una rata piojosa. También el nene está harto de mí. Ya estuvo claro en la puerta cuando antes de escupirme, gritó “¡puaj!” y –como lentamente empecé a ponerme de pie – corrió a su habitación donde después leyó hasta las cuatro de la mañana una novelita de tres dinares, de esas rústicas que tienen en la tapa una foto a color de un tipo con un revólver en mano (apuntándole a una bella mujer desnuda) y en la contratapa la inscripción “Exento del pago de impuestos financieros de acuerdo con el Secretariado de Educación, Cultura y Deporte de la República Socialista de Croacia, número 2935/2- 1973 de 26. XI. 1973.” En ese entonces yo miraba la pantalla del televisor, no tengo idea qué. Después anduve de acá para allá por el living y fumé cigarrillo tras cigarrillo. Eso fue anoche, sábado a la noche. Me tomé dos valium que tardaron en funcionar o que directamente no funcionaron. Fui de mala gana a mirarme en el espejo del vestíbulo. Suavemente tembló todo en mi interior: las entrañas, el sistema nervioso, creo que hasta los pulmones; la cabeza me dolía tibiamente, estaba perdido en un estado sin sentido ni posibilidad, en el que no se

puede ni dormir, ni estar acostado, ni caminar, ni escapar del departamento, ni trabajar, ni leer; nada en el mundo me interesaba en absoluto, todo se me hacía extraño, antiguo, irreal, lejano, inentendible. En la cabeza había un vacío rotundo, paja, polvo que se desvanece ante cualquier movimiento y distribuye un pequeño dolor gorgojeante sin lugar exacto; ahora duele más en la nuca, ahora cerca de la sien, después el vértice, pronto empieza a doler la oreja, después todo el ojo: neuralgia. En el estómago reina un malestar no muy grande pero tampoco agradable que no permite ni tomar ni comer. En los brazos, cansancio. Una pequeña pero general angustia de todo lo que soy. No hay posición en la que el cuerpo pudiera descansar por un instante. Traté de sentarme, me arrastré hasta el sillón, me asomé a la puerta abierta que da al jardín de flores, pero todo el tiempo algo me hacía levantar y me llevaba de acá para allá por la habitación. Prendí un cigarrillo tras otro, automáticamente y con repugnancia, a pesar de que la boca ya me quemaba por la nicotina.

Cuando hace un par de años me dijo cretino por primera vez, algo me vino y sin pensarlo le di un golpe cerca de la oreja, bastante fuerte y ruidoso. Un día hicimos las pases, nos abrazamos y le susurré algo al oído, ella contestó algo que entendí por la mitad y todo se arregló, fue como si hasta nos hubiéramos entendido mejor que antes. Cuando otra vez me dijo algo parecido, le dejé un ojo negro, nos pegamos, me arañó y mordió y durante un tiempo más largo estuvimos peleados, nos odiamos, nos miramos mal. Vinieron unos amigos de visita, e insólitamente, ambos nos sorprendimos de la soltura con la que hablamos de nuestra lucha salvaje. Cuando las visitas se fueron, quedó algo de buen humor en el aire que nos acercó. ¿Cuándo comenzó este período de destrucción? ¿Y cómo es que pude soportar la letanía de retos y quejas? ¿Acaso uno se puede acostumbrar a eso? y además, ¿adónde lleva todo eso?

Hace más de un mes me comunicó que había empezado los trámites del divorcio. Bueno, dije, como quieras. Podríamos hablar un poco antes de ir a juicio, preguntó. No, para qué, vamos a hablar todo ahí. Al final no pasó nada. Mi abogado me avisó que en la corte no había ninguna petición. Le pregunté a ella, cómo y por qué. Si todavía no está, ya va a estar, contestó.

Se me vino a la cabeza su mirada salvaje, su cara deforme cuando escupía, eso era un genuino odio de muerte. Su voz estridente y nasal. Y ésa es mi mujer, mi esposa, la madre de mi hijo, mi dulce y querida amante, parte de mi vida, el pilar de nuestro hogar. Pero en realidad es mi más mortal y peor enemiga, no he tenido peor enemigo en mi vida. Ella tergiversa todo. Yo pago todas las cuentas y sin embargo ella habla de lo tacaño que soy. Junta todas las difamaciones y las lleva a casa. A los conocidos, en el trabajo, a los vecinos les comenta lo molesto, inoportuno, malvado, violento y tacaño que soy, lo mal padre y mal esposo y cómo le arruino la vida. Murmura, dice, grita lo malo que soy, a cada una de mis palabras responde con la peor cólera y con una cínica malicia y en cada una de sus pequeñas observaciones se esconde una

picadura venenosa. No cocina, no ordena, solo fabula que no quiero llevarla a Grecia o a España; también iría a las Islas Canarias o a las Bahamas –pero yo, cerdo, me quedo en casa y le hago la vida imposible. Por la noche vuelven en recuerdos sus palabras furiosas, rabiosas, llenas de reproches, imputables, todo dicho para describir la condena terminante e indiscutible que soy. “Me arruinaste los mejores años de mi vida” esa es la acusación más leve. Ya no hay hombres tan desmerecidos en el mundo. Cretino, idiota, vagoneta. También en el trabajo soy irresponsable, negligente y si me permito decir algo de mi jefe, parásito, ladilla, un cero a la izquierda. Me espía, me investiga, me revisa los bolsillos, me roba plata, me abre las cartas, hace todo lo que pueda desencadenar los nervios más fuertes. Al principio probé discutirle, después se lo escribí en hojas de papel para que parara con esas cosas, al menos por el nene o al menos frente a los ojos y los oídos de él, después nos peleamos en voz alta otra vez, voló todo por el aire, ambos fuimos al médico a buscar un certificado de las lesiones, corrimos cada uno a su abogado, ambos presentamos la demanda de divorcio, cada uno con su abogado –que necesitaban una explicación, “alguna información que sea verdaderamente relevante”. A los dos se les hizo raro que todavía viviéramos juntos.

Tuve alguna que otra disputa en mi vida – bueno, quién no las ha tenido – pero nunca habían aparecido insultos así (ni siquiera parecidos). Nadie en el mundo me ha insultado tanto ni me ha provocado tanto rencor y no es que no tenga fuerza pero es que también soy de piel bastante sensible. Cómo es entonces que me sumergí en ese pantano en el que yo mismo me doy asco. ¡Cretino! ¡Idiota! ¡Pervertido! ¡Piojo! ¡Cerdo! ¿Quién se traga todo eso sin chistar? Aquel que no se respeta a sí mismo. Su “buena” amiga me confesó que a mi mujer le gustaría llevarme hasta una acción impensable solo para tener una mejor razón para divorciarse y que sea mi culpa. El abogado me aconsejó con tranquilidad y seriedad que me mudara. ¿Adónde? Que me compre un departamento. Genial. Señor abogado: ¿me podría prestar treinta o cincuenta millones? ¿que deje la casa que con tanto esfuerzo adquirí y que voy a terminar de pagar recién en muchos años? O sea, dijo, estas cosas son así: hay una muy baja probabilidad de que usted reciba la tenencia del nene; el que se queda con el hijo, es el que se queda con la vivienda. Y todavía es el año de la mujer. Seguramente ella sabe todo esto, de lo contrario no habría dicho tan tranquilamente: Si no te gusta, decilo y andate. Ella no invertía ni un dinar en la economía de nuestro hogar; yo solito compré los muebles y los electrodomésticos, solito me metí en el crédito para la casa y solito lo estoy pagando. Ella solo puso “sus años más hermosos” y la ley dice “los bienes obtenidos en matrimonio se dividen a la mitad”.

El juego no tiene reglas, el premio es tendencioso, es decir que lo puede recibir solo ella. El juego es cansador, la cuestión es, los nervios de quién van a resistir. Si le pego, va a correr al teléfono y va a pedir protección. Si me enojo mucho, va a probar mandarme a un loquero. Está segura de que no la voy a matar. ¿Cómo podría entonces perder ella este juego? ¿en el año de la mujer?. ¿Por qué la gente no viene

más a casa?, dice: ¡por tu culpa!. ¿Sabés lo que me dijo alguien que te conoce muy bien, muy pero muy bien? ¿querés saber? y otra vez la letanía, la repetición de los ya conocidos insultos, pero también alguno nuevo, siempre aparece alguno nuevo (escalada en la guerra, como se dice): que estás loco, dijo, que tenés que estar en un manicomio. Dice también que me mataría con mucho gusto, me acuchillaría, envenenaría, dispararía, pero que no iría a la cárcel por culpa de semejante cerdo. Tomás, de diez años, escucha todo esto y a veces empieza a llorar amargamente.

Hay que hacer algo, hay que hacer algo, me convenzo mientras voy de acá para allá. El nene es una víctima. Nosotros con Lida somos víctimas y verdugos al mismo tiempo, ambos nos deshumanizamos hasta el fin, ambos nos desarraigamos de la unidad familiar, nos destruimos. El divorcio ahora tal vez solo suceda – pero en líneas generales no va a cambiar nada. Se supone que vamos a poder ir a la corte por las agresiones y la limitación de las leyes. La guerra de los nervios va a durar infinitamente, hasta que uno pierda el control y cometa alguna locura.

Una maldita noche de sábado. Si la gente tiene confianza en alguien y le dice que es bueno, éste se hace cada vez mejor. Pero si a alguien le dicen que es malo y malo, se hace cada vez peor. Por eso estoy siendo de una manera que nunca fui ni seré, algo que ya no se parece a un hombre, ni siquiera a un cerdo ni a un idiota, ni a una ladilla, pero sí es algo desagradable, amenazador y agresivo. Lo que hace que un hombre sensible use el lenguaje vulgar es que las frases horribles se sigan repitiendo, sugestivamente, fuerte, inconteniblemente y todo esto se intensifica hasta en momentos en los que realmente no hay nada malo. Te mezclaste con el centeno y los cerdos te van a devorar.

Una noche de sábado cualquiera te vas a parar para escupir y una voz va a venir de alguien debajo del techo: no valés nada, inútil, al pedo pensaste que te construiste un personaje, todo tu pasado se hundió en una escupida; ese escupitajo es tu planeta. Si esto no fuera cierto, tendría miedo, demostraría que es verdad, me entusiasmaría. Al diablo, después de todo vivís en un país legalmente organizado. ¿Dónde?

Ésta, que me deshumanizó, estranguló y rebajó, está acostada en una cómoda y cuadrada cama tipo francesa, con un edredón que compró para estar a gusto y al lado del velador lee: “Escuchó cómo entraba al auto, cómo golpeaba la puerta. Escuchó cómo abría la ventana. Escuchó el sonido de los metales y una voz ronca – Adiós Maura. – Después de eso, un disparo, una luz y otro disparo. Entonces más ruido...” Está acostada en la cama con un pijama blanco y suave, en una mano sostiene el librito en el que la gente se mata y la otra mano la tiene Dios sabe dónde. Esta persona está en algún punto alto de la llamada altura moral con la que se recompensa a sí misma la gente útil con título de buenos, y la gente perjudicial se castiga hasta la náusea. Pero nadie puede objetar sus valoraciones. Un cretino paga la casa, ese mismo paga todos los meses la calefacción central, la electricidad y todas las cuentas de la lista. Si el cretino no está en casa cuando viene el recaudador, el ser luminoso dice: Mi esposo no está en casa, venga otro día. A ella le encanta comprarse

ropa de marca y se manda a hacer trajes y abrigos con los sastres más caros. A su felicidad y libertad completas solo les falta que yo – el idiota, me mude mejor a algún hotel y le mande por correo para las cuentas, redondeando un poco para arriba y cien boludeces más para el nene. Yo, la ladilla sinvergüenza, no quiero entenderlo. El pasto crece hasta donde quiere, el avellano también, el pino también. Y mi querida crece pasando todas las normas posibles, más allá de toda altura humana y también más allá de los límites de su tiempo, esto tiene de verdad su socialismo y está en el camino al paraíso terrenal. Al cocker Doris le compro la comida yo. Lida le da de comer y la perra, por supuesto siente mucho más amor por Lida que por mí. Si me voy a instalar a un hotel, tendré que mandar a casa la comida para la pobre perrita, así no soy también por esa razón, un cerdo asqueroso.

Me pierdo en pequeños pensamientos y conceptos, me pierdo en frases sin sentido, camino, me siento, me paro, camino. Si me acuesto para ir a dormir, al poco tiempo me voy a levantar, otra vez me voy a prender un cigarrillo asqueroso y se va a repetir todo. Otra vez la ira me va a provocar, la desesperación me va a invadir, voy a temblar de impotencia, otra vez me voy a reprochar: bueno, ¿pero es que solo hay que decidir algo? Bastante seguro es, que la odio. Pero el odio conduce a la acción, a la agresión o a la protección. ¿Y entonces yo qué hago? Me quejo conmigo mismo. Y cada tanto me quejo con Franci o con Primoz. La última vez que estuvo Franci de visita en casa, escuché cómo hablábamos Lida y yo, y suspiró: Oh, pobre gente... pobre gente. En sus ojos pude ver que de verdad lo sentía profundamente. Tenemos el ejército, tenemos la policía, tenemos el tribunal de justicia, tenemos el departamento para quejas. Pero no tenemos nada para resolver “malentendidos” maritales. Tenemos ideas de justicia, humanidad, progreso, mejoras, teorías sobre las relaciones humanas, establecimientos para el planeamiento familiar, tenemos para todo lo que es civilizado. Pero no para solucionar los asuntos internos de las familias. Tenemos todas las palabras, pero son sordas. En lugar de las palabras “pero pensé un poco” aparece la palabra “¡idiota!”. Tenemos libros pero no los leemos. Escuchamos solo música simple y divertida. Al teatro vamos cada vez menos. La asistente social no habla de una familia “mejor”. Los psiquiatras están demasiado ocupados con casos más importantes que se les van de las manos; si no llegan a dominar siquiera a los alcohólicos o drogadictos. Leemos, de hecho, los horóscopos, ojeamos las revistas, vamos al cine. A veces vamos de excursión para ensuciar un poco la naturaleza. Los dioses se fueron de este planeta, el diablo cosecha. Ya viene el día del Juicio Final. ¿El Diluvio? no, no, no viene nada. Todos los días algo se va y no sabemos qué. Tal vez de verdad no sirvo para nada. Generalmente podría considerar esto en un momento, me acordaría de algo, capaz llamaría por teléfono, en algún lugar me respondería una voz risueña y me pediría que fuera enseguida enseguida. Pero a mí no me llevan a ningún lado. Y no conozco a nadie que se alegrara por mi llamado y dijera: Dale, rayo, subite ya mismo al auto y vení; ¡no te imaginás lo bien que la estamos pasando!

Hace poco leí que en Shakespeare solo son felices los artesanos, los campesinos y los indigentes. Yo creo en lo que el dramaturgo escribió. Pero no creo que la felicidad esté en pertenecer al estrato de los indigentes. A los artesanos los matan los impuestos, a los campesinos una mala venta de la cosecha y a los indigentes las ganas de mejorar la situación. Yo tengo razón en que no nos hace falta nada y que estamos continuamente mirando para arriba, leemos y hablamos de gente que vive mucho más holgadamente y nos preguntamos: ¿por qué nosotros no? Lida dice que es infeliz. Y que yo soy culpable de su infelicidad. Si le doy diez de los grandes es infeliz, porque no le di veinte, si le doy cincuenta se enoja, porque no le di cien y así sigue hasta la isla Skorprios de los Onassis. Generalmente son siempre las mismas fórmulas de palabras, en las que capturé mis furiosas reflexiones, básicamente fórmulas sin valor, sobre todo innecesarias, es decir: ¿a beneficio de quién? Hay gente que en un día gana lo mismo que yo en toda mi vida. ¿Acaso son felices por eso? Qué pregunta más tonta. La plata no es nada más que un motor, grande y pequeño – bien usada trae buenos frutos, mal usada – malos. Esto últimamente se me ha vuelto claro. No todo, pero algo.

No. Todo esto no es nada, nada – estoy confundido por los nervios y la intención de escapar de la rutina. Lo importante es precisamente otra cosa, pero no sé qué. No tiene nombre ni cartel. Nadie empezó a hablar de eso. Tengo un presentimiento, pero no sé.

¿Acaso siquiera busco? No sé. Camino y miro adelante y hago como que no pienso. ¿Pero qué es eso? ¿qué pasa si Lida tiene razón en algún punto, que sólo soy un tarado, un malvado, sí, un lunático total? Tal vez no exactamente así como me ve ella. Pero la gente normal no se mete en estas trampas del diablo, en las que no pueden ni vivir ni morir ni despertarse ni dormir, ni sentarse ni acostarse, ni pensar ni estar sin pensar, ni odiar del todo ni amar, ni seguir adelante – ni saber estar aquí y ahora – ni saber adónde. Sin saber maldecir ni rezar, incapaces de recibir un consejo, ni nada, nada, nada.

List of Translators

Karin Almasy (Austria)

Born in 1985 in Klagenfurt/Celovec. She studied Translation Studies, German as a Foreign Language (DaF) teaching programme and History of Southeastern Europe at the University of Graz. Currently she is working as a university assistant at the Department of Translation Studies at the University of Graz and working on her PhD. She mainly translates Slovenian literature into German, focusing on poetry by such authors as Ivan Dobnik, Ivo Svetina, Andrej Medved, and prose by Prežihov Voranc, Suzana Tratnik, Aleš Čar, Mojca Kumerdej, and Goran Vojnović. Moreover, she specialized at translating scientific papers from the humanities, especially the historical sciences.

Contact: karin@almasy.at

Ann Catrin Apstein-Müller (Germany)

Born in 1973, she studied German language and literature, American culture and literature, and media law in Munich, where she now works as a freelance editor and translator from Slovenian, English, and French. She has translated works of prose by Aleš Steger, Miha Mazzini, Milan Kleč, Tadej Golob, and Marko Sosič, plays by Simona Semenič and Evald Flisar, and poetry by Stanka Hrastelj, Primož Čučnik and Ana Pepelnik.

Contact: ac-am@gmx.de

Marianna Bershadskaya (Russia)

Born in 1937. She is an associate professor at the Saint Petersburg State University. She teaches Slovenian literature and literatures of other Southern Slavic nations. In 1993, she launched Slovenian language classes at the Department of Slavic Philology. She has published a number of studies on Slovenian literature and translations of works by Ivan Cankar, Anton Ingolič, Juš Kozak, Miško Kranjec, Ciril Kosmač, Karel Grabelšek, Beno Zupančič, Andrej Hieng, Nada Kraigher, and Drago Jančar. Her currently unpublished translations into Russian include *Županova Micka* (Micka, the Mayor's Daughter) by Anton Tomaž Linhart, *Lepa Vida* (Lovely Vida) by Ivan Cankar and *Kreature* (Creatures) by Bratko Kreft. She is the chairman of the Saint Petersburg Branch of the Slovenian Cultural and Artistic Society Triglav, the initiator of the Friends of Slovenia Society, and an honorary member of the Slovenia-Russia Society. In 2000, she became a distinguished recipient of the Order of Freedom of the Republic of Slovenia.

Contact: marber2@rambler.ru

Ljudmil Dimitrov (Bulgaria)

Born in 1967. He obtained a degree in Bulgarian Philology (1992) in addition to two second majors in journalism and media at Sofia University, and drama theatre directing at the National Academy for Theatre and Film Arts in Sofia. He obtained his doctorate in Russian literature in 1999. He is a professor of Russian literature at the University St. Kliment Ohridski in Sofia, and a professor of Russian Drama and Theatre at the Theatre College "Lyuben Grois" in Sofia. He is a full member of the Bulgarian Academy of Sciences and Arts and the Bulgarian PEN. Between 2005 and 2010, he was a lecturer for Bulgarian Language, Literature and Culture at the University of Ljubljana. He is the co-founder and head of the Literature, Film and Visual Culture Master's program at the Faculty of Slavic Studies at the University St. Kliment Ohridski in Sofia. He has authored several scholarly monographs (including *Bagrjana in Slovenija* with Ljudmila Malinova-Dimitrova, Ljubljana 2011), textbooks and books (anthologies and collections), over 150 publications in Bulgaria, Russia, Poland, Czech Republic, Slovakia, Turkey, Italy, Serbia, Slovenia, etc., and participated at over 50 forums and conferences in Bulgaria and Europe. He is also an editor and translates works from English, Russian and Slovenian. He has translated several works by Slovenian authors into Bulgarian, among them Aleš Šteger, Matjaž Zupančič, Zofka Kveder, Suzana Tratnik, Mojca Kumerdej, Andrej Blatnik, Andrej Morovič, Maja Novak, Tomaž Kosmač, Andrej Skubic, Mitja Čander, Stanka Hrastelj and others.

Contact: [ljdiv@abv.bg](mailto:ljudiv@abv.bg)

Florence Gacoïn-Marks (France)

Born in 1972 in Paris, she completed her studies at the Sorbonne and at the INALCO in Paris, where she studied French literature, Serbo-Croat and Slovenian. She wrote her PhD thesis in comparative literature on the Slovenian realistic novel in the European context. She has lived in Slovenia since 1994 and currently works as a lecturer at the Faculty of Arts at the University of Ljubljana. Her main research interests are comparative literature, narratology, and translatology. In her spare time, she translates scientific, legal, and literary texts. One of her main goals is increased promotion of Slovenian literature and culture in francophone countries.

Contact: florence.gacoïn-marks@guest.arnes.si

Aleksandra Krasovets (Russia)

Born in 1982 in Moscow, she studied Slovenian language and literature at Lomonosov Moscow State University (2000-2005), where she completed a thesis "The Genre Peculiarity of Drago Jančar's Novels between 1970 and 1990". Then she studied Russian literature at Jean-Moulin Lyon III University in France. In 2006 she defended her MA thesis "Russian Avant-garde Poetry in the 1920s", which also covered the phenomenon of Russian expressionism. She completed her doctoral dissertation in 2014. She lived in Ljubljana between 2006 and 2014 and returned to

Moscow in 2014. She translates scholarly, technical and literary texts, among them Goran Vojnović. She is a member of a group preparing a new edition of a Russian-Slovenian Dictionary at University of Ljubljana.

Contact: aleksandrakrasovec@yahoo.com, aestas@yandex.ru

Grégoire Labbé (France)

Born in 1985 near Lyon, Grégoire learnt Slovenian for three semesters at the Center for Slovenian as a Second/Foreign Language in Ljubljana. Upon returning to France, he continued his studies in the field of Slavonic languages; including Slovenian, Czech and, more recently, Ukrainian, at the INALCO (the National Institute of Oriental Civilisations and Languages), a renowned institute in Paris. He began to work as a translator after he was inspired by a seminar, organized by the Slovenian Book Agency in August 2011, and he is keen on developing a career in translating Slovenian literature.

Contact: g.lab85@gmail.com

María Estefanía Quiroga (Argentina)

Born in 1982 in Buenos Aires, she studied Spanish Language and Literature at the University of Buenos Aires and presently teaches Spanish as a foreign language. She has been studying the Slovenian, Serbian, and Croatian languages for many years, and also actively participates in the promotion of South Slavic culture in Buenos Aires. Her passion for contemporary Slavic literature led her to working on Slavic-Spanish translations and motivated her interest in introducing this particular literature into the Spanish market. To date, she has translated several brochures and short stories from Slovenian into Spanish and is currently working on her first translation of a full-length novel.

Contact: estefaniaq@gmx.net

Timothy Pogačar (USA)

Pogačar teaches Russian language and literature at Bowling Green State University. He is president of the Society for Slovenian Studies and has edited the journal *Slovenian Studies*, which occasionally publishes English-language translations of Slovenian literature. He translated the prose selections in *Slovenski pesniki in pisatelji akademiki (Slovenian Poets and Prose Writers in the Academy of Sciences, 2007)*. Currently, he is completing a translation of Ivan Tavčar's *Visoška kronika (The Visoko Chronicle)*. Pogačar is involved in other kinds of translating as well. He translated Marko Juvan's *Intertekstualnost: zgodovina in poetika (Intertextuality: History and Poetics, 2009)*. He is an associate director of the Language Services Group at Bowling Green State University.

Contact: pogacar@bgsu.edu

Kristína Potočňáková (Slovakia)

Born in 1984 in Prešov, Slovakia. She studied English and Polish at the Faculty of Philosophy at the Comenius University in Bratislava. During her studies, she turned her focus to the Slovenian language and participated in several cultural events on the topic of Slovenian literature and film (World Festival of Slovenian Literature 2006, World Festival of Slovenian Literature in Film 2008). She has translated a children's novelette by Franjo Frančič and poems by Klemen Pisk and Lucija Stupica (in cooperation with Andrej Pleterski; the translation was nominated for the prize "Lirikonov zlat 2010"). Her translations of works by Andrej Blatnik, Dane Zajc, Aleš Šteger, Peter Rezman, Maja Vidmar and many others are included in an Anthology of Contemporary Slovenian Literature, which was published in Slovak in 2010. She partakes in organizing literary evenings with Slovenian authors and is also active as an interpreter from Slovenian and English into Slovak.

Contact: *kpotocnak@gmail.com*

Nemanja Sićević (Serbia)

Born in 1978 in Kruševac, Serbia, currently living in Belgrade. He earned a BA and an MA degree in General Linguistics and the Slovenian Language at the Faculty of Philology in Belgrade. He teaches Slovenian and Serbian at several schools in Belgrade, including "Kolarčeva zadužbina", the oldest and most prominent language school in Serbia. He occasionally lectures on contemporary Slovenian culture and society, as well as on South Slavic philology. He is active as an editor of various almanacs and as a proofreader. He translates technical, scientific, legal, and literary texts from Slovenian and English into Serbian and vice versa.

Contact: *nemanja.sicevic@gmail.com, beskrajni.plavi.krug@gmail.com*

Darko Spasov (Macedonia)

Born in 1976 in Kočani, Macedonia, he graduated from the Faculty of Philology at the Ss. Cyril and Methodius University of Skopje and obtained his MA degree in theatre arts at the ESRA – University for Audiovisual Arts in Skopje. He translates works from Slovenian, English, and Russian for the Macedonian book market. He regularly collaborates with the following publishers: Mladinska knjiga Skopje, Matica Makedonska, Kliker knjigi, Esra, and Miš Publishing. He has translated an assortment of contemporary Slovenian drama texts (Tina Kosi, Matjaž Zupančič, Dragica Potočnjak, Saša Pavček) and works by several renowned Slovenian authors, such as Andrej Rozman-Roza, Drago Jančar, Ela Peroci, Svetlana Makarovič, Barbara Hanuš, Cvetka Bevc, Nina Kokelj, Stanka Hrastelj, Marcello Potocco, Tadej Golob, Andrej Hočvar, France Bevk, Fran Milčinski, and others. He also translates plays by dramatists such as Siegfried Melchinger, Mikhail Anton Chekhov, and Declan Donnellan.

Contact: *polatski@gmail.com*

Nadežda Starikova (Russia)

She is a PhD and specialist in the field of Slavic Philology and a Slovenist. After graduating from Lomonosov Moscow State University, she has worked at the Institute of Slavic Studies, the Russian Academy of Sciences as the acting director of the Department for Modern Literatures of Central and Southeastern Europe. Since 1994 she has been a lecturer for Slovenian Literature and Culture at the Department of Slavic Philology at Lomonosov Moscow State University. She has authored the following books: *The Slovenian historical novel of the 1920s-1930s. Typology. Genealogy. Poetics* (Moscow, 2006), *Slovenian literature from the origins till boundary of the 20th century* (Moscow, Indrik, 2010), *Slovenian literature of the 20th century* (Moscow, Indrik, 2014). As a translator she has participated in the following projects: *Slovenia. The Path to Independence* (Moscow, Indrik, 2001), *Literary Express Europe 2000* (Moscow, Rainbow, 2001 – translation of works by Aleš Šteger, Aleš Čar and Esad Babačič). She acted as a consultant, translator and editor of the anthology of *Contemporary Slovenian Prose, Poetry, and Drama (Litteræ Slovenicæ, DSP, Ljubljana, 2001* – translation of works by Andrej Blatnik, Dušan Jovanović, Evald Flisar, and Drago Jančar), wrote the preface to the *Anthology of Slovenian Poetry From Age to Age* (Moscow, Pranat, 2008). Her translations of contemporary Slovenian prose have been published in the journals *Herald of Europe* (2013) and *Foreign Literature* (2014). In 2010 she was honoured with the *Tone-Pretnar-Award* for ambassadors of the Slovenian language and literature abroad.

Contact: nstarikov@mail.ru, nstarikova2009@yandex.ru

Kristina Tamulevičiūtė (Lithuania)

Kristina Tamulevičiūtė was born in 1989 in Siauliai, Lithuania. She studied Lithuanian and Slovenian at the Universities of Vilnius and Ljubljana. Currently, she is a student at the University of Sarajevo, Bosnia and Herzegovina, where she studies Bosnian, Croatian and Serbian literatures. She has won numerous youth poetry competitions throughout Lithuania. Her poems have been published in various Lithuanian newspapers and magazines. She mostly translates contemporary Slovenian poetry. The majority of her translations have been, and continue to be, published by the cultural newspaper *Siaures Atenai*.

Contact: kristina.tamuleviciute@gmail.com

Regina Wojtoń (Poland)

Born in 1978 in Krosno, Poland, she graduated in Polish and Slovenian from the Faculty of Philology at the Silesian University, where she also completed her PhD studies (with a dissertation entitled “Evil in Polish and Slovenian Modern Literature of the 1990s”) and a postgraduate programme for teachers of Polish Culture and Polish as a Foreign Language. Her research areas are literary studies and contemporary Slavic literatures, in particular the reception of modern Polish psychological and crime novels abroad. She works at the University of Bielsko-Biała as a teacher of Slovenian and Polish

as foreign languages. She is also interested in translation studies and contributes to various projects that promote Slovenian and Polish culture abroad. She translates Slovenian poetry and prose into Polish.

Contact: rwojton@gazeta.pl

Tatiana Zharova (Russia)

She graduated from the Lomonosov Moscow State University and also studied at the University of Ljubljana. She taught Slovenian both at the Moscow Institute of International Relations and at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Between 1999 and 2001, she was a cultural attaché at the Embassy of the Russian Federation in Ljubljana. She currently works as a translator and interpreter at the Embassy of the Republic of Slovenia in Moscow, where she is involved in bilateral programs for cultural partnership between the two countries. She has also translated several literary works by Slovenian authors such as Ivan Cankar, Matej Bor, Nada Gaborovič, Andrej Hieng, Danilo Lokar, Drago Jančar, and Tone Pavček.

Contact: zharovat@gmail.com

Co-financing Publications of Slovenian Authors in Foreign Languages

Slovenian Book Agency (JAK)

Founded in 2009, the Slovenian Book Agency (JAK) is a government institution that deals with all actors in the book publishing chain, from authors to publishers and readers.

Subsidies to translators for the translation of Slovenian authors

The main form of international promotion is the co-financing of translations from Slovenian into other languages. JAK annually publishes a call for applications for co-financing translations of Slovenian authors' books into other languages, including adult fiction, children's and young adult fiction, and essayistic and critical works on culture and the humanities, theatrical plays and comics. Applicants can be publishing houses, theatres, and individual translators. In each case, a contract is concluded with the translator, and therefore all funding goes directly to him or her. The subsidy covers up to 100% of the translation costs. Grants cannot be awarded retroactively.

Mobility grants for Slovenian authors

The call for applications is published once a year. The applicant can be a Slovenian author who has been invited to a literary event abroad. The application must be enclosed with the invitation and the program of the event. The subsidy covers up to 100% of eligible travel expenses.

Contact

Javna agencija za knjigo Republike Slovenije / Slovenian Book Agency

Metelkova 2b, 1000 Ljubljana, Slovenia

Phone: +386 1 369 58 20

Fax: +386 1 369 58 30

Email: gp.jakrs@jakrs.si

Webpage: <http://jakrs.si/eng>

Trubar Foundation

The Trubar Foundation is a joint venture of the Slovene Writers' Association, Slovenian PEN and the Center for Slovenian Literature. The aim of the Trubar Foundation is to subsidize publications of Slovenian literature in translation.

Subsidies to publishers for the printing costs of books translated from Slovenian:

Foreign publishers can apply for subsidies to publish unpublished translations of Slovenian authors in their native languages. The Trubar Foundation contributes up to 50% of printing costs. It does not subsidize translation. Priority is given to the works of living authors who are already established in Slovenia. However, the Board will take all applications for works of fiction, poetry, drama, or literary essays into account, as long as they are originally written in Slovenian. The Board consists of seven equal members, including the Presidents of Slovene Writers' Association and Slovenian PEN. They convene at least twice a year, usually in March and October. Therefore, applications received by the end of February and the end of September will be considered.

Contact

Društvo slovenskih pisateljev / Slovene Writers' Association

Tomšičeva 12, 1000 Ljubljana, Slovenia

Phone: +386 1 251 41 44

Fax: +386 1 421 64 30

Email: dsp@drustvo-dsp.si

Webpage: <http://www.drustvopisateljev.si>

VITOMIL ZUPAN

Playing with the Devil's Tail

Novel

SAMPLE TRANSLATIONS

BOLGARIAN

ENGLISH

FRENCH

GERMAN

LITHUANIAN

MACEDONIAN

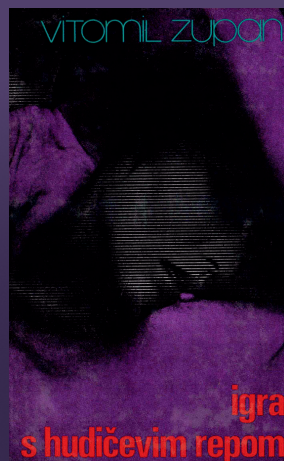
POLISH

RUSSIAN

SERBIAN

SLOVAK

SPANISH

JAK
SLOVENIAN
BOOK
AGENCY

Slovenian Book Agency, Metelkova 2b,
1000 Ljubljana, Slovenia

T: +386 1 369 58 20 F: +386 1 369 58 30
E: gp.jakrs@jakrs.si W: www.jakrs.si

ISBN 978-961-93270-6-7

9 789619 327067